

Боги язычников — демоны, а Господь небеса сотворил.

Псалтирь 95:5

И язычникам дал Бог покаяние в жизнь.

Деяния апостолов 11:18

Россия, Русь, — куда я ни взгляну...

За все твои страдания и битвы

Люблю твою, Россия, старину,

Твои леса, погосты и молитвы,

Люблю твои избушки и цветы,

И небеса, горящие от зноя,

И шепот ив у омутной воды,

Люблю навек, до вечного покоя...

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Николай Рубцов

От автора: Вначале девяностых годов прошлого века я написал статью, где кратко изложил календарные обычаи и обряды русских крестьян; статья вошла послесловием в составленный мной сборник «Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы». А четверть века спустя статья легла в основу очеркового повествования, которое ныне и предлагаю читателю.

Пролог

История России — история крестьянства, ибо на заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском Царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери-сырой земле.

Исконно русские крестьяне, коих не постигли либеральные западники, побитые молью порочного европейского просвещения, и славянофилы, заложники барского происхождения, — исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веди, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изустно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные,

были христолюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия. Поминая сословия, речь не ведём о насельниках скитов и пустынь, о монастырском старчестве и духовенстве — се носители света Христова, богоизбранные молитвенники за народ русский.

Письменные труды по истории Государства Российского грешили тем, что составлялись из историй правящих кругов — суть, высших сословий, — из истории войн и общественно-политических движений в яркой борьбе за власть и грешные земные блага, из истории научных, культурных достижений, религиозных преобразований. А многовековая повседневная простонародная жизнь, история развития народного духа прозябали в тени.

«Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своем прошлом почти потеряна для нас», — знаменитый писатель-этнограф Михаил Забылин писал сие более века назад, когда в крестьянстве цвела и красовалась двухтысячелетняя обрядовая этика-эстетика, а уж что говорить о нынешней поре, когда *русскость* в народе истреблена западным варварством.

Русский... Произнесешь величавое слово, и в сознании рождается: православный крестьянин... «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин», — писал Александр Куприн. — Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов русского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Покаянное слово писателя русскому крестьянству ...суть, *русскому народу*... речено не ради красного словца, кое не жалеет мать и отца; Куприн — пасынок дворянского, разночинного мира, утратившего веру и крестьянский здоровый дух, — соглашается с непониманием народа русского: «я, право, не знаю, кто он...». Любя и воспевая непостижимый для дворян и разночинцев родной народ, писатель чувствует роковую сословную вину перед крестьянством, которое они, интеллигенты и дворяне, метали, словно хворост в костер, в кровавую пасть отечественных и мировых исторических смут. От того и «любовь без всякой надежды на взаимность». Помянутый Алексей Пешков (Горький), писатель большого, хотя и безбожного дарования, люто ненавидящий крестьянство, в 1925 году повелевал Николаю Бухарину: «Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян, и что здесь возможен, даже неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужжилопоклонников и деревенелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» [«Известия ЦК КПСС», 1989, № 1, с. 36.]

Будучи составителем «Русского месяцеслова» и сочинителем сего очерка¹, я не воспевал языческие мотивы при описании народных обрядов, суеверных обы-

¹Автор в данном очерке использует цитаты из «Русского месяцеслова», не выделяя их кавычками. А большинство цитат других авторов использованы без ссылок на источники, ибо сей труд не строго академический, а писательский с широким использованием исторических, этнографических, фольклорных источников. Очерк публикуется с авторской орфографией и пунктуацией.

чаев, суеверных примет и даже заговоров, — всё сие введено в книгу и данный очерк лишь для достоверной картины народного мировоззрения и мировыражения. А коли и согрешил, заманчиво окрасив некий древний обряд русичей, то каюсь: Боже, милостив буди мне грешному, ибо водопоклонение, огнепоклонение, травоволхование, гадание — богопротивно, от *эллинского беснования*.

Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатленный в русском месяцеслове, суть — народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная история крестьянской жизни, что, суть — истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного.

От древнеславянского язычества² русские обрели великое знание природы от росинки и хвоинки до Вселенной и выстраивали свою обыденную и праздничную жизнь согласно природно-мистическому календарю. Со Святым Крещением и духовным облачением во Христа Бога русские свергли былых идолов, освободились от языческого идолопоклонничества и с веками стали воспринимать мать-сыру землю, как Творение Божие.

И тем не менее, да простит Бог православному крестьянину, который, живя среди дикой природы, привык поклоняться ей, который, завися в своих земледельческих трудах от природных стихий, невольно одухотворял их, хотя понимая, что Бог и через природу взаимодействует с ним, вознося молитвы Иисусу Христу, Царице Небесной, Ангелам Божиим, христианским святым.

Среди почитающих, изучающих русскую обрядовую этику лишь глубоко воцерковленные могли безошибочно увидеть, где вера помрачалась суеверием, где православный церковный обряд подменялся языческим.

Автор сего очерка, ознакомившись с природно-хозяйственными календарями русских крестьян и календарно-обрядовой поэзией и мифологией, прописав времена года, месяцы и обрядово насыщенные дни, составил «Русский месяцеслов», куда ввел и православный календарь с краткими житиями святых, поскольку бывшие месяцесловы обычно страдали тем, что составители мимоходом-мимолетом поминали евангельские события, кои в основе народно-христианских праздников, и обходили за версту жития святых, именами которых обозначались дни. А посему эдакие месяцесловы утрачивали исконную христианскую сущность, опустошались, уродливо искажаясь, склоняясь к языческим суевериям и заземляясь до хозяйственного календаря и погодных примет.

В составленном мною «Русском месяцеслове» впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. К сему грех забывать, что крестьяне младенцам, окрещенным в церковной купели, по христианским святцам давали имена святых, дабы сии небесные покровители оберегали чадо от рождения и до упокоения.

В окаянные девяностые годы прошлого века завершил я долголетнее составление «Русского месяцеслова»; книга по тем временам вышла в свет изрядным тиражом, тысяч в пять; и вскоре бойко разошлась в Прибайкалье, и даже Алтаю досталось. Потом я путешествовал по губернии, гостил в селах и мелких горо-

²В очерке я не касаюсь научных открытий нынешнего века — генетических, лингвистических, историко-археологических, — доказывающих, что русский народ, именуясь ариями, в генетически современном виде появился на свет на среднерусской равнине около 4500 лет тому назад. И на основе русского языка через 500 лет, когда русские пришли в Индию, родился и санскрит, предельно родственный и современному русскому языку.

дах, навещал библиотеки и клубы, и всюду видел зачитанный до дыр «Русский месяцеслов», что книгохранители берегли пуще зеницы ока. В благословенные для литературы времена, когда за книгами охотились, «Месяцеслов...» могли и похитить...

В завершении напутного слова скажу: очерк, разумеется, лишь касается русской народной этики, воплощенной в обрядах и обычаях, ибо мир сей крестьянский безбрежен, словно Вселенная.

О дикости и рабстве русского крестьянина

О величии крестьянской цивилизации... Русскоязычные русоненавистники в надежде на чаевые с холопским подобострастием целуют руку Западной Европе, жестоковыйной старой блудне, что густо запудрила корявые морщины, напомадила впалые щеки, кроваво покрасила губы и дочерна насурьмила брови и ресницы вокруг пустых глазниц. Российские западники, целуя руку Западной Европе, подобострастно заглядывая в пустые глазницы, настойчиво и назойливо толкуют миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости *вечно пьяного* русского народа. Скверное сие толкование, родившись в позапрошлом веке среди либеральных «просветителей», два века внушалось и русскому народу разрушителями народно-православной российской государственности, что, очевидно, входило в зловещие помыслы мировой сатанократии, для коей Россия, последний приют Господень, что кость в горле.

Западная Европа, хотя коварна, и люто ненавидит Россию, да не столь глупа, чтобы взять на вооружение дурь о дикости и рабстве русского народа, ибо всякий европеец, будучи в России, воочию зрел не просто великую империю, но — великую русскую цивилизацию, которой, очевидно, даже не два, а четыре с половиной тысячелетия. Гащивая в Москве, где красовалось сорок сороков православных храмов, бывая в иных старинных русских городах, европеец понимал, что не дикий, пьяный и ленивый, но великий, духовно трезвенный народ мог создать сии величавые храмы, в коих воплотился божественный дух, художественный гений и азартное трудолюбие русского народа, до начала прошлого века на девяносто процентов крестьянского.

В былые лета читал о великих технических открытиях прошлых столетий, на коих и поныне держится технократический мир, и оказалось — сплошь плоды русской изобретательности, но, увы, обычно похищенные лукавыми и вороватыми европейцами. Благодаря опять же духовной трезвости, земледельческому таланту, любовному знанию природы, трудолюбию, смиренной житейской неприхотливости и выносливости, дореволюционный русский крестьянин с Божией помощью кормил хлебом не токмо Российскую Империю, но и пол-Европы.

Когда вопят и о рабской сущности русской души, то говорят верно: всякая крещенная русская душа возвышенно величала себя рабом... но лишь рабом Божиим; а земное рабство, батрачество, крепостничество переносила с христианским смирением, поскольку завещал Господь в заповедях блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5: 4,5), поскольку и рече Христос Бог: «Кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом...» (Мф. 20: 26, 27)

Даже двухвековое крепостное право не обратило крестьянские души в рабские

души, ибо набожные крестьяне понимали волю, как волю от похотей, а не волю ради похотей. Рабами похотей обычно были помещики-*рабовладельцы*, а порабощённые господами — вольные... Будучи внешне и закрепощенные, крестьяне не теряли внутреннюю, духовную свободу; и, рабы Божии, жили лишь в рабстве Царю Небесному ...*начало премудрости — страх Господень*... уповали токмо на волю Божию ...*Бог не захочет и прыщ не вскочит*... и порицали *своевольников*, что *взялись за волю*, ибо *своя воля страшнее неволи*. По сему поводу крестьяне толковали: *вольный* — про скверное, непослушное чадо; *за волю взялась, за волю взялся* — про девку или парня, что кинулись во все тяжкие... Воля мирская и непослушание — страшный искус лукавого...

Святитель Иоанн Златоуст, словно узрев провидческими очесами смиренных русских крестьян, услышав их любомудрым слухом, поведал о рабстве и свободе: «В древности не было раба — Бог, создавая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство?.. Род человеческий уклонился от правого пути и, преступив меру в желаниях, дошел до развращения...».

Далее великий любомудр описывает всемирный потоп, гибель падшего человечества, после чего сохранился лишь праведный крестьянин Ной с домочадцами, скотом и птицами, — всякой твари по паре.

«Ковчег остановился и отворились двери, Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошенную. (...) Посмотрел он на это печальное зрелище; посмотрел на землю, переполненную бедствий, и впал в великое уныние. Все погибли... (...) Мучимый уныньем и удручаемый скорбью, он выпил вина и предался сну, чтобы облегчилась рана унынья. Лежал он на ложе, предавшись сну, как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся. (...) Надо бы сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства, но он просто врачевал свою рану. (...) Спустя немного времени взошел проклятый сын его (*Хам, отец Ханаана. — А.Б.*) (...) Войдя, сын увидел наготу отца; следовало бы прикрыть ее, накрыть платьем ради старости... ради несчастья, ради того, что это отец его. А он, выйдя, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чем тот разглашал. И прикрыли отца. Отец, встав, узнал всё, и начал говорить: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих». (...) Рабство от греха; от нечестия произошло рабство. Хочешь ли я покажу тебе освобождение от рабства. (...) Благородство... нрав доставляют свободу; раб и свободный — суть, простые названия. Что такое раб? Одно название... Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые. Кого же назвать рабом? Трезвого или пьяного? Раба ли служащего человеку или пленника страсти. У того рабство внешнее, а этот внутри себя носит невольничество...»

Будучи народом добросердечным, русские легко и долго прощали обиды, но если враги вздымали пята на Святую Русь, то на шкуре осознавали: нет на земле воителей более грозных, чем русские, ибо, как молвлено в пословице, *русак — не дурак: с мечом и с калачом не шутит*.

Что греха таить, водились в русском народе, и даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые ...в семье не без уроды... хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но вот беда, оборзевшие *обозреватели* русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь черным цветом.

Грешно говорить о темноте и дикости и русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко превосходящую крестьянские культуры европейских народов. Подтверждение тому — русская песня, вершинный жанр устной народной поэзии; и сказал о сем даже и не русский человек, — Рудольф Вестфаль, известный немецкий ученый, исследователь античной филологии и поэзии, знаток немецкой и русской народной этики: «Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляют нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облеченного в высокопоэтическую форму, что **литературная эстетика, приняв раз русскую песню в круг сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между песнями всех народов земного шара** (Выделено мною. — А.Б.). И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, душевного и глубоко прочувствованного, но так узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает ваше впечатление, но зато далеко превосходит ее своею несравненной законченностью формы... Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самые светлые заключения для будущности русской истории»

Худо-бедно, до середины прошлого века почти все крестьяне знали народные песни, пришедшие из далекой русской старины, но жили по деревням и селам сказители, певни, плечеи (вопленицы), что могли исполнить и сказку, и бывальщину, и быличку, и песенную былинку, и заубойную причетъ. Вот где зримо видится, слышится, чувствуется сердцем великая народная поэзия... Образец плача (вопля), божественного по духу и слову, старинари записали с вещей уст северорусской крестьянки Ирины Федосовой:

*Вы послушайте, народ — люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилось.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейные,
Они друг друга, люди, не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них кидалось;
Но и тут было горюшко не местечко:
Во осине горькой листье расцумелось,
Того злое это горе устрашилось;
(...)
Уже тут злое горюшко кидалось,
В окян сине славно оно морюшко,
Под колодину оно там запихалось;
Окян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась;
(...)
Много множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья.
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько, —
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на клян-море,
Изловили они рыбоньку незнамую,*

*Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое.
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиишке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно черным вороном.*

(Из «Плача по писаре»)

* * *

*Послушайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущуется,
На синем море волна да порасходится,
Будут земские все избы испражнятися,
Скροзекозные судьи да присылалися;
Все изменятся пустыни богомольные,
Разорятся все часовенки спасенные!*

(Из «Плача о старосте»).

Я поведал о русской народной поэзии, что в песне обрела божественное звучание, что, по мнению германского филолога, мудрым и украсным словом превосходила народную поэзию европейских наций, что и подтверждает мысль о художественной талантливости русского крестьянства.

К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть батрак, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличие и от доморощенной образованщины, траченой чужебесием, жил с жадой святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным, натуральным, созидательным трудом — вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затыгивающих душу зеленой болотной ряской.

Из молвленного о крестьянах не следует, что автор сего очерка, бывший сельский житель, приукрашивает русское крестьянство, ибо далее речь пойдет и о противоречиях народной души, где мучительно смешалось верное и суеверное. Оценка деревенскому простолюдию дана лишь в сравнении с иными российскими сословиями и нынешними временами, когда русские стремительно теряют исконный и спасительный духовно-нравственный образ.

* * *

Земное и небесное крестьянское знание... Разумеется, смешно и грешно даже помыслить о темноте и дикости русского крестьянина, что с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери-сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звездам провидел погоду и грядущий урожай, и приплод. Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звезд на Млечном Пути, придав речениям глубинный иносказательный смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взривовали даже Богом одаренные книжные поэты.

Вот лишь малая толика избранных речений, что украсили мой «Русский месяцеслов»:

Нам, грешным, и ветер навстрешный;
Ноне люди мудренее, а годы голее;
Гуси летят — зимушку на хвосте тащат;
Батюшка-покров, избушечку покрой теплом и добром, а меня молоду кокошником (женишником, венцом);

Зори пляшут — к године (к урожайному году);
После солнноворота хоть на воробыный скок да прибудет денек;
Месяц просинец — зимы царь-государь;
Морозко скачет по ельничкам, по березнячкам, по сырым боркам, по вершинкам;
Январь тулуп до пят надевает, хитрые узоры на окнах расписывает;
Февраль — месяц лютый: спросит, как обутый;
Февраль-бокогрей — бок корове обогрей; бок корове и быку, и седому старику;
Вечера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал;
Завизжит метелица — всю неделю прометелится;
Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница;
Вздел Ярило зиму на вилы;

Весна на рябой кобыле едет (переменчивая погода);
Прилетела овсянка, запела веснянку: покинь сани, возьми воз;
Прилетел кулик из заморья, принес воду из неволя;
Налетели грачи, стали зиму толчи, пить снегов молоко;
Осень говорит: я поля уряжу, а весна говорит: я еще погляжу; Май-травень лес наряжает, лето в гости поджидает;

Пришел май — под кустом рай;
Рожь говорит: «Сей меня в золу, да в пору»; овес говорит: «Сей меня в грязь, будешь князь»;

Защепчет дождь тихим голосом — поднимется рожь тучным колосом;
Дождь вымочит, солнышко высушит, а буйны ветра голову расчешут;
Ласточка прилетела, горох сеять велела;
Горох да девка завидное дело: кто ни пройдет, всяк щипнет;
Июнь с косой по лугам прошел, а июль с серпом по хлебам побежал;
Сбил сенозорник (июль) у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь;
Кабы на лопух не мороз, он бы и тын перерос;
Август-густарь, страды государь;
В августе всего в запасе: и дождь, и ведро, и серопогодьё;
Жатва созрела, и серп изострен;

Колос от колоса — не слышать голоса, копна от копны — день езды, стог от стога — дальняя дорога (скудные хлеба);

Плох овес — наглотаешься слез; не уродится рожь — по миру пойдешь;
Пришел сон из семи сел, пришла лень из семи деревень;
Отцветают розы, падают добрые росы;
Журавль летит с моря — убавить нам горя;
Прилетел гусь на Святую Русь: погостит да улетит;
«Прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь...» — курлычет журавль, отлетая на юг;

Осударыня гречиха боярыней ходит, а как хватит морозу, веди на калечий (для калек) ряд;

Певчая птица прежде погибает;
Октябрь плачет холодными слезами (стылые дожди);
Ноябрь — сумерки года;
Скатерть бела, весь свет одела — снег;
Как ни вертись ворона, и спереди корга, и сзади корга;
Охала Маланья, что уехал Ананья. Охнет и дед, что денег нет;
Не гляди свинье в рожу, а корми ее рожью;
Не бойся гроз — бойся слез;
Гром не грянет, мужик не перекрестится;
Гром не из тучи, а из навозной кучи;
Не во всякой туче гром; а и гром, да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас — авось опалит, да не убьет.

Изрядно календарных пословиц, поэтически реченных, посвящено небу, солнцу, луне и звездам, а также небесным стихиям (ветер, метель, снегопад, дождь, зной), и, как во всяких подобных речениях, кроме прямого смысла — приметы Вселенной, есть и глубинный переносный, нравственный смысл, посильный для осмысления не книжным мудрецам, а народным любомудрам:

Зимой солнце сквозь слезы улыбается;
Зимнее солнце, что вдовье сердце;
Солнце — князь земли, луна — княгиня;
Солнышко-ведрышко красной девицей по синю небу ходит, а все на землю глаз наводит;

Солнце — родная матушка, месяц — родной батюшка, звезды — родные сестрицы;

Не заслонишь солнца рукавицей, не убьешь молодца небылицей;
На солнышко во все глаза не взглянешь; Солнце сияет на благия и злыя;
Поколе солнце взойдет, роса глаза выест...

А сколь мудрых и благолепных пословиц и поговорок породило русское любомудрие о супружестве, о муже и жене:

Дева русская: грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови собопы;
взглянет, что огнем опалит, а слово молвит, рублем подарит;

Не заламывай рябину не вызреви; не сватай девку, не визнавши;
Не спится, не ложится, все про милого грустит;я;
Запрягай дровню, ищи себе ровню;
Видели очи, что брали к ночи;
Не вздыхай тяжело, не отдам далеко: хоть за лыску, да близко;
Его невесты на том свете козлов пасут;
Кто на борзом коне жениться поскачет, тот скоро поплачет;
Падка коза до соли, а девка до воли;
Глупому мужу красная жена дороже красного яйца;
Как начнут рожь жать, тогда и баб людьми звать;
У хорошей жнеи снопочек як куколка, а у плохой як ворона;
Первая жена от Бога, вторая от человека, третья от черта;
От пожара, от потопа и от злой жены, Боже, сохрани;
Муж задурит, половина двора горит; а жена задурит, и весь сгорит;
Пригожая жена — лишняя сухота;
Мужнин грех за порогом остается, а жена грех домой несет;
Не выпрягчи-впрягчи, ни в ухабе сберегчи, ни от солнышка затулье, ни от дождя епанча (о худом муже или худой жене);

*Хоть плох муженек, да затулье мое: завалюсь за него — не боюсь никого;
Не хвали жену телом, а хвали делом;
Птица крыльями сильна, жена мужем красна;
На что корова, была бы жена здорова;
Бил жену денечек, сам плакал годочек;
Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу);
Не надобен и клад, коли у мужика с женой лад;
Знай, баба, свое кривое веретено;
Муж жене отец, жена мужу венец;
Не верь ветру в поле, а жене в воле; воля и добрую жену портит;
Не скот в скоте — коза, не зверь в зверях — еж, не рыба в рыбах — рак, не
птица в птицах — нетопырь, не муж в мужьях, кем жена владеет;
Ночная кукушка (жена) денную (мужа) перекукует;
Жена ублажает — лихое замышляет;
Проводила мужа за овин — да и прощай, жидовин;
Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста пла-
чет — как роса падет: взойдет солнце — росу высушит; на вдовый двор хоть
щепку брось, и за то Бог помилует.*

Из подобных, образно изложенных примет и поговорок, можно составить мно-
готомное собрание мудрых речений, но крестьянская поэзия воплотилась и в ка-
лендарно-обрядовых песнях, и в сказах, и даже в шутках-прибаутках, заговорах,
закличках, присловиях. Скажем, с Емельяна-перезимника (21 января), которого еще
величали *Емельян-накрути буран*, в долгие зимние вечера сказывали сказки, побы-
вальщины, прочие старины — отчего и поговорка: *Мели, Емеля, твоя неделя*. Впро-
чем, бывало, и не с Емельяна, а с Покрова Божией Матери (14 октября) крестьяне,
завершив осеннюю страду, собирались на долгие вечерние беседы, где и слушали
сказителей. А у сказителей речь — золотая россыпь поэтических присловий...

*Где вы, Петры и Павлы (12 июня), ночевали? В городе Ерусалиму, в Божь-
ей церкви на престоле; ключи, замки обронили, нечем грешну душу пропустити:
грешна душа согрешила, младенца в утробе потребила, всякими зельями заеда-
ла, всякими травами заливала; попала в тар-тары, в огонь горючей, попала в
тар-тары, в смолу кипучу.*

*Пресвятая Богородица, почто рыба не ловится?.. Либо невод худ, либо нет
ее тут.*

*Звал ячмень пшеничку: «Пойдем туда, где золото родится, мы там будем с
тобой водиться». Пшеничка сказала: «У тебя, ячмень, длинен ус, да ум короткий;
зачем нам с золотом водиться, оно к нам и само привалится»;*

*Июнь, в закорма дунь! Нет ли жита в углях забыта;
Рожь говорит: — Колошусь! А мужик: — Не нагляжусь!;
«Жаворонки, прилетите, студену зиму унесите, теплу весну принесите. Зима
нам надоела, весь хлеб у нас поела!» — пели дети на день Сорока мучеников.*

*По поднебесью, братцы, медведь летит: Медведь летит, хвостом вертит.
Свинья на ели гнездо свила, гнездо свила, деток вывела, милых деточек, порося-
точек. Поросятки по сучкам висят, по сучкам висят, полететь хотят.*

*«Федул, чего губы надул? «Кафтан прожжес». «Велика ли дыра?». «Один ворот
остался».*

Сия любомудрая, краснопевная русская поэзия, что не сходила даже с зауряд-
ных крестьянских уст, а что уж говорить о сонме деревенских сказителей... Разве

могли в *темном, забитом* деревенском люде родиться пословицы, подобные сей: *своя воля страшнее неволи?! В* четырех словах — великий богословский трактат о языческой воле, что на грани преступной вседозволенности, и христианской воле, где даже раб галерный в душе волен, ибо он лишь раб Божий... Пословица сия — воистину проповедь, достойная боговдохновенного священника...

За четверть века великая русская плачя Ирина Федосова, неграмотная крестьянка, пророчески провидела, *что* после революции свершит над Святой Русью антихристово племя, умело используя оскудение веры в русском народе, разогревая языческую страсть к *внешней воле* — суть вседозволенности.

Коли искусство русских крестьян, корни коего в арийском, скифском, древнеславянском прошлом, превзошло народное искусство европейских наций, то и профессиональное русское искусство превзошло, и не столь даже мастерством, сколь, опять же, *божественным* духом, что, опять же, почерпнуло в народно-православном поэтическом слове.

Думаю, после выше реченного толковать о темноте и дикости русских крестьян могут лишь холопы, за чечевичную похлебку, за тридцать сребреников нанятые князем тьмы, а чернокрылого падшего ангела испокон веку корежило от народного-православного русского духа.

Два взгляда на русское язычество

Крещение язычников... Крестьянская пословица гласит: *Ева прельстилась древом, простонала чревом, Адам грех сотворил — рай затворил...* После изгнания из райского Эдема Евы, искушенной дьяволом, и Адама, соблазненного Евой, история человечества, — история стремительного зарождения и распространения идолопоклонничества, суть, язычества, когда племена и народы, забыв незримого Творца, поклонялись лишь зримым созданиям Бога — солнцу, луне, грозам, ветрам, камням, деревьям, рекам и морям — воплощая их образы в деревянных, каменных, бронзовых и даже золотых истуканах (*болванах*, на Руси). Отвергнув Бога, язычники погрузились в пучину пороков, ибо «помышление сердца человеческого — зло от юности его. (...) И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своем. Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». (*Быт.8:21; Быт. 6: 6-11*), отчего Господь, пощадив лишь Ноя, его семейство и всякую тварь по паре, смысл падшее человечество с лица земли.

С нарождением язычества история человечества — история борьбы верующих во Единого Бога (Иегова) с многобожеством идолопоклонников... В борьбе той ветхозаветные пророки, потом Христовы апостолы, первохристиане и сонм святых страстотерпцев обрели мученические венцы Христа ради от язычников ...в Древнем Риме растерзанные тиграми под рев ликующей публики... и от *богоизбранных* иудеев, кои, случалось, пуще язычников пытали христиан. Хотя ветхозаветные пророки испокон человеческого века внушали *богоизбранным*: «Господь — царь на веки, навсегда; исчезнут язычники с земли Его...» (*Пс.9:37*) «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся». (*Иер.10:2*)

Если Адам и Ева, извергнутые из райской обители за грехопадение, раскаялись и жили по внушениям Божиим, то уже их сын Каин, убивший брата Авеля,

жил по образу и подобию *поганных* язычников: «Житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами — пороками и преступлениями³».

Согрешая и каясь, ветхозаветные предтечи христиан по Божьему внушению блюли нравственные устои, подобные русскому домострою, а язычники от вольных нравов низвергались дьяволом в сладострастное гноевище пороков, — вспомним порочные города Содом и Гоморра... Согласно Библии, в эпоху Авраама города Содом и Гоморра утопали в дикой роскоши и языческих похотях, и коль жители сих поселий «были злы и весьма грешны» (*Быт. 13:13*), то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастания земли» (*Быт. 19:24–25*).

Даже Богом избранный еврейский народ, что по воле Божией должен был принести языческому миру спасение, вдруг забывал Господа и, сжигая жертвоприношения на языческих капищах, клонил выпо, падал ниц то перед Золотым тельцом, то перед истуканом Ваалом, то перед блудницей Стартой и впадал в такое неистовое идолопоклонничество и блудодеяние, что дивились закоренелые язычники и от гнева содрогались небеса. Потомки Моисея, камнями побивавшие ветхозаветных пророков ...даже меж алтарем и жертвенником... утеравшие Божью избранность, на голгофском кресте распяли и Сына Божия, опять же пророками и предреченного.

Иисус Христос, а потом и святые апостолы, браня идолопоклонничество, проповедовали язычникам Слово Божие, чему яро противились распявшие Христа: «...В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие. Но иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и злословя, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: *вам первым надлежало быть проповедану Слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам (Выделено мной. — А.Б.).* Ибо так заповедал нам Господь: Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли. Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены к вечной жизни». (*Деян.13:44–48*)

Ученики Христа и сонм святых апостолов крестили и облакали во Христа идолопоклонников разных держав, и, по преданию, апостол Андрей Первозванный с христианской проповедью вошел в языческую Русь. В преддверии русского церковного раскола иеромонах Арсений Суханов в прениях с греческими иерархами, среди коих оказался иерусалимский Патриарх Паисий, доказывая апостольскую истинность Русской Православной Церкви, говорил: «Напрасно вы хвалитесь, что и мы от вас приняли крещение. Мы приняли крещение от св. апостола Андрея, который из Византии приходил Чёрным морем до Днепра, а Днепром до Киева, а оттуда до Новгорода...»

Разумеется, долгим и сложным было обретение вчерашними многобожными идолопоклонниками веры во Единого Бога Отца Вседержителя; мучительно восходил русич из тьмы языческой ко Христову Слову, чтобы, вслушавшись, поверив, спасти душу от геенны огненной. Среди мирских ученых и богословов разрабо-

³Александр Лопухин. «Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет» null. 2013.

тались две крайние точки зрения о язычниках Древней Руси, хотя истина, может быть, и посередине. Мирские мудрецы, постигающие восточнославянское и собственно русское язычество, сопоставляя его с христианством, либо давали, как им чудилось, верную картину развития народного мировоззрения, ибо устранились от идеологических пристрастий — от веры во Христа, от языческого идолопоклонничества, но и от воинственного атеизма; либо, как в дореволюционной либерально-демократической и советской историографии и философии, с дерзким атеизмом осуждали религиозность народного мировоззрения, при сем смешивая веру во Христа с языческими суевериями и поощряя лишь материалистические, рациональные начала крестьянской жизни.

Два сих взгляда на русское язычество родственны, ибо в корне их безбожие, обретающее зловещие признаки богоборчества. А более духовные народоведы, тем паче богословы, соглашаясь с тем, что принятие христианства стало душеспасительным явлением для русских, расходились в мнениях о том, сколь душевно были приуготовлены язычники Древней Руси ко Святому Крещению.

Суровые богословы утверждали, что русы-язычники — скверноубийцы и любодеи... В статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» ясно выражено отношение Русской Православной Церкви к славяно-русскому язычеству: «Среди православных или близких православию людей можно нынче встретить суждения о некоем особом славянском язычестве, будто бы менее причастном демонизму, чем языческие верования других народов (отсюда иногда делается положительная оценка действительно имевшего в народе место, но всегда осуждавшегося Церковью двоеверия), о изначально (понимай, в язычестве) доброй славянской, а ныне скажут и украинской, душе, о патриархальном и гармоничном дохристианском мире Руси, естественно вросшем в мир христианский. Вспомним немного истории. Святой патриарх Константинопольский Фотий в своем знаменитом Окружном послании 867 г., посвященном крещению болгар, писал: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже... **пресловутые, в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой**, так называемые руссы, которые... в настоящее время променяли языческое и нечестивое учение... на чистую и неподдельную веру». (*Выделено мною, — А.Б.*). (В скобках заметим, что св. Фотий, вдохновитель миссии и близкий друг Кирилла и Мефодия, славянофобом, конечно же, не был). Видятся весьма важными эти слова Святого Константинопольского Патриарха, сказанные на заре нашей истории. Не соединение ветхого и нового, «хорошего» язычества с еще лучшим христианством, но отвержение прежней скверны, прежней безнравственности, прежней небытийности и облечение во Христа, неразрывно связанное с непрестанным аскетическим делением, осуществляемым под руководством Церкви, которое имеет целью возвысить и выковать душу каждого отдельного христианина, а через то и всего христианского народа. Только свет Христов, воссиявший на Русской Земле, сделал возможным появление через поколение от язычника Святослава, во время одного из своих бравых походов посадившего на кол после взятия города Филипполя 20000 (!) единокровных болгар, — святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба, предпочетших смерть по Закону Христову братоубийственному кровавому противостоянию⁴».

⁴Козлов М. «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном». / Литературный Иркутск. Иркутск, 1991.

Жили с жаждой Бога... Иисус Христос обличал язычество: «Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите» (*Мф. 10:5*); но, случалось, Спаситель ставил язычников в пример благочестивым, единобожным иудеям; вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику [*Лк. 10:33*]; вспомним очищение Христом десяти прокаженных, когда лишь самарянин «пал ниц к ногам Его, благодаря Его», а девять иудеев даже не поклонились [*Лк. 17:16*]; вспомним самарянку Фотину⁵, что встретила Христом у колодезя, уверовала, следом уверовали и прочие самаряне; вспомним дивную беседу Христа с язычницей-хананеянкой, что, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. (...) Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час». [*Мф. 15:22-28*] Проповедуя любовь к Вышнему и ближнему, Спас Вседержитель, случалось, упрекал иудеев, что и среди них не находил такой веры, какую встретил среди язычников, кои лишь облачались во Христа.

В предшествующей главе мною поведен один взгляд на языческую Русь, вернее, на степень духовной готовности Руси ко святому крещению, облачению во Христа; и согласно сему взгляду, ветхие русы по жестоковейности превосходили чужеземных язычников, и христианство им было враждебно; но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жаждой Бога...

Не случайно, в древнерусской летописной «Повести временных лет» в главе «Слово о проявлении Крещения Русская земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь» речено, что святой апостол Андрей Первозванный у Киевских гор пророчески предрек богоносную судьбу Святой Руси: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...»

«По Промыслению Божию, он дошел до реки Днепра, в Российской стране, и, пристав к Киевским горам, остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нем ученикам: «Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, и Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю». Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии. Пройдя и выше лежавшие российские города, — где расположен ныне великий Новгород...» («Жития святых» святителя Димитрия Ростовского в главе «Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного»)

В сопровождении учеников, среди коих могли быть и русичи, святой апостол Андрей пошел из Киева в Новгород, где дивился тому, что здешние горожане,

⁵Сия самарянка обрела мученический венец за Христа при Нероне, императоре Рима (66 год от Рождества Христова), и в православных святцах величается: мученица Фотина (Светлана) самырянныя.

моясь в банях, клешут по телу «молодыми прутьями» дуба и березы, обливаясь квасом и студёною водой. Но в древнейших списках и вариантах сего предания не упоминается о том, что Андрей Первозванный проповедал новгородцам Христово Слово; а посему профессор Московской духовной академии Евгений Голубинский усмехался: де, неужели святой проповедник явился в новгородских землях лишь для того, чтобы лицеизреть русские обычаи и дивиться ярым парильщикам.

Профессор Антон Карташёв, опираясь на предания новгородские, так толкует гостевание святого апостола в сем древнем русском граде: «У русского автора-южанина в рассказе о новгородских банях очевидно была и определённая, не особенно высокая цель. Так прекрасно возвеличив свой родной Киев, он, по русскому обычаю — трунить над всяким, кто не нашей деревни, решил выставить новгородцев пред апостолами в самом смешном виде. Новгородцы так это и поняли, потому что, в ответ на киевскую редакцию повести, они создали свою собственную, в которой, не отвергая прославления Киева и умалчивая совершенно о банях, уверяют, что ап. Андрей «во пределы великого сего Новаграда отходит вниз по Волхову и ту жезл свой погрузи мало в землю и оттоле место оно прозвася Грузино... Чудотворный жезл этот „из дерева незнаемого“ хранился, по свидетельству жития св. Михаила Клопского, в его время (1537 год) в Андреевской церкви села Грузина».

Средневековые источники повествуют о хождении святого Андрея в Новгород, где апостол воздвиг крест около нынешнего села Грузино на берегу Волхова; затем пошел к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов.

Покинув Русь, Андрей Первозванный прошел через земли варягов в Рим для проповеди и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем могучем Константинополе, основал христианскую Церковь. Имя святого апостола Андрея связывает мать — Церковь Константинопольскую с ее дочерью — Русской Церковью. Святой Андрей был распят на косом кресте язычниками города Патры. Косой Андреевский крест начертан на русских морских флагах...

О духовной готовности русичей ко святому крещению писал протоиерей Лев Лебедев в книге «Крещение Руси». В главе «Русское язычество» православный писатель ведаёт о том, как согласно «Повести временных лет», при князе Владимире в 983 году была попытка принести в жертву идолу («богам») одного юного христианина из варягов, но ритуального жертвоприношения не случилось, а было трагическое событие, ставшее пределом жертвоприношения. По описанию историка Николая Карамзина вышло так: «Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал жертвы. Отец, держа сына за руку, с твердостью сказал: «Ежели идолы ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ, в исступлении ярости, умертвил отца и сына, **которые были таким образом первыми и последними мучениками Христианства в языческом Киеве** (выделено мной. — А.Б.). Церковь наша чтит их Святыми под именем Феодора и Иоанна». В отличие от иных варваров, не успев войти в ритуальную жизнь славян-русов, человеческие жертвоприношения ушли в небытие.

«Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! — писал протоиерей Лев Лебедев в славном сочинении о крещении русского народа. — Словно молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983–988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертво-

приношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что человеческие жертвы идолам есть явление чуждое Руси, привнесенное, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся.

(...)Ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом — испеченный в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печеные хлеба⁶).

После Святого Крещения русские, равно и прочие восточнославянские народы, уже не ради жертвоприношения, а ради освящения приносили в храмы житные снопы (*первый сноп — Богу*), хлеб и плоды земледелия. Вспомним три августовских Спаса: медовый Спас — начало Успенского поста (14 августа), яблочный Спас — Преображение Господне (19 августа) и ореховый — когда столы перед алтарем ломаются от яств, что после божественной литургии батюшка освящает.

Если сравнить с первыми веками христианства, когда за проповедь Христа ради, за исповедование Христа, от рук иудеев и язычников ...древнеримских, древнегреческих и прочих... гибли тысячи первохристиан, то в России христианство засеялось тихо, мирно и взошло, возросло, словно уже на духовно изготовленной в язычестве, плодородной почве. Христианские мученики, очевидно, и на Руси прославились, но — единицы, и лишь в XX веке, когда в России воцарились богоборцы, мученические венцы обрели тысячи православных христиан.

«Ранее, — продолжает протоиерей Лев Лебедев, — когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Их нравственность не могла не привлекать, и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшая всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что иное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности ее самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства возбудили особую зависть дьявола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на русскую землю точно так же, как пал он на Иоанна, сына варяга-христианина. Причем падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси — Киев; здесь пытаются совершить беспрецедентные для Руси приношения в жертву идолам. Результат, как видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

(...) Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и касту жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии — римской империи), где были и храмы, и жрецы.

(...) Отвергнув различные соблазны дьяволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с

одной жаждой Бога, который выше всей твари взятой. По этой же причине Русь оказалась и особо предуготовленной к его восприятию».

Словом, по мнению протоиерея Льва Лебедева, языческая Русь «жила с одной жаждой Бога», в чем и выразился второй, противоположный первому, милый русской душе взгляд на степень душевной готовности древних русов ко святому крещению и облачению во Христа.

Среди русских церковных писателей испокон православного века бывали любомудры, в лад коим и толковал протоирей Лев Лебедев о русах-язычниках. В далеком 1049 году митрополит Иларион в своем божественном творении «Слово о Законе и благодати» добрым словом поминает и языческую Русь, ибо уже в сумраке древнерусской души мерцал свет любви к ближнему, и на добрую землю пало семя Христова Слова. Поминая языческих князей Игоря и Святослава, митрополит Иларион восклицает:

*...Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились в странах многих,
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли.
Сей славный — от славных родился,
благородный — от благородных,
каган наш Владимир.*

В упомянутой выше статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» речено верно: воспевать язычество — смертный грех, сознательное, бессознательное служение бесам ...*бесам жряху*... но русской душе трудно согласиться с тем, что именно восточнославянские и собственно русские язычники выделялись из других языческих народов особой свирепостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Для примера, вроде типичного, приводится жестокая расправа князя Святослава после взятия города Филипполя над двадцатью тысячами болгар. Не обеляя русского князя, можно лишь молвить: война есть война — дело богопротивное и человеконенавистническое, кроме войн оборонных и освободительных. Ведь и преподобный Сергей Радонежский, духовный светоч Земли Русской, благословил великого и святого князя Дмитрия Донского на битву с монголо-татарами: «Если требует чести, — отдай, если ищет золота — отдай; но за веру православную и Христову Церковь нам подобает и кровь свою пролить и живот свой положить...». А святитель Филарет так рассудил о войне: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь»

Говоря о жестоковыйном князе Святославе, опять же, чему удивиться, коли ведать о древних войнах, когда победители не токмо двадцать тысяч, но сотни тысяч побежденных побивали камнями, распинали, вырезали, закапывали живьем; сотнями тысяч истребляли детей и стариков, лишь юношей оставляли вживе, набив им рабские колодки, да юниц угоняли в блудодейные гаремы. Даже богоизбранный еврейский народ, обретая землю обетованную, побеждая соседние царства, вырезал язычников сотнями тысяч, не жалея женщин и детей, и се творилось, согласно Ветхому Завету, с «благословения Иегова». Мало того, случалось, Го-

сподь «гневался и карал» богоизбранных, коли те истребляли не всех покоренных язычников, коли избранным сохраняли жизнь, угоняя в рабство.

Похвально помянутый митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати», воитель Святослав, что жестоко карал врагов, не повод для утверждения о том, что русы выделялись из прочих языческих племен более изощренной жестокостью, «скверноубийством», ибо даже христианские царства после военных побед устраивали такие расправы над покоренными, что меркли и злодеяния князя Святослава. Германцы, католики либо протестанты, что в прошлом веке покоряли Россию, восклицали: мол, «с нами Бог!..», и мы дарим христианам избавление от большевиков-богоборцев. «Избавляя» русский народ от антихристовой большевистской власти, германцы сгубили не двадцать тысяч, подобно князю Святославу, а десятки миллионов, при сем пытали и казнили побежденных с такой дьявольски изощренной жестокостью, какая даже и в страшном сне не снилась князю Святославу и прочим русам-язычникам. Впрочем, гитлеровские германцы лишь ради обманного красного словца всеу трепали Имя Божие, а по духовной сути, подобно большевикам, были враждебны Христу и тяготели к языческому мистицизму, где славилась не любовь к Вышнему и ближнему, а культ внешней *арийской* силы и воинственной воли, перед которой должен пасть ниц *слабосильный и безвольный* христианский мир. Фридрих Ницше, ненавидящий христианство, размышлял: дескать, христиане тяготеют миром дольным (земным), мечтают о мире горнем (небесном); так, может, помочь христианам вознестись на небеса, чтобы не путались в ногах у сильных мира сего.

Но вернемся к русскому язычнику, что, по мнению избранных богословов, все же был душевно приурочен к принятию Святого Крещения... Писатель Валентин Распутин по сему поводу в слове на празднике «Всех святых, в Земле российской просиявших» сказал: «Представьте себе, насколько это было чудом в русской истории — обретение народом-язычником христианской религиозности. Русь, которая в 988 году крестилась, была союзом языческих племен, и племен жестоких... (...) Русскому народу необходимо было принять именно эту веру: народ имел к ней душевную предрасположенность; это было лицо, коего искали русичи, и христианство было нужно народу, как воздух. (...) И сейчас, когда нам говорят, что Русь древняя была жестокая, варварская страна, то говорят заведомую неправду...».

Здесь в рассуждения писателя, видимо, невольно, от любви к русичу вкралось противоречие: не может Русь, коли «*была союзом языческих племен, и племен жестоких*» (!) иметь в то же время «*к ней (вере христианской, — А.Б.) душевную предрасположенность*». Противоречие усиливается, когда писатель считает заведомой ложью слова о том, что «Русь древняя была жестокой, варварской страной».

Думаю, восточнославянское (русское) язычество было мягче, чем язычество иных племен, и подтверждением тому уже и то, что восточные славяне (русские) вышли из скифов-пахарей, что были миролюбивее скифов-кочевников и скотоводов, от коих пошли тюркские племена. Впрочем, думаю, не столь важно, жесточе или мягче было русское язычество, чем у прочих народов; правда лишь в том, что русскому человеку душно жилось в языческом гробу, — душа болела и металась, искала душеспасительную истину, которую, наконец, и обрела в христианстве.

Не обделенные совестью, русичи в последний век перед Святым Крещением жили с жадой Истинного Бога, коль так быстро русичи своротили былых идолов, пустили Перуна по течению Днепра, коль христианство вскоре стало русским государственным вероисповеданием.

Со Святым Крещением русские поселяне, с детской чистотой и простотой веря в Иисуса Христа, в спасение души и обретение Царствия Небесного, старались жить по-русски — суть, по-божески, но, яко чада малые, склонные к таинственной игре, любили природные обрядовые игры. Но в сих играх не грешили обоготворением природы, о чем ранее переживал святой Григорий Богослов: «...Ов реку богыню нарицает и зверь, живущий в ней яко бога нарицаая требу творит».

Даже сами недавние священные языческие понятия после Святого Крещения стали обретать в языке грубую окраску: *идол* — незаслуженно почитаемый; *болван* — туповатый, бесчувственный; *истукан* — стоит, словно каменный, когда надо действовать; *жрать* — есть грубо, по-свински. Хотя *идол*, *болван*, *истукан* — деревянные, каменные изваяния древнеславянских богов, а *жрать* — в языческом понимании, под водительством *жреца* (*жрать* — *жрец*, *жертвовать*, *жертва*) священнодействовать, на третище посреди языческого святилища (капища) потреблять жертвенную пищу или жертвовать ее *богам*.

Говоря о мягкости русского язычества, историки ведают, что летописи не запечатлели случаев, когда бы русичи казнили христиан по религиозным распрям, язычники же Древней Греции, Античного Рима, Ближнего Востока и малоазиатских стран, как и нередко впадавшие в язычество иудеи, умучили сотни тысяч христиан, что и записано в «Житиях святых, на русском языке изложенных по руководству Четьих-Миней свт. Димитрия Ростовского».

Русские, будучи православными христианами, должны ли понимать, как бесовскую, всю двухтысячелетнюю устную народную поэзию и прозу, по глубинной мудрости и природной красе далеко превосходящую письменную, если корни ее в арийском, скифском, славянском язычестве?... Должны ли русские отречься от своей народно-обрядовой этики, имеющей языческие истоки, но лишенной уже языческой ...суть, демонической... мистики?.. Если русские отвергнутся древнеславянского языкового, художественно-прикладного искусства, значит отвергнут старинные сказки, старинные песни и былины, удалят с избяных наличников деревянную резьбу, спалят вышивки, ибо в произведениях древнего и вечного художественно-прикладного искусства таится древнерусская, языческая символика. Нет, православное христианство не проповедует отречение от народного искусства, хотя и оговариваясь: *сказка — ложь, но в ней намек, добрым молодцам урок*.

Христиане, забывшие о былом противостоянии христианства и язычества, высоко чтут искусство Древней Греции и Античного Рима, воплощенное в зодчестве, в поэзии, живописи и скульптуре, хотя произведения сего искусства — культ телесной гармонии, а не красоты души, где поселилась божественная любовь к Вышнему и ближнему. И, как уже поминалось, греческие, римские язычники, в отличие от восточно-славянских, яро ненавидели христиан, и по велению жрецов и правителей зверски умучили тысячи первохристиан, что отказывались принести богомерзкие жертвы античным бесам: римским болванам — Юпитеру, Нептуну, Марсу, Аполлону, Венере, Вакху...; греческим истуканам — Зевсу, Посейдону, Афине, Артемиде, Афродите... и прочим бесам, скульптуры коих, грешным делом, и по сей день восхищают обывателей, вдохновляют искусников на сочинение стихов и картин.

Глядя на скульптуры античных идолов, что в похабной наготе красуются в Санкт-Петербурге, особо в Летнем саду, духовно трезвенный христианин невольно вспоминает, что по вине сих идолов обрели мученические венцы тысячи его братьев и сестер во Христе. *Варвары* русы и вообразить не могли пытки, коим

идолопоклонники Древней Греции и Античного Рима предавали первохристиан, что не поклонились бесам, вырубленным из дерева и камня. Читая жития святых мучеников, ужасаешься, с какой дьявольской изобретательностью, дьявольской жестокостью пытали римляне христиан; и, терзаемые львами и тиграми под ликующие вопли *классически образованных* римлян, великие страстотерпцы не отрекались от Христа Бога. Возможно, истребляя православных славян, черпая палаческий опыт античного мира, германские фашисты любовались языческими идолами Древней Греции и Древнего Рима, кои с дьявольской гениальностью воплотились в европейском изобразительном искусстве эпохи Возрождения (Ренессанс). Не миновала сия напасть и Россию... Возможно, языческие культы вдохновляли и обезбоженных мыслителей еще в эпоху Просвещения, залитого кровью богоборческих революций...

* * *

Сказочный Иванушка-дурачок — предтеча святых юродивых... Бытует мнение, выраженное в христианской литературе, что язычников, кои по неким причинам не просветились Светом Христова Слова о спасении души, Господь судит по совести. Богу ведомо, верно ли удумано и молвлено, но хочется верить, благочестивые русичи Древней Руси прощены и спасены, ибо отличались совестью, милосердием, что запечатлелось в народных сказках, где верховодит Иван-дурак из крестьян, предтеча христианских юродивых. Но здесь оговоримся: дурак дураку рознь, сказочный Иванушка-дурачок склонен ко святой юродивости, но водились дураки и от дьявола, гораздые на *дурацкие* выходки, водились и глупцы, коих Иванушка наставлял на ум. Про болтливых глупцов крестьяне лишь вздыхали сочувственно: *Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов; и красно, и цветно баит, да пустоцветом.*

О глупцах потешно поведано забайкальскими сказителями в сказке «Как Ванюшка глупых искал»...

«Жили-были старик со старухой. Был у них сынок Ванюшка. Жили они бедненько, и пришлось Ванюшке уйти в работники. Работал он хорошо, и хозяин дал ему лошадей, чтобы родителям дров навозить. Вот приехал Ваня домой, ночевал и отправился в лес дрова готовить. А старики рады, что вырастили кормильца. Растворила старуха блины да поставила тесто на краешек печки, сверху закрыла посуду крышкой, накинула куфайкой, чтобы теплее было, и придавила поленом. А старик захотел отдохнуть и лег на печь. Потянулся и столкнул горшок. Горшок улетел на пол и весь сломался. Старуха увидела и давай причитать:

— Ой-ей-ей! А был бы Ванюшка женатый, да был бы у нас ребеночек — полено б с печки упало да придавило бы ребеночка-то!

Вот рыдат, качается! И старик припарился, вместе с ней заплакал:

— Ой-ёшеньки, да горе-то како-о!

Тут народ собрался около их избы, утешают стариков. А те никак не утешаются, плачут. Едет Ванюшка из лесу, дрова везет. Видит: около их дому народу много собралось, плачут, причитают на разны голоса. Он спрашивает:

— Что случилось?

— Ой-ё-ёй! Мамка твоя блины растворила да горшок на печь поставила, чтобы тесто растронулось. А горшок-то и упал! А коли был бы ты женатый, да был бы у тебя ребеночек, да этот горшок упал бы на него — придавил бы ведь ребеночка-то!

Но узнал Ванюшка, в чем дело, и говорит:

— Поеду-ка я по белу свету, на людей погляжу. Если найду глупее вас, вернусь домой, а не найду, не вернусь!

Сгрузил дрова, коней покормил и поехал по белу свету. Вот едет день, едет другой. Заехал в деревню. Видит — народ вокруг бани столпился. Кричат, спорят. Ванюшка подъехал, смотрит — мужики корову на баню тащут.

— Вы пошто, мужики, корову-то на баню тащите?

— А евон на бане скоко травыросло. Пусть корова всё съест, — ему отвечают.

Ваня рассердился — но это же каку дурну голову надо иметь, чтобы корову на бане пасти. Вот он рассердился, заскочил на крышу, всю траву навывывал и сбросил вниз корове. Сам думат: «Но эти подурней наших будут...» (...)

А Ваня приехал домой, говорит родителям:

— Здравствуйте! Вот и вернулся я к вам, потому что белый свет велик, и много на нем и глупых, и умных!..»

Воистину, древние русы были уготовлены ко святому крещению во Христа Спасителя, ибо Христос испокон века жил в русских душах, пусть и бессознательно, пусть и не облачено в словесный наряд, ибо в каком ином народе любимым сказочным персонажем, и даже национальным героем мог стать Иван-дурак. Не упомяну кто в европейских, африканских, индийских и прочих сказках верховный герой, а вот, скажем, в цыганских сказках — Данко-вор, в бурятских — Хитрый Будамшу, в среднеазиатских — столь же хитрый Ходжа Насреддин, а у русских — Иван-дурак...

Когда солнце орла пожрет, камень на воду всплывет, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет, — говорится в крестьянской поговорке, ибо сказочного Иванушку-дурачка азы, буки, ведаи, страшили, яко медведи, и не читал дуралей Святого Писания, но... жил до Крещения и живет после Крещения по Христовым заповедям.

Иванушка, чудной и чудный, — русский национальный идеал, образ русского народа, являющего собой мировую совесть и безкорыстную, безмерную любовь к Вышнему и ближнему; и все его деяния созвучны евангельским заповедям. Вот сему подтверждения:

Сказочный Иванушка равнодушен к богатству, словно с небес вдохнулись в душу Христовы заповеди о сокровищах небесных и земных: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». (Мф. 6:19-20) «...Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24)

Равнодушие к богатству, присущее сказочному Иванушке-дураку, — некогда было привычным свойством русского характера, что выразилось в уйме пословиц и поговорок. Вот лишь избранные:

Благодаря Христа борода не пуста, хоть три волоска да растопорившись.

Дождь вымочит, солнышко высушит, буйны ветры голову расчешут.

Клен да береза, чем не дрова, хлеб да вода, чем не еда.

Мужик богатый, что бык рогатый — забодает.

В могилу глядит, а над копейкой дрожит.

Хоть мошна пуста, да душа чиста.

Гольный разбоя не боится.

Наши дворы крыты небом, а обнесён ветром.

Богачи едят калачи, да не спят, ни в день, ни в ночи; бедняк чего не хлебнёт, да заснёт.

Разум Иванушки не исчеркан демонскими письменами мира сего; разум его — чистый лист, куда Царь Небесный впишет глаголы вечной жизни, а посему о Иванушке начальная заповедь блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

И другая заповедь блаженства — «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф: 5: 3,5,7) — опять же про сказочного Ивана. Возлюбив ближних больше себя самого, напрочь забывая о своих нуждах, крестьянский сын Иванушка готов всякого встречного-поперечного, даже обманщика и обидчика, напоить, накормить, обути, одеть, охотно и радостно скидывая с ног последнюю обувку, с плеч последнюю лапотину. И се рече Господь и про Ивана русского: «...Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». (Мф. 25: 34-40)

Иванушка-дурачок живет с горячим желанием всем помочь, всем услужить, словно втемяшилось в память свыше: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою...» (Мк. 9:35)

В русских сказках, где чудеса в изобилии, редко встретишь христианскую мистику, в сказках живет некая *волишебная* мистика, напоминающая сновидения, ибо русские сказки народились в языческой древности, передавались из уст в уста, и, очевидно, лишь после Святого Крещения Руси сказочный герой *дурак* обрел имя *Иван*, — очевидно, от Иоанна Крестителя либо от Иоанна Богослова.

Обретенное в Благой Вести, имя Иван столь широко разошлось и укоренилось в русском народе, что стало *именем народа*; не случайно же иноземцы-иноверцы величали русским *иванами*, как и русские германцев — *фрицами*.

Сказочного Ивана, коих и в реальной жизни изрядно водилось, лишь потому прозвали дураком, что Господь одарил его мудростью горней (*божественной*), что безумие для мудрости дольней (*земной*). Святой апостол Павел, словно провидческим оком узрев блаженного Ивана, поучал в Первом послании к коринфянам: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор 3:18–19).

Иванушка по нищете духа, по отсутствию земной мудрости не похвастается об остатней рубахе, что отдал нагому, не трубит о сем в храмах и на вечевых площадях, что любили творить иудейские фарисеи и книжники.

Верно гласит крестьянская пословица: *Умный сам по себе, а дураку Бог в помощь*... Иванушка-дурачок в отличие от сказочных персонажей иных народов, — убогий (*у Бога*), предтеча блаженных, предтеча юродов во Христе, причисленных к лику святых, коим на Руси возводили храмы. Но лишь — предтеча, ибо блаженные (*юродивые Христа ради*)⁷ в любовном служении Богу напрочь отрекались от страстного и суетного мира.

⁷Блаженные (юродивые) (блж., блаж.) (гр. *σαλός* слав.: глупый, безумный) — представители сонма святых подвижников, избравших особый подвиг — юродство, подвиг изображения внешнего, т.е. видимого безумия, с целью достижения внутреннего смирения.

Распявшие Христа

Христос, иудеи и христиане первых веков... Видимо, от любви к своему народу, любви, слепящей глаза, как слепит яркое солнце, но думаю, что Древняя Русь все же была душевно приурочена к принятию христианства. Российские народоведы-атеисты, благоговящие язычеству, нежели христианству, похоже, грешили перед правдой, когда толковали о том, что Русь крестилась копьем и мечом, что русский народ противился Святому Крещению и яро *отстаивал* болванов, деревянных и каменных. Какая уж ярость, коль так быстро улетучились из памяти былые идолы?!

Доказательством того, что ветхий русс был предрасположен к принятию христианства, может служить и само избрание веры равноапостольным князем Владимиром, который до крещения жил закоренелым язычником, плотски ублажая пять жен и тьму наложниц. А ведь Древняя Русь могла духовно облачиться и в мусульманство, а скорее всего, в иудаизм, по примеру несчастной Хазарии, но само Божие Провидение, кое душа русская чудом сумела услышать, даровало Руси Православие. В «Истории Государства Российского» Николая Карамзина по сему поводу записано: князь Владимир «выслушав Иудеев, (...) спросил, где их отечество? «В Иерусалиме, — ответствовали проповедники, — но Бог во гневе Своем расточил нас по землям чуждым». «И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? — сказал Владимир, — мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества. (...) Нетрудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. (...) Христианство, представляя в едином, невидимом Боге Создателя и Правителя вселенной, нежного Отца людей, снисходительного к их слабостям, и награждающего добрых — здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни, — удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой».

Избрав спасительное цареградское Православие, русские, будучи титульной нацией в многонациональной Российской Империи, терпимо относились к исламу, буддизму и даже шаманизму... блуждают во тьме... и настороженно, а порой и воинственно — к иудаизму, ибо, согласно Евангелию, кровь Спасителя мира и на потомках распявших Христа: «Кровь Его на нас и на детях наших». (*Мф.27:23, 25*). Неприятие иудеями Христа Спасителя породило не токмо церковное, а и мирское, политическо-идеологическое противостояние двух народ, еврейского и русского; вот почему в очерке о русской этике изрядно страниц посвящено иудаизму.

Еврейский народ по сладострастию и впадал в языческое идолопоклонство, падал ниц перед Золотым тельцом, перед похотливым Баалом и блудной Астартой, тем не менее, среди землян лишь евреи за шестнадцать веков до Рождества Христова верили во единого Бога Иегову, и пророки еврейские проповедовали грядущего Мессию Иисуса Христа, провидя и подробно описывая путь Спасителя от Рождества до распятия на голгофском кресте. И хотя иудеи, случалось, побивали пророков камнем, убивали между храмом и жертвенником (*Мф. 23: 35*), но и водилось средь евреев изрядно единопольных праведников, отчего и народ сей стал богоизбранным, и Господь именно евреев избрал для Своего вочеловечения. Не случайно же Иисус Христос назидает самарянке у колодезя: «Вы [язычники] не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев». (*Ин.4:22*) А на вопль хананейки о помощи Господь отвечал: «...Я послан только к погибшим овцам дома Израилева... (*Мф.15:24*) ... Нехорошо взять хлеб у детей (у бо-

гоизбранных евреев. — А.Б.) и бросить псам (язычникам-бесопоклонникам. — А.Б.)». (Мк. 7:27)

Иисус Христос сердечно любил Моисеево племя, избрав сей народ для Своего земного воплощения — «...пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11), а посему горькие слезы туманили взор Спасителя, провидящего, что сей народ и предаст Его на крестные муки, и кара Господня падет на иудеев, полуистребленных язычниками, забитых в рабские колоды, рассеянных по миру; а от величайшего града Иерусалима не останется камня на камне. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:37) «И когда приблизился к городу [Иерусалиму], то, смотря на него [Иисус Христос], заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего». (Лк. 19:41-42) В столице мира, позднем языческом Риме, *что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то блудница*, но и величайший город Иерусалим, о коем плакал Господь, одолевали языческие страсти, отчего попущением Божиим город обратился в руины.

Когда Иисус Христос, согласно провиденью вехозаветных пророков, на ослиати въезжал в Иерусалим, чтобы праздновать Пасху, иудеи восторженно вопили: «...Осанна Сыну Давидову! благословен Грядущий во имя Господне! осанна в Вышних!» (Мф. 21:9) Вопящие опрометчиво узрели в Царе Небесном царя Иудейского, что освободит евреев от римского владычества и великие богатства мира низложит к их ногам; моисеевы потомки вообразили, что, видимо, сбывается древнее пророчество о иудеях и о столице иудейской: «И придут народы к свету твоему, и цари — к восходящему над тобою сиянию. Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе. И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева» (Библия, Исход 60, 3-14, 21).

Но, похоже, вопящие Иисусу Христу «осанна» забывали, что речь в пророчестве шла лишь о духовном господстве иудеев над миром, и лишь при случае, если «...народ твой весь будет праведный».

Малое время истекло, и вопящие «осанна» разочаровались во Иисусе из Назарета Галилейского, ибо, впадающие в языческие похоти, ждали царя земного, а дождались Царя Небесного, ибо ждали шолом — роскошное житье на земле, а Иисус Христос сулил им лишь Царствие Небесное, да и то, коли покаются во грехах. И посему отныне и до веку Мессия, Спаситель мира стал для иудейской черни *обманищиком*, а для фарисеев и книжников — *бунтовщиком и еретиком, основателем Назарейской ереси*. Чернь уподобилась Иуде из города Кариота, который «мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а Божественный Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях...» (Александр Лопухин.) Иуда же, даже будучи Христовым апостолом, воровал деньги из скудной апостольской казны, кою ему доверили, а затем предал Христа в руки убийц, за что Господь покарал Иуду, подобно его соплеменникам, рассеянным по миру.

Протоирей Александр Мень, будучи из евреев-выкрестов, в проповеднических сочинениях обличительно отзывался о религиозных воззрениях своих еди-

нокровцев: «В иудаизме нередко понятие Царствия Божиего связывали с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле». Обогащение любым способом ...деньги не пахнут... и посему их молитвы стали напоминать воровские заклинания: *Господи, прости, в чужую клеть пусти; подсоби нагрести, да и вынести*.

Мысль выходца из иудеев, протоирея Александра Меня подтвердил и русский идеолог, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн: «Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной». (*Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. СПб, 1995.*)

Иисус Христос поведал апостолам притчу о еврейском народе: «...Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнес его оградой, выкопал в нем точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды; виноградары, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего; и с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: постыдятся сына моего. Но виноградары, увидев сына, сказали друг другу: это наследник; пойдем, убьем его и завладеем наследством его. И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придет хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои». (*Мф. 21: 33-41*)

В «Законе Божиим» протоирея Серафима Слободского притча сия толкуется так: «**Хозяин дома**, это Бог. **Виноградник** — это народ еврейский, избранный Богом для сохранения истинной веры. Ограда виноградника — Закон Божий, данный через Моисея; **Точило**, куда стекал сок винограда — жертвы (в Ветхом завете, прообразовавшие крестную жертву Иисуса Христа); **башня** — храм иерусалимский. **Виноградары** — первосвященники, книжники, начальники еврейского народа. **Слуги Хозяина** — Св. Пророки. **Сын Хозяина** — Сын Божий Господь наш Иисус Христос. Стоявшие во главе еврейского народа первосвященники, книжники и начальники получили власть для того, чтобы приготовить народ к принятию Спасителя, а они употребляли эту власть только для своей выгоды. Бог посылал к ним пророков, но они гнали и убивали их. Так они оказались пророкоубийцами, а потом и убийцами апостолов. Спасителя же своего они отвергли и, выведя из своего города, распяли. И потому отнято было от них Царство Божие и отдано народу иному, Церкви Христовой, составившейся из язычников».

К слову помянуть реченное ранее, что в язычниках Христос узрел большую веру, нежели в сынах Давидовых, что выразилось в притче о милосердном самарянине, в беседе с самарянкой, в случае исцеления десяти прокаженных.

На распяты Спасителя мира завершилась иудейская богоизбранность, а возродится ли в грядущих веках, о том лишь Бог ведает... О какой богоизбранности можно было говорить, ежели иудеи, избравшие шалом, даже храмы Божии обрали в базары: «...и вошел Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, — дом Мой домом молитвы наречется; а вы сделали его вертепом разбойников». (*Мф. 21:12-13*)

Разочарование в Иисусе из Назарета Галилейского породило в иудеях ненависть к Сыну Божию, и чернь, вдохновленная первосвященниками, книжниками и фарисе-

ями, безумно вопила римскому прокуратору Понтию Пилату: «...Да будет распят!.. Кровь Его на нас и на детях наших!..». (Мф.27:23, 25) Иудеи, пославшие Христа на распятие, не пожалели и грядущих потомков, обагрив их кровью Царя Небесного...

Увы, иудеи, пронесшие Иегову сквозь долгие и тяжкие века, но распявшие Христа и поныне не сотворившие плод покаяния, уподобились засохшей, бесплодной смоковнице, запечатленной в Благой Вести. Увы, некогда богоизбранные, алча земных благ, пренебрегли Царством Небесным, а посему святые апостолы обратились к язычникам, ибо в христианстве нет различия меж иудеем и эллином, а утверждается любовь и равенство всех перед Законом Божиим. Апостолы Павел и Варнава иудеям «с дерзновением сказали: вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». (Деян.13:46)

Вскоре пути иудаизма и христианства враждебно разошлись... Святой Лука, апостол от 70-ти, по преданию написавший иконы Царицы Небесной и первоверховных апостолов Петра и Павла, «...написал также книгу Деяния святых апостолов в 62–63 годах в Риме. (...) В центре повествования — Апостольский Собор (51 год по Рождестве Христовом), как основополагающее церковное событие, послужившее догматическим основанием для отмежевания христианства от иудейства и самостоятельного распространения его в мире (Деян. 15, 6-29)» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Священномученик Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский,⁸ в «Послании к филиладельфийцам» наставлял исповедников Христа: «...не допускайте иудейства. Но если кто будет проповедовать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного иудейство. Если же ни тот, ни другой не говорит об Иисусе Христе, то они, по мне, столпы и гробы мертвых, на которых написаны только имена человеческие».

Не узрев Мессию во Христе, распяв Спасителя мира, иудеи ополчились и на учеников Христа, святых первоапостолов, выходцев из еврейского простолюдья; и первым священномучеником стал архидиакон Стефан, коего иудеи побили камнями и святое тело его бросили без погребения на съедение зверям и птицам; а следом иудеи одарили мученическим венцом и апостола Иакова Заведеева, старшего брата апостола Иоанна. В гонениях, избияниях христиан иудеи невольно побратались с нечестивыми язычниками, с которыми в добрые ветхозаветные времена брезговали даже молвить слово, дабы не оскверниться; и побивали иудеи, напомним, своих единокровцев, евреев, что, уверовав, окрестившись, не Закон Моисеев проповедовали, но Благодать Христову.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, на день памяти святого Кирилла Александрийского (22/9 июня по ст. ст.) записано: «Святитель Кирилл, архиепископ Александрийский (444), выдающийся борец за Православие и великий учитель Церкви (...) Опасными для Церкви являлись иудеи, неоднократно производившие возмущения, сопровождавшиеся зверскими убийствами христиан. Святителю пришлось долго бороться с этим. (...) Скончался святитель Кирилл в 444 году, оставив много творений». (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя.)

А святитель Модест, архиепископ Иерусалимский (память 31/18 декабря), был очевидцем того, как в 614 году от Рождества Христова иудеи вместе с вой-

⁸Святой Игнатий родился в Сирии в последние годы жизни Спасителя. Его жизнеописание повествует, что он был тем отроком, которого Господь взял на руки и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф.18:3).

сками персидского царя Хозроя перебили 90 тысяч христиан и разрушили христианские храмы. Иерусалимский Патриарх Захария и множество христиан вместе с Крестом Господним были взяты в плен. Святой Модест, будучи временно управляющим Иерусалимской Церковью, с помощью Александрийского Патриарха Иоанна Милостивого восстановил разрушенные иудеями и персами христианские святыни, в том числе и храм Гроба Господня.

В помянутом «Русском месяцеслове» повествуется о святой мученице Матроне Солунской (*память 9 апреля/ 27 марта*), которая «была рабыней иудейки Павтилы, жены солунского военачальника. Павтила принуждала свою рабыню Матрону, неколебимо верующую в Христа, к отступничеству и обращению в иудейство. И поскольку святая Матрона не отступалась от Христа, то Павтила жестоко ее избивала. «Однажды Павтила, узнав, что блаженная Матрона была в церкви, с гневом спросила: «Почему ты не пошла в нашу синагогу, а ходила в церковь христианскую?» Святая Матрона смело ответила: «Потому что в христианской церкви присутствует Бог, а от синагоги иудейской Он отступил». (...) После этого иудейка постоянно и жестоко избивала христианку, оставляла связанной в камерке без еды и питья по несколько дней, и наконец, так избива святую толстыми палками, что мученица Матрона предала дух свой Богу. Впоследствии святые мощи мученицы Матроны, помещенные в церкви ее имени, прославились чудотворением». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя.*)

Ветхозаветные евреи, истязая, истребляя новозаветных евреев-христиан, случалось, гибли скопом, плечом к плечу, когда в некоем царстве-государстве вспыхивали гонения на Моисеево племя; чаще по причине еврейского ростовщичества, повергающего коренное население в нищету и отчаянье. Разумеется, обогащались сим дьявольским промыслом, очевидно, ветхозаветные евреи, ибо евреи христиане свято чтит заповедь Иисуса Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». (*Мф.6:19*) Но властные гонители не утруждались межеванием евреев на иудеев и христиан, и в лад иронического присловья: били не по паспорту, а по лицу. Словом, евреи-христиане страдали и за тяжкие грехи своих лукавых и алчных соплеменников, но если иудеи проклинали своих гонителей, то евреи-христиане, в лад первомученику Стефану, коего иудеи забили камнями, молились за гонителей: «...Господи! не вмени им греха сего (*Деян.7:60*), ибо не ведают, что творят».

В семидесятые годы от Рождества Христова, истомленные столетним рабством, евреи взбунтовались против римского ига; и при императоре Нероне, при императоре Веспасиане римские легионеры утопили Иудею в крови: вырезали полтора миллиона евреев, не деля на иудеев и христиан, а прочих угнали в рабство. Веками ожидавшие Мессию, евреи сквозь очеса, одурманенные языческими страстями, не разглядели Христа в Иисусе Назарее (*пророке Иешуа*), распяли Спасителя мира, за что Промыслом Божиим и были наполовину истреблены, наполовину поработаны, а величайший град Иерусалим разрушен дотла вместе с огромным храмом; и в святая святых, куда редко заходили и священники, не говоря уж о поганных язычниках, красовались языческие знамена римских легионеров, что для благочестивых иудеев было страшнее смерти.

Подобный языческий всплеск ...словно вновь распяли Христа... случился и на Руси, когда русские, подобно ветхозаветным иудеям, подняли пята на Бога, за что, опять же подобно иудеям, Божиим попущением вскоре захлебнулись в крови братоубийственной войны, потом отечественной...

После осады и, по пророчествам Иисуса Христа, полного разрушения величавого Иерусалима, после второй иудейской войны, звезда древней Иудеи погасла. И может, вновь ярко вспыхнет, когда Моисеево племя, распявшее Христа, умучившее тысячи христиан, покается в сих смертных грехах.

* * *

Христианство против иудаизма... Иудеи не взросли духом от Ветхозаветного Закона к Новозаветной Благодати, что боговдохновенно запечатлел митрополит Иларион в безсмертном и великом сочинении «Слово о Законе и Благодати», созданном вскоре после Крещения Руси:

Вынес и Моисей с Синайской горы

Закон, а не Благодать, тень, а не истину.

*(...) Видев свободная Благодать чада свои христианские,
обижаемые иудеями, сынами рабского Закона,
возопила к Богу: «Отринь иудеев с Законом их,
рассей их по странам.*

Что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством!»

(...) И изгнаны были иудеи, и рассеяны по странам,

а чада благодетельные христиане наследниками стали Богу и Отцу.

(...) Ибо среди иудеев — самоутверждение, а у христиан — спасение.

(...) Ибо иудеи о земном радели, христиане же — о небесном.

(...) Христа славят, а иудеев кланут.

Народы приведены, а иудеи отринуты.

Православные христиане празднуют Пасху Христову в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, и правила Александрийской пасхалии более полно изложил канонист XIV века, Солунский иеромонах Властарь: «Четыре ограничения положены для нашей Пасхи, которые необходимо соблюдать: два из них узаконяют апостольское Предание, а два получили из неписанного предания. Первое — мы должны праздновать Пасху после весеннего равноденствия. Второе — **не праздновать с иудеями в один день**. Третье — праздновать не просто после равноденствия, но после первого полнолуния, имеющего быть после равноденствия. И четвертое — после полнолуния не иначе, как в первый день седмицы». (*Выделено мной. — А.Б.*)

Правило 7 Святых Апостолов сурово и откровенно упреждает духовенство: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон святыи день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен от священнаго чина».

Христианам не праздновать с иудеями Пасху — не значит лишь избегать совпадения дня, но прежде означает — *не праздновать по обычаю иудеев*, ибо те, вдохновленные первосвященниками, книжниками и фарисеями, на ветхозаветную Пасху привели Спасителя к Пилату на судилище и оглашали Иерусалим свирепыми, кровожадными криками: «...Да будет распят!... Кровь Его на нас и на детях наших!...». (*Мф.27:23, 25*)

Шестьдесят второе, шестьдесят пятое, семидесятое правила Святых Апостол гласят: «Аще кто из клира, устрашась человека иудея, ... отречется от имени Христова да будет отвержен от Церкви... Аще кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдет помолиться: да будет и от чина священнаго извержен, и отлучен от общения церковнаго. Аще кто, епископ, или пресвитер,

или диакон, или вообще из списка клира, постится с иудеями или празднует с ними, или приемлет от них дары праздников их, как-то, опресноки, или нечто подобное; да будет извержен. Аще же мирянин: да будет отлучен».

Противостояние иудаизма и русского православия выражалось и в православном богослужении, когда речь заходила об Антихристе. Есть церковное описание признаков Антихриста в Синаксарии недели Мясопустной, что читалась по уставу во всех православных церквях в воскресенье перед Масленицей: «Придёт Антихрист и родится, яко глаголет святыи Ипполит Римский, от жены скверныя и девицы мнимыя от еврей же сущи от племени Данова, и ходит убо имать, по Христу проходя жительства *(во всём внешнем подражая Христу, — А.Б.)*, и чудеса совершит, елико убо и Христос действова, и мертвыя воскресит. Обаче по мечтанию все содеет *(то есть, не реально. — А.Б.)*. Обаче не сам диявол во плоти претворится, но человек, от блуда родився, всё сатанино действо примет и внезапно возстанет. Таже благ и кроток всем явится. И угодит людем. И писание проёдет. И понудится от человек и царь проповестся. И возлюбит множае еврейский род, и в Иерусалим достигнет и храм их воздвигнет... По сих же внезапно яко молния с небесе Господне присшедствие будет...»

Иудаизм в грядущих столетиях, уже не истязая, не истребляя проповедников Христа Спасителя, как было в эпоху первохристиан, потаенно, исподволь все же боролся с христианством, в борьбе сей обратив католицизм, по словам святого Иоанна Златоуста, в «иудействующее христианство». На черном знамени иудеохристианства было начертано искусительное дьявольское речение: «Ищите прежде всего что есть, пить, а Царствие Небесное приложится», и в сих словесах — суть антихристова учения о рае на земле.

Проникновение иудаизма в Русское Православие выразилось в «ереси жидовствующих», что через полвека после Крещения Руси заразила духовной проказой художожий Новгород, а потом и обезбоженных окологняжеских людей и смутное духовенство.

Русская летопись за 1471 год тревожно оповещает: «Отселе почала быти в Новгороде от жидовина Схария ересь...»; а историк Николай Михайлович Карамзин поясняет: «[Приехавший в 1470 году в Новгород из Киева еврей Схария] сумел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что Закон Моисеев есть единственный Божественный; что история Спасителя выдуманна; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам и проч. Завелась Жидовская ересь. (...) Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррой, и развратил, вместе с Дионисием, многих духовных и мирян... Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства... вероятно, что Схария обольщал Россиян иудейскою Каббалою, наукой пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых учёных людей... искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились... что они знают все тайны Природы, могут изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»

В нынешнем веке Татьяна Грачёва, автор знаменитых книг «Невидимая Хазария», «Святая Русь против Хазарии», писала: «Ересь жидовствующих появилась на Руси ещё до царствования Ивана IV, в 1471 году, в Новгороде, куда прибыл на княжение киевско-литовский князь Михаил Олелькович. В его свите находил-

ся имевший хазарские корни Схария, который, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, «был орудием дьявола», «был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочетству и астрологии». Вслед за Схарией приехали в Новгород и его единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое и в летописях, и в исторической литературе получило название «ереси жидовствующих».

Новгород был выбран ими не случайно. Этот город имел тесные торговые и политические связи с Западом, здесь процветал культ торговли, а самое главное — Новгород на протяжении веков был антагонистом великокняжеской власти вообще и московского Самодержавия в частности. (...) Еретики пытались насадить в Русской Церкви иудаизм. (...) Жидовствующие отрицали Святую Троицу, Христа как Сына Божьего, хулили Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе славное Пришествие Христово и Его Страшный суд. Еретики отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: Таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание. Особенно ненавидели они монашество.

(...) Цель ереси жидовствующих была подмена Закона Божьего на закон человеческий: если человек выше Бога, тварь выше Творца. (...) В то время ересь жидовствующих на Руси была, в общем, подавлена, но, учитывая её тайный характер, до конца это сделать не удалось. Скрытые приверженцы ереси проникли в высшие эшелоны власти. (...) Разбежавшиеся по России еретики не покаялись и не исправились, а, проникнув в массы монашества и священства, положили начало новому витку заговора, который как раз и набрал силу во время царствования Иоанна Грозного. *(Царь и нанес по ереси сокрушительный удар, прибыв в торговый Новгород — А.Б.)* (...) Как и все тайные общества, ересь жидовствующих оказалась на редкость живуча (и, к слову сказать, дожила до наших дней)...»

В яростной борьбе русского народа с ересью жидовствующих прославились царь Иван Грозный и святитель Геннадий, архиепископ Новгородский, что, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, другого борца с помянутой ересью: «...быв пущен на злодейственные еретики, устремился на них, яко лев, из чащи Божественных Писаний и красных гор пророческих и апостольских учений». *Коль бы на хмель не мороз, он бы и тын перерос* — трудами святых исповедников борьба увенчалась победой Православия над ересью жидовствующих.

* * *

«Христа славят, а иудеев клянут...» Русское простолюдые, в согласии с народно-православным календарем возлюбив еврейских ветхозаветных и новозаветных святых, почитая евреев христиан, кляли иудеев, распявших Иисуса Христа, что воплотилось в мифах, легендах, былинах и мудрых присловьях. В былине «Илья Муромец на заставе богатырской» метафорически изображается бой Ильи Муромца с заезжим богатырем-нахвалящиком Жидовином. Добрыня Никитич на охоте стрелял гусей и лебедей, и...

в чистом поле увидел ископоть великую,

Ископоть⁹ велика — полтечи.

Учал он ископоть досматривать:

— Еще что же это за богатырь ехал?

⁹Ископоть (ископытъ) - яма от удара копытом лошади или ком из-под копыта.

*Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин могуч богатырь
На эти степи Цицарския!*

В пояснениях к сему былинному сюжету Виктор Калугин пишет: «Вполне конкретным и далеко не случайным является, например, упоминание в некоторых записях этой былины земли Жидовской и имени богатыря Жидовина. За этим кроется одна из драматических страниц в истории Киевской Руси, в течение нескольких веков противостоящей Хазарии, правящая верхушка которой, как известно, исповедовала иудаизм».

В древних повериях славян сорока означает обернувшуюся жидовку. В Западной Белоруссии до наших дней дошло следующее сказание: «Евреи не верили в чудеса Христа. Решили его изобличить. Спрятали под мостом девушку с длинной косой и спросили у Христа, кто под мостом. Христос ответил: «Сорока». Когда радостные жида заглянули под мост, то вместо девушки увидели сороку с длинным хвостом». Убитую сороку суеверные люди до сих пор вешают в хлев или конюшню от нечистой силы.

В 1897 г. в Витебске издана книга белорусских сказаний, в которой читаем следующее: «Жид хотел испытать всеведение Бога и в ожидании прихода его спрятал под корыто свою жену с детьми. Когда Бог пришёл, жид спросил: «Угадай, што у мене под корытом кылы загнета?». — «Свинья с поросятами», — отвечал Бог. Жид улыбнулся, покачал головой и поднял корыто. Но там вместо жидовки с жиденятами действительно лежала свинья с поросятами. Она зачухала-зарухала и побежала прочь... По этой причине жида не едят свинины».

В старинной мифологической песне звучит русское народное толкование Рождества и Распятья Спаса:

*(...) Мати-Мария,
Где ты спала, ночевала?
— Во Божьей церкви, во соборе
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный,
Будто я Христа Бога породила,
В пелену его пеленала,
В шелковый пояс обвивала...
Тут пришли жида, нехристиане,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали.
Стала Мати-Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утешать:
— Ты не плачь, не плачь, Мати-Мария,
Твой сын воскреснет из гроба,
Затрубите вы в трубу золотую,
Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведным душам — царствие небесное,
А грешным душам — ад кромешный:
Им в огне будет гореть — не сгореть...*

Противостояние иудаизма и православного христианства, бывало, сплеталось и с мирским противостоянием двух народов, русского и еврейского, что воплотилось и в творчестве Державина, Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Куприна, Есенина, Шукшина и других российских писателей прошлых веков.

Поэт Сергей Есенин до трагической смуты в душе боговдохновенно писал:

*О Родина,
Мое русское поле,
И вы, сыновья, ее,
Остановившие
На частоколе
Луну и солнце, —
Хвалите Бога!
(...) Сгинь, ты, английское юдо,
Расплещися по морям!
Наше северное чудо
Не постичь твоим сынам!
Не познать тебе Фавора...*

Изощряясь, обретая неожиданные формы, обычно скрытые за внешними действиями, натиск иудаизма на христианство, и особо на восточное православие, не ослабевал во все крещенные русские века и порождал в народах всплески языческих страстей, перерастающие в кровавые восстания. В двадцатом веке иудаизм через вольных и невольных соратников нанес сокрушительные удары по Русской Православной Церкви: помянем разрушение церквей и истребление православного духовенства, разгул антихристианской демонской «массовой культуры» после падения Красной Империи.

Ведомо, иудеи — глашатаи и верховоды октябрьской революции в России, воплотившие в революционных деяниях пылкую ненависть к православному христианству, о чем и писал Сергей Есенин в поэме «Страна негодяев»:

Чекистов:

*Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
(...)*

Замарашкин:

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман...
(...)*

Чекистов:

*Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божий...*

Увы, не секрет, что чекистовы, ухитив российскую власть ... в сем повинен и русский народ, оскудевший в вере... не токмо храмы обратили в «места отхожие» либо разрушили, но и надругались над иными русскими святынями. Василий Шукшин, светоч русского искусства, создал вершинное произведение — повесть «До третьих петухов» (авторское название «Ванька, смотри»), исполненную по мотивам русских народных сказок, где описывает, как чекистовы в образе бесов одолели святое место, не терпящее пустоты; а святое место — Россия православная.

Не мирская образованщина, блуждающая во тьме кромешной, впадающая в ересь, блудомыслие, но смиренные крестьяне и ремесленники, приходские попы, дьячки, пономари да братья, сестры, избранные из купечества, мещанства, дворянства и разночинства, — се русский народ, не токмо по крови, но и по духу; и сей народ, быв богоносным, стал богоизбранным из всех народов мира... После распятия Христа некогда Богом избранный еврейский народ, впад в язычество, пошел за князем мира сего и потерял Божью избранность; затем христианский Рим обрел богоносность, коя перешла к Царь-граду, а потом православные славянские народы понесли Бога в сердце под духовным водительством богоносного русского народа, но теперь, когда и славяне не единожды жестоко предавали русских, кои спасали их от неминучей гибели, теперь, похоже, у Господа православный русский люд, через смуты, сквозь падения и покаяния пронесший Бога сквозь тысячелетие, единственный избранный народ, призванный спасти мир, что стремительно обращается в Содом и Гоморру. Человечество с ветхозаветных времен живет по закону Моисея: око за око, зуб за зуб, и лишь Русь жалю жила от Святого Крещения и поныне.

Христианское в крестьянском

Крест Господень и крестьяне... Повторю изначально реченное: для русского народа, до начала минувшего века сплошь земледельческого, национальная история — история крестьянской жизни, история развития народных душ от испуганного и по-детски восторженного одухотворения природы и природных стихий, от языческого идолопоклонничества к душеспасительной вере в Единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого, в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божьего, рожденного от Отца прежде всех век.

В Святом Благовествовании речено: «...Выходя, они (*иудеи и римские воины, что вели Христа на распятие, — А.Б.*) встретили одного Киринеянина (*слышим, крестьянина. — А.Б.*), по имени Симона; сего заставили нести Крест Его» (Мф.27:32). Православные сельские жители, возглашая: *мы, **крестьяне***, слышали, чуяли душой в сем слове **Крест**, ибо русские крестьяне, в отличие от иных мирских сословий, художобжих и чужебесных, со Святого Крещения и до воцарения богоборцев смиренно несли Крест Господень во Имя Христа Бога.

С крещенными веками христианское в мировоззрении сельских жителей причудливо сплелось с крестьянским: крестьяне не токмо учеников Христа, до апостольского служения рыбаков, пастухов, виноградарей, хлеборобов, но и Сына Божия причислили к своему крестьянскому сословию. Для сего сельские мудрецы изыскивали в описаниях земного обетования Иисуса Христа изрядно крестьянского:

воплотился в крестьянско-ремесленной среде, до тридцати лет плотничал и, надо думать, попутно занимался земледелием, что было неизбежно в патриархальном царстве-государстве, и даже был по-крестьянски бережлив: «...И когда насытились, то [Христос] сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало...». (Ин.6:12)

В очерке «Слово о русском слове» я писал о стилевом родстве языка Сына Божия с крестьянской речью и теперь напомним: «Русские крестьяне, мистически исходя *«от креста»* и *«Христа»*, выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. (...) Удивительно, что Сын Божий говорит не *научнообразно* в отличие от книжников и фарисеев, но беседует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцвечивая речь пословицами и поговорками: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо» (Мф. 3:10); или: «Его же Лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим» (Мф.3:12); или вспомним и притчу о сеятеле зерна — Слова Божия: «Се изыде сеятель, да сеет. И сеюшу, однаво падоша при пути, и приидоша птицы и позобаша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (Мф.2-8)

По воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обрели апостолы, выходцы из крестьян, а потом — святые отцы, келейные старцы, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, изредка мирские, что сподобились дара Божия.

Образный, пословично-поговорочный, прибауточный язык былого русского крестьянства, воплощенный в былинах, песнях, сказках, православно-житийной мифологии и даже в обыденной речи, бытовал не ради самоценности языка, не ради пустомельного красноречия, но из русского любомудрия да ради зримого выражения народной жизни. Ведь и Сын Божий, и святые отцы поучали притчевым, по-крестьянски пословичным, природно образным языком лишь ради благолепного и украсного воплощения в речевой стихии Слова Божия».

* * *

О крестьянской набожности... «Кто не понимает Православия, тот никогда не поймет народа нашего», — утверждал Федор Достоевский, гениально отобразивший русскую душу с ее горными взлетами и дольными падениями в бездну, когда поводыри — лукавцы либо слепцы. Сии заморские и доморощенные поводыри, лукавые либо слепые, столетиями расшатывали духовные крепости русского народа; и случались лихолетья, когда народный домострой подвергался сокрушительным ударам. Так было в правление чужеземного царя Петра Алексеевича, в коем домостройное простолудье узрело предтечу антихриста, как и в грядущем богоборце Ильиче; и, видимо, не случайно жрецы богоборческой революции, порушив святые обители, храмы и памятники царям, сберегли петербургский памятник Петру I, словно древнему большевику.

Отечественные и чужеземные, потаенные и откровенные противники русской

народности два века навязывали суждение о безбожности российского простолюдья, а уж тем паче, *просвещённого* дворянства и разночинства. Неистовый Виссарион Белинский, гневливо и маетно осиливший книгу Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в ярости обозвал сочинителя: «...Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...». А потом с горечью воскликнул: «По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! (...) А русский человек произносит Имя Божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится — молиться, не годится — горшки покрывать».

В ответ на письмо Белинского, написанное с «гневом, помрачившим ум, дышащим желчью и ненавистью», Николай Гоголь с жалостью писал: «Что мне сказать Вам на резкое замечание, будто русский человек не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое Вы с такой самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут (говорить), когда так красноречиво (говорят) тысячи церквей и монастырей, покрывающих (русскую землю). Они строятся (не дарами) богатых, но бедны(ми) лептами неимущих. (...) Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях легкими журнальными (статьками и романами) тех французских романистов, которые так страстны, (что не хотят видеть), как из Евангелия исходит истина...»

Разговор о набожности или безбожности русского народа — разговор пустой, суесловный, ибо храмы на Руси возводились не токмо для благолепия городов и сел, а перво-наперво ради очищения души от скверны, ради утверждения в духе любви к Вышнему и ближнему; а храмов лишь в Белокаменной было сорок сороков. По сему поводу вновь напомним о легендарной и мужественной поэме Сергея Есенина «Страна негодяев», где большевиков приводил в ярость не столь даже «облагороженный» образ батьки Махно, крестьянского заступника, сколь образ ленинского комиссара Чекистова — прообраз Лейбы Троцкого. Вот Чекистов ... еврей по фамилии Лейбман... и говорит с презрением о русских: «...Станный и смешной вы народ / Жили весь век свой нищими / И строили *храмы Божии...* / *Да я б их давным-давно //Перестроил в места отхожие*». (Выделено мною, — А.Б.) И перестроили христопродавцы, коими кишел ленинский комиссариат, ибо революция была актом религиозно-мистическим, богоборческим... (Более подробно о сем в моем очерке «*Душа грустит по небесам... Трагедия поэта Сергея Есенина*»).

Православный философ Иван Ильин, боговдохновенно толкуя о былом христолюбии русского народа, утверждал, что до революции из российских сословий лишь крестьянство, хотя и грешило ...един Бог без греха... но сроду не впадало в безбожие, а тем паче в богоборчество. И сему, рассуждал Иван Александрович, пособляло уже и само земледелие, которое было «ненадежно, зависимо от природы, что заставляло крестьян искать опору перво-наперво в Боге». Сему ...нет худа без добра... благоприятствовало и отсутствие книжной грамотности, как у моей мамы, кою я помянул в очерке «Счастье»:

«Мама моя, Софья Лазаревна, не ведала грамоты и, послунявив чернильный карандаш, расписывалась кургузым крестиком, — крестьянка-христианка, смиренно несущая крест, посему и оберегла в душе незамутнённую книжной грамотностью сердечную мудрость и жалость к ближнему. Мама исподволь страшилась книжной грамотности, боялась, что книги — кроме божественных и русских сказочных — задурят мою голову, смутят мой дух, ангельски ясный в раннем детстве,

исчёркают небесный лист моей души греховными и порочными, демонскими письменами. И словно в воду глядела... Мама верила, что *в досельную пору жили просто, да лет по ста, а ныне пятьдесят и на собачью стать*; мама, старорусская крестьянка, обладала вселенским знанием от Бога, природы и народа, и так пословично, поговорочно тысячелетнее знание выражала, что её любомудрию и красноречию позавидовал бы дворянский поэт Александр Пушкин. Подобно маме, страх перед западным книжным просвещением для православного люда чуяли русские святители, святые чудотворцы, святые старцы, насельники скитов и пустыnek, юроды Христа ради, и, наконец, славянофилы девятнадцатого века. И подивился я, спустя годы: неужели моя мама крестьянка, подписываясь кургузым крестом, словно Бог одарил её фамилией Крест, оказалась не глупей славянофилов, перелопативших горы книг?!»

Вслед за либеральными сочинителями и безбожные исследователи русского народного быта утверждали, что крестьяне, живущие на окраинах России, и особо в Сибири, скудоверны и равнодушны к церковным обрядам. Сей лукавой басне следует ответить пословицей: шей, вдова, широки рукава: было б куда класть небывлые слова...

Да, скажем, часть сибирских крестьян жила в деревнях, вдали от сел, где имелись церкви, и во время сева и уборки хлебов трудилась от зари и до зари, а посему лишь в середине лета да по зиме и могла добраться до храма, чтобы исповедаться и причаститься. Но все одно, боголюбивая крестьянская душа денно и ночью жила со Христом; да и мужики, бабы все же выбирались в села на Пасху Господню, на великие праздники, и упаси Бог работать в сии *божественные* дни.

Народные сибирские календари, составленные Алексеем Макаренко и Георгием Виноградовым, свидетельствуют о том, что крестьяне, скажем, Иркутской губернии праздничную, бытовую, хозяйственную жизнь выстраивали по церковному календарю и любое дело начинали с поклонного обращения к Богу: благослови, Господи... «А перед пахотой, севом и жатвой сибирские мужики парились, мылись в бане, одевали чистое белье, с женой не грешили, спали в сеновалах и амбарах; а поздним вечером непременно творили Иисусову молитву, зажигали Богу воскову свечу» (Макаренко А. «Сибирский народный календарь».)

А уж пахотные крестьяне юго-западной Руси и пуще молились Иисусу Христу, забывая о своей воле, уповая лишь на Бога: «Наши поселяне с первой майской росой выходят на посевы. Тогда они говорят: *подымай сетевое* — лукошко с семенами. В старину они прохаживали в церковь, служили молебны св. пророку Иеремии и потом выходили в посев. Вступая в поле, засевальщики молятся на все четыре стороны, кроме северной, бросают на каждую сторону по горсти жита, с низкими поклонами, и потом уже засевают». (Снегирев И. *Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. — В университетской типографии, 1837. — 264 с.*)

Коль изрядно сибирских крестьян жили вдали от храмов, то священники к божественным дням самолично добирались до глухотных деревень, а на престольные праздники, бывало, и владыки являлись в сибирские села, где их с ликованием и умилением встречали набожные старики и старухи, мужики и бабы, окруженные ребятишками. Алексей Макаренко так описал подобную встречу:

«...С. Кежемское. Подъезжаем к пристани, и чудное зрелище, которого нельзя вспомнить без особого умиления. От самого берега до церкви на протяжении пятидесяти или более сажен, все пространство наполнено народом, который не смотря на полунощное время бодрственно ожидал владыку; и что особенно уми-

лительно, — все, и женщины, и старые, и юные, и матери с грудными на руках младенцами ожидали владыку с вожженными свечами. И лишь только владыка вышел на берег, то вся эта масса народа пала на колени, и все спешили принять от него благословение, так как православный народ русский в простоте веры своей смотрит на архипастырей, как на истинных на земле наместников Христовых».

* * *

Природа — Творение Божие... «...Христианизации древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе, а, прежде, матери-сырой-земле, очевидно, способствовала изначально и сама Благая Весть, где православные крестьяне кроме Христовых заповедей познали и то, что *вочеловечившийся Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу*, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя, — образы в притчах Христа взяты из природы, из земледелия и рыболовства, из народных погодных примет. «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо»; «Его же Лопата в руце Его, и отеребит гумно Свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, плевелы же сожжет огнем неугасающим» (*Мф. 3:10,12*). «Сказал же и народу: когда вы видите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: дождь будет, и бывает так; и когда дует южный ветер, говорите: зной будет, и бывает. Лицемеры! лице земли и неба распознавать умеете, как же времени сего не узнаете?» (*Лк. 12: 54-56*)

Я привел отрывок из очерка «Мать-сыра-земля», где подробно описал религиозно-мистическое и хозяйственное отношение русских к земле, где пашни, пастбища и сенокосные угодья, тайга и степи, реки и озера.

В исконной основе русского месяцеслова — поклонное крестьянское знание мироздания от травинки-былинки, где пасется божья коровка, до небесных светил и небесных стихий. Без малого двести лет назад знаменитый русский писатель-народовед Иван Снегирев, составивший один из первых крестьянских календарей в пословицах и поговорках, писал:

«Чем ближе живет человек к природе, тем живее ощущает ее отношение к себе и самого себя к ней, тем яснее усматривает и предчувствует явления природы, где всякому роду животных свое назначение, свое место, по пословице: «Рыбам — море, птицам — воздух, а человеку — отчизна — вселенный круг». Земля для питомца природы — мать и кормилица, небо — его зеркало, в коем усматривает он меру и течение времени — она его календарь, компас, циферблат; небесные светила его путеводители на суше и на воде, ибо по звездам, как гласит русская пословица, «корабли ходят».

В славяно-языческих древнерусских воззрениях природа наделялась самосвято-стью, и древние русичи молились и матери-сырой-земле, и водам, и скалам и деревьям, с чем боролось православное духовенство. «Религиозное, молитвенное отношение к силам природы зафиксировано многими древнерусскими источниками, — писал академик Борис Рыбаков. — Церковники порицали в своих поучениях обожествление природы, объясняя это или незнанием истинной веры или же кознями дьявола, который «овы прельстите в тварь веровати и в солнце же и огонь и во источники же и в древа и во ины различны вещи...»¹⁰

Справедливо обличали православные христиане языческих темноверцев, кои,

¹⁰Рыбаков Б. *Язычество древней Руси*. М., 1987.

не ведая Святого Писания либо искушаемые князем мира сего, наделяли самосвя-
тостью природу — Творение Божие. «Не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни
огнь, ни истоницы, ни древа...» — поучал русичей в XII веке святитель Кирилл,
епископ Туровский. Церковные порицания обрядов, связанных с мистическим по-
клонением природе, воистину праведны, но да простит Господь Бог русского кре-
стьянина, что, будучи православным, живя среди природы и кормясь от природы,
издревле обвык одухотворять вселенские стихии и поклоняться житным полям,
пастбищам, сенокосным угодьям, студеным ключам, древним деревьям.

Начало крестьянского осознания Вселенской природы, яко Творения Божия, и
мифологическое выражение сей идеи — «Стих о Голубиной книге», где Вселен-
ная, — образ Бога:

*Солнце красное от лица Божнего,
Млад светел месяц от груди Божиих,
Звезды частые от риз Божниц,
Зори белые от очей Господних,
Ночи темные от опашия Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дровен дождик и росы от Его слез...*

Осознание Вселенной, как Творения Божиего, выразилось и в крестьянском
миропонимании через уйму мудрых пословиц и поговорок:

*Земля — подножье Божье, а небеса — Его престол;
Месяц — серебро, а красно солнышко — золото. Луна — око Божие;
Пятна на луне кажут, как Каин Авеля убил (как брат брата вилами заколол; как
Бог первых людей кормил готовым хлебом; как два кузнеца звезды для неба куют);
Небо — терем Божий; звезды — окна, из которых смотрят Ангелы (из кото-
рых Ангелы вылетают);*

*Звезды — светильники Божии;
Звезды — лампы, зажигаемые ночью ангелами пред Престолом Господним;
Звезды — души: блестящие — праведных, тусклые — грешных;
Ветер — Божье дыхание; Божьих дней больше, чем просяных зерен в мешке;
Святой воздух (попутный ветер) апостольские скатерти (паруса) надувает;
Иде Дух Господний и дух лукавый, и Господний Дух разгоняе дух лукавый; от
его и бувае выхорь.*

И само солнце, когда-то у славян-язычников верховное божество, теперь вели-
кое Творение Божие, и по народным приметам по-христиански радуется, играет
...переливается, меняется... на Святое Христово Воскресение (Пасху), на Рожде-
ство Христово и Крещение Господне, на Рождество Иоанна Крестителя.

Облаченной в обряд, пословицу и песню, поклонной и покаянной, сыновей
любовью любил крестьянин землю, мать-кормилицу:

*Добра мать для своих детей, а земля — для всех людей.
Поклонись матушке земле — наградит тебя сторицей;
С родной земли — умри, не сходи;
Крестьянская доля на широком поле;
Кого мать-сыра земля полюбит, тот голоден не будет.
Черная земля золотую рожь родит;
Без хозяина земля — круглая сирота.
Глупому в поле не давать воли;*

Мужик умирать собирайся, а земельку паши;

С огнем, с водой, с ветром не дружись, а земли держись...

Не та земля дорога, где медведь живет, а та, где курица скребет. Кто пашенку орет, тот всегда песенки поет, а кто торгует, тот всегда горюет.

Обережно утаенная в душе, крестьянская любовь к природе выражалась особым в древних, поэтически украсных обрядах поклонения матери-сырой-земле, рожавшей хлеб насущный, нравственно оздоравливающей крестьянина — ничто так не укрощает плоть, как труд на земле. И в поклонении том земля древними русичами воспринималась самосвятой, о чем, опять же, отрывок из помянутого очерка «Мать-сыра-земля»:

«Обожествленной матушке-сырой-земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку *мать-сыра-земля*, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях покрытая дождями и росами *небесного отца*, рожала хлебушек, рожала *жито*, — *живот, жизнь*. Были века в славяно-русском язычестве, когда *мать-сыра земля* — Макошь (*макушка лета*), «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях рожаницы Лада, «богиня» вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля с сохами, притороченными к сёдлам». Протоиерей Лев Лебедев в своей книге «Крещение Руси» писал: «Почитание русскими язычниками «матери-земли» — отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога — Создателя человека и земли, они поклоняются творению, не Творцу».

Православная церковь боролась с обожествлением земли, равно и всей вселенской природы, о чем толкуется в грядущей главе «Отзвуки бывшего язычества»; и с облачением во Христа крестьяне стали осознавать землю без ее самосвятости, а как Творение Божие: *Земля — подножье Божье, а небеса — Его престол; Земля — Божья ладонь — кормит*.

Но русские, даже будучи православными христианами, не смогли напрочь извергнуть из народной этики и эстетики избранные обычаи, обряды далеких предков, православно осмыслив, уподобив их народным сказкам, что рождались в эпоху славянского язычества. Сказка — условность, игра, где заложен нравственный урок, не противоречащий евангельским заповедям. Из крестьянского месяцеслова видно, что воцерковленные русичи древнеславянские, древнерусские *природные* обряды очистили от *природообожествления*, плотской распушенности, освятив обряды христианской любовью ко Всевышнему и ближнему, к природе — божественному созданию.

Вот и древние языческие заклинания матери-земли на урожай, освободившись от природообожествления, обратились в стихийные, доморощенные молитвы, когда крестьяне за подмогой обращались уже к Святой Троице, Царю Небесному и Царице Небесной, к ангелам и святым отцам, а не к ветхим *покровителям* природы, не к чародейным силам, вроде *бел-горюч-камня*. Вот образ старинного крестьянско-христианского заговора на урожай:

«О Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Владычица Мария, укрой Своею ризою красною, рукою честною, Крестом животворящим раба Божия (имя) от всякого зла и напасти во веки веков. Аминь. От клеветника и клеветницы, от еретика и еретицы, от чародея и чародейницы, от волшебника и волшебницы во

веки веков. Аминь. Архистратиг Михаил, Гавриил и Иоанн-воин победят беса и супостата, и врага во веки веков. Аминь. Солнцем огражден, месяцем подпоясан раб Божий (имя), и не убоюсь врага и супостата, и врага моего во веки веков. Аминь».

Хотя вряд ли молитвенные заговоры обладали божественной силой, ибо, скажем, подобной силой не обладают живописные произведения по библейским мотивам в сравнении с церковно освященными, намоленными, святыми иконами.

Без Бога ни до порога... Облаченные во Христа, богомольные русские крестьяне росли детей, пахали, сеяли, жали, рубили избы и храмы с упованием на Бога, что воплотилось и в крестьянских присловиях:

*Господь повелел от земли кормиться;
Не по образцам зима и лето бывают, а по воле Божией;
Кой год обмаливали поля, Бог поболе давал;
Даст Бог дождь, будет и рожь;
От Бога дождь, от дьявола ложь;
Севец не уродит, коли Бог не зародит;
Без молитвы запашка — одна промашка;
Кто хлеб пахает, того Бог кохает (любит) (малорос.);
Богу молись, крепче за соху держись;
Ори, да Бога моли: паши, ни о чем не тужи;
У грешника-злодея и соха пашет кривее;
Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху;
Кому Бог помогает, у того и волк скотины не таскает;
Сам не усамишь, коли Бог не даст;
На Бога надейся, а сам не плошай;
Посеет грешник хлеба, а уродится камень;
Роди, Боже, жито гоже, а без гороху проживем по троху;
Без Бога — ни до порога, а без Зосимы-Савватия (30 апреля) — ни до улья;
На что мудра гад-змея подколодная, а пчела, Божья птишка, и ее перемудрит, ибо пчела — Божья угодница, доставляет воск на свечи;
Ласточка — святая птица — поет молитву: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!»;
Первый сноп — Богу, первый ток — полю;
Лошадь человеку Бог дал вместо крыльев;
Без креста и молитвы не будет у рыбака ловитвы;
Не для Бога молитва, а для убожества;
Птицы небесные не сеют, не жнут (не орут), а сыты живут*

Русский месяцеслов

Русское народное христианство... Русский народ, до начала двадцатого столетия на все девяносто процентов крестьянский, в большинстве своем не ведал азы, буки, веди, и Святое Писание знал изустно, долгими зимними вечерами при свете лучины, комелька, жирника либо сальной свечи слушая грамотеев-книжечеев, читающих Библию либо Закон Божий, и по мере духовных сил толкующих святыя сочинения. С летами, веками народилось в мужиках и бабах благоговение

перед воображаемыми библейскими событиями, а вещи сказители запечатали их *по-русски*, словно и случились события в русской земле.

С христианизацией крестьянства народный месяцеслов, в основе которого оставался прежний природно-хозяйственный, обрядовый календарь, выстроился в лад православно-церковному календарю и освятился, изукрасился евангельскими событиями, кои обрели в народной мифологии *русскость*.

Народно-православное мировоззрение, увы, грешит языческими суевериями, прости Господи чадам земли, но когда евангельские события полновластно входят в народную обрядовую жизнь, облакаясь земными легендами, то в сём нет греха, поскольку простолюды искренно верило, что Человеколюбец не токмо ожидает нас, грешных, во Царствие Божию, но Спас всегда среди нас, что подавая милостыню убогому юроду и христораднику с церковной паперти, Господу Богу подаешь. И, не ведающие азы и буки, узрели то крестьяне по-детски чистой, творческой душой, к тому ж и речено в Писании: «Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня...» (*Мф. 25:35*).

Согласно старорусским месяцесловам народные обычаи и обряды, связанные с христианскими праздниками, в Сибири были такие же, как и по всей Руси Великой, ибо и населили сибирскую Украину землепроходцы, казаки, промысловики, пахотные крестьяне из разных российских губерний. Но вершились христианские праздники в Сибири в большем ладу с церковным уставом, нежели в южно-русских, украинских и белорусских землях, где грешно и ярко буйствовали языческие обрядовые страсти. По духовной строгости и житейской степенности праздничная обрядовая жизнь в Сибири близка обрядовым действиям Русского Севера: похоже, землепроходцы с архангельщины, северной вологодчины, изначальные засельники Сибири, и задали обрядовый тон в сибирской земле. Но, опять же, русский народный писатель Василий Белов в книге «Лад», описывая рождественские обряды и святочные народные увеселения на Вологодчине, поминал «Ночь перед Рождеством» Николая Гоголя и находил созвучие в духе и характере обрядов украинских и вологодских, да и немудрено: в Малороссии, и Севернороссии — «русский дух, и Русью пахнет».

Крещеные века породили в крестьянском мире изрядно календарных обычаев и обрядов, касаемых Рождества Христова, Воскресения Господня (Пасхи), Крещения Господня, Святой Троицы, Покрова Божией Матери...

* * *

Рождественский Сочельник... Истекал рождественский (*Филиппов*) пост, прозываемый в русском простонародье холодным, — сухо потрескивали, звонко пощелкивали рождественские морозы, щипали нос и уши, облачали снежными куржаками кусты и деревья, малевали на окошках синеватые кружева: дивные леса, где летят рай-птицы, скачут гривастые кони.

Кроме тех, кто о ту пору добывал зверя в тайге либо ямщичал — кормился с ружья или бича, православные сибиряки постились и брюхом, и духом от самого Филиппова заговения, и в особо суровом плотском воздержании, в непрестанной сердечной молитве проживали исход поста — день и ночь на Рождество Христово. День навечерия или Канун Рождества, величается *Сочельник* или *Соче(и)вник* — в этот вечер по церковному уставу крещеные ели *сочиво* (сушеные хлебные зерна, размоченные водой).

Иные крестьяне, воистину чада природы, при сем творили и обряды, выжив-

шие из славянской старины: скажем, в Рождественский Сочельник, как и накануне Крещения Господня, палили посередь двора солому, — обогревали прилетающие на свое подворье души усопших родичей, и при всплесках огня слезно молили Бога об упокоении и прощении их душ, а попутно напоминали родичам, чтобы попросили у Боженьки урожая и приплода. И в сём обряде не таилось богопротивного греха — согласно святоотеческим преданиям не рвется духовная нить между насельниками иного и сего миров, и живые молятся о покойных, а покойные о живых.

В Рождественский Сочельник домовитые хозяева и молились со свечой до вечерошней звезды, и зорко приглядывали за скотом, ибо в ночь перед Рождеством Христовым, по народным преданиям, буйствует нечистая сила, от которой отрещивались всяк на свой лад, но непременно молились Господу Иисусу Христу, Пречистой Матери Божией, преподобным и богоносным отцам нашим и всем святым, и уж, помолясь, перекрестясь, дегтем либо углем чертили на оконных и дверных косяках кресты, обкуривали стайки, сеновалы, завозни богородичной травой.

Канун Рождества Христова в народе звали еще и *Кутейником*, и это не значит, что в сей день православные *кутили*, пускались во все тяжкие; упаси Бог, нет, на закате дня к вечерошнему столу обычно подавали обрядовое блюдо, именуемое *кутьей*, кою заваривали из зерен пшеницы, сухой черемухи и хлебного сусла.

В Сочельник после долгого моления в церкви ладили крестьяне щедрый ужин с кутьей и медом. К ужину, случалось, приглашали и Мороза Васильевича. Милый, выживший из славянской древности, игривый обычай, греховно мистически не облаченный, созвучный детскому окликанию Деда Мороза на рождественской елке. (Кстати, не случайно у Мороза и отчество Васильевич: Новый год по старому стилю (от царя Петра — 1 января по Юлианскому календарю) сливался с днем святителя Василия Великого и прозывался Васильев день, когда и затевались детские новогодние игры с Дедом Морозом.) Хозяин дома, приотворив дверь в сени, окликал Мороза Васильевича, и малые чадушки, которые еще пешком ходили под стол, сладостно замирали от страха, ждали: вот сейчас с клубами мороза ввалится сам сказочный дедушка Мороз.

— Мороз, мороз! — звал хозяин Мороза Васильевича к постному застолью. — Иди в хату есть кутью. Зимой ходи, а летом под колодиной лежи!

Мужик просом просил, а иной, не церемонясь с Морозом Васильевичем, повелевал:

— Мороз, Мороз Васильевич! Ходи кутью есть! А летом не бывай, — и мужик грозно сулился, — а то цепом бошку проломлю, метлой зенки высеку!

И проломят, и высекут ...с них, деревенских мужиков, станется... ибо для мужика-хлебороба заморозки посреди лета полнотей врага, богатыря Сокольника-жидовина либо поганого бусурманского Калин-царя.

В Сочельник крестьяне щедро кормили домашнюю скотину, и первый блин Сочельника подносили овцам, и обряд сей прямо связан с Рождеством Христа: Матерь Божия спеленала новорожденного Сына Божия и положила в ясли для скота: «... родила Сына своего Первенца, и спеленала Его, и положила Его в ясли, потому что не было им места в гостинице...». (*Лк.2.7*). Далее в крестьянском воображении родилась картина: лошадь разметала сено, коим овцы утеплили Отроче Младо, чтобы не мерз, но овцы снова укрыли Богомладенца. И овцам в Благой вести изрядный почет, коли сам Спаситель в проповедеях величает себя Пастырем, пасущим овец, — души людские.

Рождество Христово... Воскресение Христово (Святая Пасха Господня) и Рождество Христово — самые отрадные христианской душе праздники, в кои из лета в лето, снова и снова с великой очистительной силой, ярко и радостно светится в душах любовь ко Спасителю нашему Иисусу Христу.

Нарядные, с тихими, сияющими лицами, важно шествуют православные в родные храмы, где служится всенощное бдение, часы и божественная литургия Иоанна Златоуста. Трепещут в таинственном дуновении свечёвые огоньки, ликуют в предвестии Рождества Отроче Младо, и в умиленном до слез, сладостном ожидании ежегодного чуда замерли русские братья и сестры во Христе, слитые в божественную реку любви, — любви к Вышнему и ближнему, всепрощающей любви и к тем, кто намерднил обидел, унижил, оскорбил, прости им, Господи, а мы зла не помним.

Хор ангельски поет тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащий, звездою учахуся Тебе кланяться, Солнцу правды, и тебе водить с высоты Востока, Господи, слава Тебе!» И в душах боголюбцев, богомольцев звучат святые словеса: «Нас бо ради родися Отроча младо...», словно херувимы поют под церковным куполом.

Является редчайшее, наслаждающее душу ощущение, что и в твою многогрешную душу ласково и прощающе вселяется Господь Милосердный, и ты зришь, что вся твоя земная жизнь в печалях и заботах не ради Иисуса, а ради хлеба куса, ради грешных утех и потех, пуста и бессмысленна перед загробной вечностью, где душе вечно скорбеть пред Господом за дела и помыслы.

А ровно в полночь по всей Руси Великой величаво и радостно звонят колокола, и плывет рождественский звон над заснеженными лесами и полями, над радостными деревнями и городами, и народ крещенный единым гласом вторит ликующему творению божественного поэта, святого Романа Сладкопевца:

— Дева днесь Пресущественнаго рождает, и земля вертеп Неприступному приносит; Ангелы с пастырьми славословят, волсви же со звездою путешествую; нас бо ради родися Отроча младо, пречечный Бог.

И задолго до рассвета, причастившись, православные возвращались домой, чтобы разговеться после поста и прославить Иисуса Христа.

Но, случалось, молились и дома «до самой до вечерошней звезды», а на рассвете отправлялись к заутрене. Наш славный бытописатель Сергей Максимов поминал: «Обыкновенно перед закатом солнца хозяин со своими домочадцами становится на молитву, потом зажигает восковую свечу, прилепляет ее к одному из хлебов, лежащих на столе, а сам уходит во двор и приносит вязанку соломы или сена, застилает ими передний угол и прилавок, покрывает чистой скатертью или полотенцем, и на приготовленном месте под самыми образами ставит не обмолоченный сноп ржи и кутью».

Святки... Ближе к полудню, когда *играло* солнце, по городам и посадкам, по деревням и селам расхаживали христославы, славя Царя Небесного Иисуса Христа, — то святые вечера, православные святки.

Ядрено похрустывая сухим снежком, краснощекие с мороза и выпитой рюмки, в распахнутых полушубках бродили христославы из дома в дом, пели славу Богу, пока, бывало, не осипнут. Носили при себе образ Спаса и Матери Божией, деревянный ларец на жердочке, вроде избушки, и аляповато, но радостно размазанную звезду. Ларец — се вертеп, пастушья пещера, где Божия Мать родила

Иисуса Христа и, спеленав Чадо малое, уложила в ясли, куда пастухи кидали сено дворовой животине; а расписная украсная звезда — се Звезда Вифлеемская согласно Благой Вести: «Волсви с востока приидоша во Иерусалим, глаголюще: где есть рождейся Царь Иудейский, видехом бо звезду Его на востоце, и приидохом поклонится Ему».

О русском христославлении известный народовед позапрошлого века Иван Сахаров ведал: «Славление на Руси заключается в хождении с вертепом, звездою, рацеями и виршами. Вертеп в Сибири прежде устраивался в виде ящика о двух ярусах. Здесь помещались деревянные фигуры. В верхнем ярусе изображались смерть Ирода, а в нижнем Ириадины пляски. В вертепе горели свечи. Славельщики ходили с ними по домам. За пение награждали лентами и пирогами».

Изображение в вертепе *Ириадиных*, вернее Иродиадиных, искусных плясок говорит о том, что в крестьянской мифологии Иродиада, прелюбодейная сожительница царя Ирода, сливалась с ее дочерью Саломеей, коя по Писанию и плясала перед царем. В награду за пляску мать плясуньи обрела голову Иоанна Крестителя, «...ибо Иоанн говорил Ироду: не должно тебе иметь жену брата твоего...» (*Мф.6, 18*).

Подобные искажения библейских событий, увы, жили в календарных обрядах русского крестьянства, поскольку сельские жители царской эпохи не ведали книжной грамоты и Святое Писание воспринимали на слух. Если крестьяне строго соблюдали посты, хранили в душе любовь к Богу и ближнему, то иные библейские события и жития святых расцвели, изукрасили поэтическими мифами, не лишенными, впрочем, суровой христианской назидательности, теплой любви к Богу и ближнему.

В деревенском мире святочное христославление разыгрывалось на улицах и на подворьях; а бывало, с клубами мороза христославы гомонливо вваливались в избу и, перекрестясь на божницу, поясно поклонясь, дружно славили Христа; голосистый христослав бойко выводил:

*Пречистая Дева Мария
Иисуса Христа породила,
В яслях положила.
Звезда ясно сияла,
Трем царям путь показала —
Три царя приходили,
Богу дары приносили,
На колени припадали,
Христа величали.
Слава Богу на небе,
Слава!
Государю нашему на сей земле
Слава!
Его цветному платью не изнашивать,
Слава!
Его добрым коням не изъезживать,
Слава!
Его верным слугам не изменять,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!*

Хозяева и домочадцы вставали из-за стола, празднично ущедренного закусками, низко кланялись христославам, звали к столу отпотчеваться, как в сказке, за белы руки принимали, за столы белодубовы сажали, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. И ликование Христа ради распирало души, и все друг другу прощали обиды, словно в прощенное воскресенье, и все вдруг счастливо осознавали, что они братья и сестры во Христе, а то братство и сестричество покрепче кровных уз, что братья и сестры не оставят друг друга в беде, не забудут в радости, не помянут злое, ибо кто злое помянет, тому глаз вон.

Чаще же хозяева влекли христославов к застолью, а те не присаживались ... в других домах, мол, заждались, все окошки проглядели... но, отпахнув крапивный куль, принимали подношения, — пироги да шаньги. Впрочем, на посошок, случалось, и выпивали сладкой водочки да наливочки, закусывали пирожком, да и с Богом трогались дальше славить Отроче Младо.

Христославление причудливо сплеталось с колядованием, о чем подробно далее в главе «Отзвуки былого язычества». Коляда известна была на Руси и под именем Авсеня (Овсеня), Таусеня.

*Таусень, Таусень,
По проулочкам, по переулочкам.
Коляда, коляда,
Подай пирога!
Не дадите пирога —
Мы корову за рога.
Радуйтесь, люди,
К вам Христос будет,
Зародит хлебы-житы,
Пшеницы всякой!..*

В Сибири колядовали — *машикарадились, цыганили*, — со второго или третьего дня святок. Ряженые в маски, — *хари, личины*, — гурьбой расхаживали по домам и пели колядки, слитые с христославлением:

*Коляда, коляда,
Подай пирога!
Не дадите пирога —
Мы корову за рога.
Радуйтесь, люди,
К вам Христос будет,
Зародит хлебы-житы,
Пшеницы всякой!..*

У в парней и девчат в святые вечера зачинались веселые посиделки, вечорки с песнями и потешными играми, где частенько избирались пары, после чего шли сватанья и свадьбы. Посиделки, согласно могучему здоровью и веселому нраву тогдашней сибирской молодежи, были порой внешне грубоваты, буйны, но никогда не доходили до греха, поскольку опороченной девушке или порочному парню земляки уже не давали житья — согрешившие, что случалось крайне редко, не миновали мирского осуда и становились отвержками крестьянского мира. В селе и деревне грех не утаишь...

Озорная молодежь в этот день шалила: могли залезть на крышу дома и надеть шапку на трубу — хозяин утром печь затопит, а дым весь в избу; могли водой приморозить дверь, выкатить сани со двора и поставить на попа посереде улицы...

Мужики, коль прихватят, случалось, и охаживали парней бичами за эдакие проказы, но и быстро прощали, вспоминали, что и сами по младым летам озорovali, и понимали: шутя-любя озоруют.

С Рождеством Христовым мистически связан день памяти мучеников *14 000 младенцев, от Ирода в Вифлееме избивенных (11 января)*; и в русском народе, «когда празднуется память избивения младенцев царем Иродом, в старину обыкновенно детей будили плетью, чтобы таким путем укрепить в памяти детей такое кровопролитное событие; самый день, в который приходился этот праздник, считался черным». (М. Забылин). Хотя и будили плетью, но весь день взрослые были особо ласковы и чутки с малыми чадами: читали им Евангелие для детей, сказывали сказки, загадывали загадки: «Отчего собака лает?» (*Не умеет баять.*) «По чему детушки в лес ходят?» (*По дороге.*) «Царская монета грош. Чем ее назовешь?» (*Языком.*)

* * *

Страстная седмица... Пасхе Христовой предшествует Великий пост, когда христианская душа очищается от скверны, воскресает для любви к Богу, к брату и сестре во Христе. Яко радетельный садовод спасает яблони от зловредной тли и прочих вредителей, дабы яблоня щедро рождала сладкие плоды, так и Спаситель спасает души от грехов, чтобы души щедро рождали любовь к Богу и ближнему.

Священники же толковали народу: *«Пост... истинный, яко божественные писания показывают нам, не обращен токмо сиречь пищи и пития удалится, но и от всех неподобных мыслей и злых дел воздержитися и от великого греха всегда храните себя»*. А посему православные постятся не столь брюхом, сколь духом — живут в умиленной любви к Богу, во всепрощающей, сострадательной любви к брату и сестре во Христе.

Страстная седмица Великого Поста — скорбные дни крестных мук и страданий Спасителя мира, Господа Бога нашего Иисуса Христа. В сии печально священные дни боголюбцы от воздержания в скоромной еде переходят на хлеб и воду.

Страстная седмица, согласно евангельским событиям предшествующая Воскресению Христову, породила изрядно крестьянских обычаев и обрядов. Со дня Входа Господня в Иерусалим (Вербное воскресение) крестьяне ставили освященную вербу на божницу, вербой же ласково били друг друга и выгоняли скот со двора, вербные пушинки крошили в семенное зерно, — и все сие творили в память о том, как Иисус Христос, сидючи на ослиати, въезжал в Иерусалим, и восторженные иудеи устилали дорогу ветвями пальмы, что на Святой Руси обратилась в пушистую вербу. Увы, те же иудеи, уже не восторженные, озлобленные, вопили, глядя на поруганного Иисуса Христа: «Распни!...»

«В продолжение всей Страстной седмицы крестьяне (...) не покладают рук, чтобы соскоблить, вымыть и вычистить обычную грязь трудовой обстановки (...) и привести свои убогие жилища в чистенький и по возможности нарядный вид. (...) В этот день, по народному убеждению, даже «ворона своих воронят в луже моет». (...) Покончив с убранством избы, бабы приступают обыкновенно к стряпне. (...) Пекут куличи, убирая их мармеладом, монпансье и другими цветными конфетами. (...) К вечеру Великой субботы (...) народ спешит в церковь слушать чтение "страстей"» (С. Максимов). Забайкальские крестьяне перед Пасхой, как и перед иными великими христианскими праздниками, шоркали избы изнутри и снаружи мелким песочком и веничком-голячком, а потом начисто промывали.

Но вернемся к Страстной седмице Великого поста... В *чистый четверг* в память о Тайной вечере в обрядовом ходу была *четверговая соль*, ибо «омочивый на тайной вечери руку в солило, в знак предстоящего отступничества и предательства, вызвал обычай очищать ту соль, которая некогда была осквернена прикосновением нечистых рук нечестивого Иуды. Пережженную, сероватого и черного вида соль перемешивают с квасной гущей, кладут в старый лапоть и бросают в огонь. Пережженную соль столкут, просеют и затем считают настолько чистой и священной, что приписывают ей даже целебную силу, помогающую как людям, так и скоту. Эта соль считается в особенности пригодной для того, чтобы присолить ею первые освященные после заутрени пасхальные яйца. (...) В воспоминании о преломлении хлеба каждый крестьянин подаёт в церкви задравную просфору, по силе своей равнозначную с благовещенской. В иных местах этой просфоре (в *Александровском уезде Владимирской губ.*) приписывается иное значение, так как крестьяне верят, что в Великий четверг Господь невидимо благословляет тот хлеб, который в этот день подается к обеду. Поэтому крошки и куски, оставшиеся на столе, тщательно собираются и хранятся как святыня, пригодная и полезная к употреблению во время болезни». (*С. Максимов*).

А в Приангарье «накануне Великого четверга, как лечь спать, хозяйка дома ставит на стол в «переднем углу» ковригу (хлеб) и соль, а под стол — пепел и смола; соль и хлеб как воспоминание о «вечерней трапезе» Христа с Его учениками и предательстве Иуды; смола — как указание на смоляные факелы, с которыми искали Христа в Гефсиманском саду; значение пепла не удалось выяснить (Ангара). Перечисленные вещества получают название «четверговых» («четвергова соль» и т. д.) и применяются в сибирской народной медицине и ветеринарии... (...) Восставши на следующий день до солнца, «четверговой смолой» мажут «хресты» на дверях изб и скотских «клевов» (хлевов), чтобы колдуны и колдунцы не могли войти; «смоляны хресты» мажут на детишках, на коровах и овцах — во избавление от «порчи», чар «волхиток»...» (*А. Макаренко*).

Кроме обрядов, связанных с четверговой солью и сжиганием вереска, не менее значительными для русского человека были обряды, связанные с омовением. Вообще, страстная неделя перед Пасхой — это своего рода земное чистилище человека, когда человек должен был духовно очиститься, чтобы в полную душу пережить крестные муки Христа Спасителя за нас, грешных. И в этом очищении русскому человеку помогали молитва, пост и очистительные обряды, когда очищение вершилось с помощью огня (*пережигание соли, вереска, можжевельника, татарника; через горящий вереск перегоняли скот и сами переходили*); это же очищение совершалось и через омовение. Глубокой ночью, задолго до утренней зари, когда ворон еще не успел выкупать своих воронят, наши деревенские бабы шли на речки, ключи (*вода для подобного обряда должна была быть проточной*). Набрав воду в посудыны, перед самым домом — это уже при восходе солнца — хозяйки обливались сами, потом обливали мужей, ребятишек. Омовение напоминало о том, как Спаситель омыл ноги апостолам перед тем, как Иуда осквернил соль, для чего крестьяне и пережигали, чтобы вытравить дух иудиной скверны. При этом в воду обычно опускалась серебряная монета. Монета здесь — напоминание крещенным о том, как Иуда продал Христа за тридцать сребреников.

Коль речь коснулась Страстной седмицы Великого поста, грех не обмолвиться о постничестве набожных крестьян, вспомнить верные слова Сергея Максимова, писателя-народоведа позапрошлого века: [Русский народ] «не только соблюда-

ет посты во всей строгости церковного устава, но идет в этом отношении значительно далее, устанавливая сплошь и рядом свои постные дни, неизвестные церкви. Так, почти в каждом селе, в каждой деревне можно встретить благочестивых старух и стариков, которые «понеделничают», то есть, кроме среды и пятницы, постятся и по понеделникам. Некоторые же в своей душеспасительной ревности доходят до того, что за несколько лет до смерти или перестают есть скоромное, или налагают на себя пост, в частности: никогда, например, не едят мяса, яиц, рыбы; не едят ничего с маслом, будь то скоромное или постное; безусловно воздерживаются от вина, от курения; дают обет никогда не есть яблок, картофеля, не пить квасу и пр. (...) Какая-то деревенская старушка призналась (...) священнику на духу, что окаянный смутил ее и заставил в пост есть «скором». На вопрос же священника, что именно она ела, старушка поведала, что ела редьку, семена которой перед садкой были рощены в молоке. (...) Крестьяне и крестьянки, особенно из числа пожилых, радеющих о спасении души, скорее решатся умереть, чем опоганить душу скоромной пищей. (...)

Кроме воздержания в пище, крестьяне считают необходимой принадлежностью поста и половое воздержание; считается большим грехом плотское сожителство с женой в постное время, и виновные в таком поступке не только подвергаются строгому внушению со стороны священника, но выносят немало насмешек и от своих односельчан, так как бабы до тонкости разбираются в таких вещах и по дню рождения младенца прекрасно высчитывают, соблюдали ли супруги закон в посты. Особенно зорко следят бабы, чтобы «закон» соблюдался деревенским причтом: считается несмываемым срамом для всей деревни, если в беззаконии будет изобличен пономарь, дьячок, дьякон, а особенно священник. У Глеба Успенского приводится случай, когда мужики чуть ли не всем «обществом» потребовали объяснения у батюшки, которого бабы изобличили в нарушении правил Великого поста. «Что же это ты, батя? — укоризненно покачивая головой, спрашивали мужики: — все-то говоришь нам «абие, абие», а у самого-то у тебя выходит одно бабие».

(...) Взрослое население неослабно следит и за деревенской молодежью, наблюдая, чтобы парни и девушки не затевали игрищ и ни под каким видом не смели петь мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. Вместо этих песен молодежи предоставляется петь так называемые «стихи», по характеру своему близко подходящие к старообрядческим «псалмам».

(...) Дети лишь с большим трудом выдерживают (...) строгий пост и нередко по забывчивости, свойственной ребяческому возрасту, хватаются за корки, но таких «бесстыдников» матери останавливают обычной угрозой: «А вот поп как отрежет ухо да как отхлещет тебя кобыльей ногой — так будешь знать!» (С. Максимов).

Придет пост, прижмет хвост, — прямой смысл поговорки сей, имеющей и таинственный иносказательный смысл, в том, что пост, подобно молитве и созидательному труду, необходим для осветления души от мирской душепогубительной тьмы, коя густо заволакивает душу в хмельной и разгульной праздности.

В очерке «Семейский корень», что ныне увидел свет в очерковой книге «Сокровища Сибири», есть Приложение «Обычаи, обряды старообрядцев Забайкалья», записанные мной в фольклорно-этнографической экспедиции в забайкальское село Большой Куналей, и в Приложении есть запись о том, как семейские¹¹ крестьяне постились:

¹¹ Семейские — старообрядцы Забайкалья.

«...Но приходите пост Великий. Бывало, всё повымоют, кадушки повышоркают, всё повысушат, чтоб уж ничего скоромного не было, — запаха не было. И вот, бывало, какой-то бурдук¹² сладять, какую-то ботвинию сладять, с картошкой натолкуть, и ядять. Даже грудной, если грудь сосёт, — ему на Великий пост не дают грудь. Вот была такая жись... И как-то (*народ*) питался, жил. Да ещё здорово был...» *Капитолина Петровна Фёдорова, 1906 г.р.*

«...Мяшаю молоко, — топится у печке. Я молоко помяшала ложкой, и эту ложку раз и облизала. Постный день ли, пост ли был, не помню. Я за печку забежала, да и на Божушка-то¹³ гляжу да думаю: может, Божушка-то мене не видел, что я ложку полизала. Давай запаном язык обтирать. Вот видишь, как мы боялись. А теперь никто не боится. «Ты ня ешь, — пост...» «Какой пост, чо пост?!» *Агафья Степановна Родионова. 1919 г.р.*

Суеверные крестьяне утверждали: мол, накануне Пасхи Христовой лютуют бесы. «...Злятся же черти в пасхальную ночь потому, что уж очень им в это время солоно приходится: как только ударит первый колокол к заутрене, бесы, как груши с дерева, сыплются с колокольни на землю, «а с такой высоты сверзиться, — объясняют крестьяне, — это тоже чего-нибудь да стоит» (*С. Максимов*).

Встарь православные христиане, старики и старухи, мужики и бабы, зорко присматривали за отроками и отроковицами, парнями и девицами, дабы в пост, а тем паче в Страстную седмицу, не затевали игрищ и не пели мирских песен, не говоря уж о плясовых и хороводных. А посему ранешняя молодежь во дни Страданий Христовых голосила — пела печальные стихи, похожие на плачи, на похоронную причеть:

*Мати-Мария,
Где ты спала, ночевала?
— Во Божьей церкви, во соборе
У Христа Бога на престоле.
Мне приснился сон страшный,
Будто я Христа Бога породила,
В плену его пленала,
В шелковый пояс обвивала...
Тут пришли нехристи,
Взяли нашего Бога, распинали,
В ручки, ножки гвоздей натыкали.
Стала Мати-Мария плакать и рыдать,
Стали ангелы ее утешать:
— Ты не плачь, не плачь, Мати Мария,
Твой Сын воскреснет из гроба,
Затрубит во трубу золотую:
«Встаньте вы, живые и мертвые!
Праведным душам — Царствие Небесное,
А грешным душам — ад кромешный:
Им в огне будет гореть — не сгореть,
Им в смоле кипеть — не skipеть»...*

* * *

¹²Бурдук — кушанье в виде жидкой каши из муки и воды. Эдиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 70.

¹³Божушка — так семейские называли и Господа Иисуса Христа и сами иконы с Его ликом.

Пасха Христова... Иссыкала Страстная седмица, являлось Светлое Христово Воскресенье — праздник праздников, и к сему величайшему дню душа благочестивого крестьянина очищалась от греховной, плотской скверны Великим постом и, радостная, воскресала со Христом для любви к Вышнему и ближнему.

В пасхальную ночь в церкви величаяя служба — пасхальная всенощная с великим молебном и крестным ходом вокруг храма. Все молящиеся, оставив в церкви куличи и пасхи для освящения, в церковной ограде возжигают свечи и ждут, когда светлоризные священники с крестом, иконами и хоругвями выйдут из храма, чтобы крестным ходом обойти вокруг и прийти к «запечатанному гробу» Спасителя. Крестный ход оглашается стихирой:

— Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить.

Обойдя церковь с молитвенным песнопением, крестный ход приступает к закрытым церковным дверям. Колокола пасхальным звоном возвещают о двенадцати часах ночи, и священник поет:

— Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав.

Церковные двери широко отпахиваются, и ликующий люд входит в храм, словно течет живая река, освященная бесчисленными звездами свечных огней.

«Величайший из христианских праздников — Святая Пасха — является любимым народным праздником, когда душа русская растворяется и смягчается в теплых лучах Христовой любви, и когда люди всего больше чувствуют живую, сердечную связь с Великим Икупителем мира. (...) Вот фонари расставлены и зажжены, вся церковь осветилась огнями, а колокольня горит, как исполинская свеча, в тишине пасхальной ночи. (...) Вот послышался и первый, протяжный и звонкий удар колокола, и волна густо колеблющегося воздуха торжественно и величаво покатила по чуткому воздуху ночи. Народная толпа заколыхалась, дрогнула, полетели с голов шапки, и радостный вздох умиления вырвался из тысячи грудей. (...) Через какие-нибудь пять минут в церкви делается так тесно, что негде яблоку упасть. (...) Когда отойдет утренняя, ровно в 12 часов, по приказанию ктитора, в ограде палат из пушки или из ружей, все присутствующие в церкви осеняют себя крестным знамением, и под звон колоколов раздается первое «Христос Воскресе». Начинается процесс христосования...» (...) С первого же дня Святой Пасхи, на протяжении всей Светлой седмицы, в деревнях обязательно служат так называемые пасхальные молебны, причем духовенство рассказывает по крестьянским избам непременно в сопровождении «оброшников» и «оброшниц», которые иначе называются «богоносцами» (*прихожане, несущие за церковным причтом иконы.* — *Сост.*). (...) Кроме молебна в избе, многие крестьяне просят отслужить еще один молебен, уже на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным: Власия, Мамонта, Флора и Лавра» (*С. Максимов*).

А на церковных службах сельские прихожане пристально слушали громогласного священника и зычноголосого дьякона, и среди славословий Бога на пасхальной литургии особо впечатляло православных «Огласительное слово на Пасху святителя Иоанна Златоуста»: «Кто благочестив и Боголюбив — насладись ныне сим прекрасным и радостным торжеством!.. (...) Смерть! где твое жало?! Ад! где твоя победа?! Воскрес Христос, и ты низвержен! Воскрес Христос, и пали демоны! Воскрес Христос, и радуются ангелы! Воскрес Христос, и торжествует жизнь! Воскрес Христос, и никто не мертв во гробе! Ибо Христос, восстав из гроба, — первенец из умерших. Ему слава и держава во веки веков! Аминь»

На пасхальную всенощную или заутреню крестьяне, случалось, приносили семенное зерно пшеницы, ржи, овса, гречихи, либо клали возле домашней божницы в красном углу. Зерно, окропленное святой водой — *освященное* — в храме или на молебне в избе, смешивали в сусеках с запасами семенного зерна, чтобы уродились хорошие хлеба.

Красное, алое, *багрецовое* яйцо, в досельную пору обычно окрашенное в луковой шелухе, вместе с куличами и пасхами освященное в храме, — верховный мистический символ Пасхи Христовой. «Наши крестьяне повсеместно не знают истинного значения и символического смысла красного яйца и даже не догадываются, что оно знаменует собой мир, обогранный кровию Христа и через то возрождающийся для новой жизни (...) (*В Ярославской губернии. — А.Б.*) Крестьяне, объясняя происхождение пасхального яйца, подходят ближе к истине, хотя далеко не всё себе уясняют. «Перед Пасхой, — говорят они, — Христос был мертв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мертвое, а, между прочим, из него может живой цыпленок выйти» (...) (*по крестьянским поверьям. — А.Б.*) Нельзя, например, есть яйцо и выбрасывать (а тем более выплевывать) скорлупу за окошко на улицу, потому что на протяжении всей светлой седмицы сам Христос с апостолами в нищенских рубищах ходят по земле, и по неосторожности в него можно попасть скорлупой (ходит же Христос с целью наблюдать, хорошо ли православные исполняют его завет — оделять нищую братию, и награждает тороватых и щедрых, а скупых и немилостивых наказывает). Затем, крестьяне повсюду верят, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на том свете. Для этого надо только сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положивши на его могилу яйцо, разбить его потом, покрошить и скормить его «вольной» птице, которая в благодарность за это помянет умерших и будет просить за них Бога». (*С. Максимов*).

Освященными в храме крашеными яйцами разговлялись после Великого Поста, христосовались, клали на божницу возле святых образов. А через год — в Страстную седмицу накануне Пасхи Христовой — старые пасхальные яйца крошили в зерно, чтобы пшеница щедро уродилась. Крестьяне верили, «помогает яйцо и при тушении пожаров: если человек, отличающийся праведной жизнью, возьмет такое яйцо и троекратно obeжит горящее здание со словами: «Христос Воскресе», то пожар сразу же утихнет, а затем и прекратится сам собой» (*С. Максимов*).

Отроки и мужи забавы ради бились крашеными яйцами; разбитое яйцо переходило к победителю. Среди крестьян находились ловкачи, которые вытаскивали деревянные яйца, и так полировали, а потом красили, что и не отличишь от заправдашнего. Ловкачи те били настоящие яйца, забирая их себе, пока их не разоблачали ко всеобщему веселью. Такой *обман* заведомо был заложен в деревенский, праздничный обряд. Крашеные яйца катали по желобкам или канавкам; и всякий ради выигрыша норовил разбить пасхальное яйцо соперника.

Повсеместно в крестьянской среде жило поверье, что в первый день Святой седмицы, в Светлое Христово Воскресенье *солнце играет*, словно вместе с христианским миром радуясь воскресению Христа. Высоколобые материалисты толкуют играющее солнце, как перепад температур в атмосфере, но для их безбожного сознания остается непостижимым, отчего солнце играет именно в Пасху Христову.

Русский народ с восторгом и молитвенным умилением от мала до велика высыпал на улицы и поляны любоваться солнечной игрой. Мужики лезли на колокольни, жены с малыми чадами глядели с пригорков. Ребятишки, забравшись на заборы и крыши изб, голосисто пели:

*Солнышко, ведрышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Сыр колушают,
Собакам бросают;
Собаки-то не едят,
А куры-то не клюют.
Солнышко, покажись,
Красное, снаряжись!
Едут господа бояре
К тебе в гости во двор,
На пиры пировать,
Во столы столовать.*

На Святой неделе парни с девицами водили хороводы; расхаживали с песнями по улицам и пели песни, которые величали великоденскими и волочечными — песенники-волочечники волочились по дворам. Волочечные песни — песенное христосование и нечто напоминающие рождественские колядки.

*У нас сегодня воскресный день,
Христос воскрес — Сын Божий!
Сам Иисус Христос из мертвых встав,
Из мертвых встав, нам и радость дав,
Волочечников у свет послав.
Пошли ба мы да дорогою,
Да дорогою широкою.
А встретили-та мы Господа Бога,
Господа Бога — Духа Святого,
А мы встали, шапки сняли,
Господу Богу молилися,
Духу Святому поклонилися.
(...)
А была у бабки курка-рябушка,
Нанесла яец повен коробец.
А всем деткам по яечечку —
Одной сироте да ня высталося.
Пошли детки, поскакавши,
Пошла сирота, заплакавши.
Вернись, сирота, на ж табе парася!*

*(Записано в ст. Байкал (Сибирь)
от А.Н. Балбес, 1899 г. рожд., украинка).*

Святые в крестьянском календаре... Выше поминалось, что с веками крестьяне создали величавую устную поэзию, мифологию по библейским и житийным мотивам, и евангельские события постепенно обрели *русскость*, словно в Благой Вести — события *русской* жизни, а святые даже первых веков христианства обратились в *русских* крестьян либо иноков. Сия народно-православная мифология, увы, мало ведома нынешнему народу русскому...

Сельские грамотеи наряду с Законом Божиим читали неграмотным крестьянам и Четьи Минеи (Жития святых), что породило в мужиках и бабах любовь к

избранным святым, именами коих и освятились дни в крестьянском календаре¹⁴. Крестьяне, и бедные, и богатые, но милосердные, до слез умиления любили слушать житие Алексия-Божьего человека, через юродивость, сознательную нищету взшедшего к святости...

В лад христианским святым сельские жители и выстраивали праздничную и хозяйственно-бытовую жизнь. Иван Снегирев, народный писатель XIX века, в сочинении «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» утверждал: «По благочестию, сродному Русским, крестьяне, живущие в жизни по вере и преданиям отцов своих, и дела свои распределяют по дням Святых и праздникам церковным и народным: если в житии Святых находят какое-либо отношение к предметам работ сельских, то их именами освящают оные. Таким образом, Св. Пророку Иеремеи дается проименование запрягальника или яремника...».

Юродиво изображая грядущее иудеям рабство царю вавилонскому, ветхозаветный пророк Иеремия по велению Божию одел на святую выю рабское ярмо, деревянное, затем железное, и эдак бродил среди народа, порождая усмешки и насмешки. Святой Иеремей ...*Еремей, Ерема, Ярема, по-русски...* напялил на шею волове ярмо, и русские мужики с Еремея Запрягальника (14 мая), влезали в ярмо — впрягались в страду, и на быков надевали ярмо, выезжая на майскую пахоту, а где потеплее — и на сев. А накануне вешней страды усердно молились в храмах, и в поле служили молебн пророку Иеремии, величая того *Яремником* либо *Запрягальником*.

Александр Афанасьев, знаменитый старинарь XIX века, писал о том, как, преобразаясь в русской народной речи, величания библейских событий, имена святых, вошли в крестьянский месяцеслов: «Мы знаем, какое сильное влияние оказывал язык в области народных представлений (...). Рассчитывая дни и распределяя занятия по святым, принесенным на Русь вместе с христианством, поселянин непонятные для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, имена месяцев и святых угодников сближает с разными выражениями отечественного языка, насколько эти последние могут определить характер данного времени, связанных с ним работ и погоды, теплой и холодной. (...) На Сретенье (2 февраля), по народному поверию, зима с летом встречается; в марте месяце солнце начинает марить, т. е. припекать землю, отчего над нею струится пар; но по утрам еще продолжают морозы (утренники), которых со дня сорока мучеников (9 марта) бывает сорок; думают, что в этот день возвращаются из вирия сорок разных пташек, а сорока начинает строить гнездо и кладет в него сорок палочек».

С веками православные святцы становятся и погодоуказателями, о чем поведано в многотомном сочинении «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах» Алексея Ермолова, изданном в 1905 году:

В апреле «поворотным днем с холода на тепло у нас считается 5 Апреля, Св. Федула; с 12 Апреля земля греется, парится. С Егория (св. Георгия Победоносца), 23 Апреля, наступает уже полный разгар весны. (...) Дожди на Егория полезны хлебам, но вредны для плодовых деревьев (...). Наиболее важными для сельской жизни в Мае являются у нас Николин день (Св. Угодника Николая), 9 Мая (...) и 25 Мая. (...) Довольно важными погодоуказателями в Мае, кроме того, у нас считаются 1 Мая — Еремеев день (Св. Иеремии), 2 Мая — Мокеев день (Св. Мокия), (...), и

¹⁴В досельную пору в ходу были сразу три календаря: гражданский, церковный, народный (крестьянский), которые по датам то сходились, то расходились. Простонародье придерживалось в основном двух календарей: церковного и народного. С принятием христианства наши поселяне постепенно стали сближать православные святцы со своим обиходным, хозяйственным календарем.

15 Мая, Св. Пахома, с которого настоящее лето начинается. В Мае заканчивается посев всех хлебов, происходит развитие корневой системы растений, а затем с 29 Мая — Феодосии Колосницы (*Св. Феодосии*) начинается и колошение хлебов. (...) К дням, имеющим в Июне наибольшее значение с точки зрения предсказания погоды будущей и урожая, следует отнести: 3 Июня — Св. Лукьяна, останавливающий на себе внимание наблюдателей, главным образом, своими ветрами; (...). Как со дня солнцеворота замечается усиление летнего тепла, так с Иванова дня (Рождество Иоанна Предтечи) 24 июня, (...) с Петрова дня (*день Апостола Петра*) крестьяне в средней России готовятся к уборке, — наступает тяжелая страдная пора. (...) Верными погодоуказателями считаются у нас дни 19 и 25 Июля, Св. Мокрины, которая срыгает осень, как Св. Анна (...) приносит зиму. Поэтому осень надо «смотреть по Мокридам». Днем перелома лета и поворота на осень у нас считается 20 Июля. (...) В конце Июля Св. Сила дает силу и хлебам, и людям, поэтому с этого дня местами начинают уже посев озими. (...) [В августе] днями, играющими наиболее видную роль в хозяйственной жизни крестьянина, являются у нас три Спаса, Успенье, Усекновение Главы Иоанна Предтечи (*1, 6, 15, 16, 29 Августа*)».(А. Ермолов).

А сколь погодных примет и календарных дат, освященных святыми именами, обрели в крестьянской речи поэтическое звучание, да иногда и с потаенным либо откровенным духовным смыслом:

*Пришел Прокоп (5 декабря) — разрыл сугроб, по снегу ступает — дорогу копает;
Роса — слезы святой Варвары (17 декабря), которая ходит по полям и плачет;
Варвара ночи урвала, дня притачала; Варвара мостит, Савва гвозди острит, Ни-
кола прибывает;*

*Коли силен мороз на Водокреци (19 января) — на хлеба не ропщи;
На Трифона (14 февраля) звездисто — поздняя весна;
До Прохора старуха охала: «Ох, студно!» Пришел Прохор да Влас (23, 24
февраля) — «Никак весна у нас»;*

*Тимофей-весновей (6 марта) теплом веет, стариков греет;
Авдотья-весновка (14 марта) на обедню шла — нос ознобила, а с обедни шла —
подол замочила;*

*Федот-ветренос (15 марта) везде сует нос, задирает курам хвост;
Герасим-грачевник (17 марта) грачей пригнал, а грач на горе — весна на дворе;
Придет Алексей-кувшин пролей (30 марта), огня наладет, и вода потечет с
гор и ключей;*

*На Дарью-пролубницу (1 апреля) весна зиму заборолла, щука хвостом лед раз-
бивает, а медведь и гады ползучие глаза продирают;*

*На Матрену (9 апреля) овсянка затягивает свою песню: «Покинь сани, возь-
ми воз!»;*

*Теплая ночь на Иакова (13 мая) и звездится ночь — к урожаю;
Борис и Глеб (15 мая) сеют хлеб;
На Петров день (12 июля) и солнышко играет;
Борис и Глеб (6 августа) — дозревает хлеб;
Утро Епифана (25 мая) в красном кафтане — к жаркому, пожарному лету.
На Кирилу (22 июня) отдает солнышко земле всю силу;
Пророк Амос (28 июня) — пошел овес в рост;
Кузьмы и Демьяны (14 июля) пришли — на покос пошли;
До Ильи (2 августа) поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком
нагонит;*

На Силу и Силуяна (12 августа) рожь бывает пьяна — полна зерном и клонится к земле;

На первый Спас (14 августа) олень копыто обмочил (похолодало);

Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, Илья Пророк три приволол (ночи длиннее и длиннее);

Пришел Спас (второй — 19 августа) — бери варьги (рукавицы) про запас;

С Успенья (28 августа) солнце засыпает;

Флор и Лавер (31 августа) до рабочей лошади добер;

Умолил Флора и Лавра — жди лошадям добра;

На Семена (14 сентября) дитя постригай и на коня сажай и на ловлю в поле выезжай;

Пророк Наум (1 октября) наставит на ум (детей отдавали в учение);

Осенние Федоры (24 сентября) подол подтыкают, а зимние Федоры (12 января) платком рыло закрывают;

С Ерофея (17 октября) зима шубу надевает;

Трифон (21 октября) шубу чинит, Пелагея (21 октября) рукавицы шьет;

Пришел Прокоп (5 ноября) разрыл сугроб, по снегу ступает — дорогу копает;

Наложило Введение (4 декабря) на воду толсто леденение, замостило реки;

Никола Зимний (19 декабря) лошадь на двор загонит, а Никола Вешний (22 мая) откормит.

Бытовало дьявольское измышление высоколобых смутьянов о том, что русские, окрестившись, соотносили Святую Троицу с языческими идолами: «богом-отцом» Стрибогом (Сварогом), «богом-сыном» Дажьбогом и, наконец, Семарглом (крылатым псом). От безбожия соблазну сему поддавались даже народоведы, широко знающие, искренне любящие русскую старину... Но ведь русские, приняв Святое Крещение, вскоре напрочь забыли языческих истуканов, а посему не могли соотносить их с Отцом, Сыном и Святым Духом. В сознании крестьян, что облачились во Христа, и святые отичи без сопоставления потеснили бывших идолов: Иоанн Предтеча — Купалу, Георгий Победоносец (да и Архангел Михаил) — Перуна... Власий в крестьянском сознании быстро сменил «скотьего бога» Велеса (Волоса) — покровителя скотоводства у некрещеных русичей. «Имя его известно нам еще по договорам русских с Царьградом. Так в договоре Святослава с греками сказано: «Да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и Волоса, скотьего бога». (...) Святой Авраамий Ростовский сокрушил идола Велеса в Ростове. (...) Между тем как в Киеве он крещен был великим Владимиром: «Волоса, его же именоваху скотья бога, повеле в Почайну реку вresti». (И. Сахаров). Крестьяне служили молебны святому мученику Власию, молили его о покровительстве и обереге домашнего скота и особенно коров. В хлевах ставили образы святого Власия и там молились ему: «Святой Власий, дай счастья на гладких телушек, на толстых бычков, чтобы со двора шли — играли, а с поля шли — скакали».

Вскоре после крестного облачения во Христа, освободившись от языческого идолопоклонничества, истребив памяти бывлых божков, величаемых *болванами*, русские крестьяне мистически осознали бесплотную ангельскую силу и христианских святых пособниками при житейских нуждах, покровителями лесов, полей, вод, народных ремесел и профессий. Ныне зрим в православных святцах:

Михаил Архангел — небесный покровитель русского воинства;

Георгий Победоносец — покровитель русского воинства, а также вместе с **Афанасием** и **Кириллом** — рабочего скота;

Апостолы Петр и Павел — покровители рыболовства;
Николай Угодник — покровитель путешественников, особо моряков и рыбаков;
Сергий Радонежский — покровитель вод и целебных источников (*как и святая мученица Параскева Пятница*) а также и домашней птицы;
Борис и Глеб — покровители земледелия;
Апостол и евангелист Лука — покровитель священного ремесла иконописи (богомазов);
Флор и Лавр — покровители коневодства;
Зосима и Савватий — покровители пчеловодства;
Наум — грамотник, покровитель среднего образования;
целитель Пантелеймон — спасает при любой болезни;
Косма и Дамиан — целители, покровители врачей;
Гурий, Самой и Авива — покровители честного брака, им же молятся при зубной боли;
Власий — покровитель всякой домашней животины;
Анисим и Мамонт — овчарники, покровители коз и овец;
Никита — гусятник;
Кирик и Улита — покровители кур;
Харитина — ткачиха;
Прокопий — жнец;
Сорок мучеников, утопленных за веру в Христа — покровители певчих птиц, улаждающих слух, истребляющих вредных насекомых;
Зиновий — покровитель зимующих птиц;
Артемию молились при «грызной болезни»;
Киприану и Устинье — молились против нечистой силы;
Дионисию — от сглаза;
Модесту — при падеже скота;
Варваре усердно молились мужние жены, особо на сносях, прося благополучного разрешения бремени, а при мучительных родах жены давали обет великомученице Варваре.

Русские, особо простолюдые, скинув ветхое язычество, облачившись во Христа, с веками нежданно-негаданно выделили из сонма христианских святых и полноправно ввели в народно-обрядовую жизнь, хотя сии святые, уроженцы древних народов, жили задолго до крещения Руси: Николай Угодник (*Никола Зимний, Никола Вешний*), Илья пророк (*Ильин день*), Иоанн Креститель (*Иванов день, Иван Купала*), Георгий Победоносец (*Егорий Храбрый*), святые апостолы Петр и Павел, Алексей-Божий человек, Параскева Пятница.

* * *

Святитель и Чудотворец Николай, архиепископ Мир Ликийских (+ около 345–350 от Рождества Христова; память 9(22) мая, 29 июля (11 августа), 6(19) декабря)... Крестьяне, не ведающие азы и буки, слушали жития святых на божественных литургиях либо с уст богомольных книжечеев и, обсуждая жития, обращая жития в народные мифы, облекли образ Николая Чудотворца такой все-русской коленопреклонной любовью, что лишь Христос Спаситель и Богородица в сем любовном почитании, в молитвенном поклонении встали выше сего Христова Угодника. Не случайно же после Крещения Руси по берегам морей, рек и озер воссияло несметное число храмов, часовен, монастырей в честь Николая

Чудотворца, который в крестьянской мифологии стал русее русских, хотя по глаголам Четых Миней святого Димитрия Ростовского «святителя Христова Николая, великого Чудотворца, скорого помощника и изрядного ходатая перед Богом, возрастила страна Ликийская» (*IV век от Рождества Христова, город Патары, земля Ликийская в Малой Азии*).

Древний житийный писатель поведал, что святитель Николай «многа великая и преславная чудеса сотвори на земли и на мори, в бедах сущим помогая и от поглотения спасая, и из глубины морския на сухо износя, от тления восхищая и принося в дом, от уз и темниц избавляя, от мечнаго посечение заступая и от смерти освобождая, многим многая подаде исцеления: слепым зрение, хромым хождение, глухим слышание, немлым глаголение. Многих в убожестве и нищете последней страдающих обогати, гладным пищу подаде и всякому во всякой потребе готовый помощник, теплый заступник и скорый предстатель и защитник показася, и овым такожде призывающим его помогает и от бед избавляет. Весть (знает) великого Чудотворца сего Восток и Запад и все концы земнии водят чудотворения его».

Русская Православная Церковь чествует память святителя Николая трижды на году: 9(22) мая — Перенесение мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар (сей день в народе величают — Никола Вешний); 29 июля (11 августа) — Рождество святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского; 6(19) декабря блаженное усупение святителя Николая Чудотворца, епископа Мирликийского (в народном величании — Никола Зимний); к сему всякий четверг Николай Чудотворец поминается в храмах величавыми песнопениями.

Русское простолюдые возлюбило святителя Николая уже и за то, что Христов угодник «прославился великой ревностью к истинной вере, и по преданию, участвовал в I Вселенском Соборе, где с великой духовной страстью защищал Православие от ереси «собаки» Арии (*которого в сердцах заушил... ударил в ухо. — А.Б.*). Прославился святой и как великий угодник Божий — отчего русские величают его еще и Никола Угодник. Исполнен был Божией благодати творить благие чудеса: так, усмирил морские волны, готовые потопить корабль с путниками, воскрешал умерших, снабжал хлебом голодных, спасал утопающих на водах, избавлял невинно осужденных от смерти, помогал нуждающимся и скорбящим». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя*).

Сельские жители уверились, что Никола угодник — крестьянский святой, ибо Никола любит мужика, что Никола чудотворец бродит по Святой Руси в мужичьем облиции, — вот почему: *Всем святым по сапогам, а Николе боле, что ходит доле*.

Знаменитый народовед Сергей Максимов в Зарайском уезде, Рязанской губернии записал крестьянскую легенду о хождении святого Николая с неким Касьяном; и легенду ту художественно воплотил я в повести «Красная роса»:

«...Про Касьяна я тебе чо скажу: в досельны годы святой был — Касьян Немилостивый. Но это в народе удумали — Немилостивый, а так, конечно, святой... И вот наши деревенски и баяли про его: дескать, Касьян глянеть — цветок вянеть. Глаз у него, мол, урочливый. Которы дак Касьяна и за святого не почитали: дескать, к нечистой силе прилип, с анчуткой беспятым¹⁵ спознался, прости их, Господи, — дед Любим горячо перекрестился. — Тьфу, удумают же всяку холеру... Что за народ?! Да... Но баяли: дескать, брел Касьян на пару с Миколой Чудотворцем. Глядеть, на дороге мужик мается: телегу увязил в грязи по самы ступицы. Кобылешка из силов выбилась, мужик чуть пуп не сорвал, а воз ни взадь, ни впередь.

¹⁵ Анчутка беспятый — бес.

А тут святые подходить... Но чо, мужик и просить Христом Богом: мол, подсобите, люди добры... «Не могу, — это Касьян-то баить, — райску ризу испачкаю. Как я потом в рай ворочусь, Господу Богу на глаза покажусь?!» Микола же Чудотворец — мужик простой — уперся плечом в телегу, поднатужился, да и выпихнул воз на сухое... Дале сказать, пришли они в рай. У Миколы вся риза в грязи извожена. Бог увидал тако дело и спрашиват — все наперед знат, но спрашиват:

«Ты иде это, Миколай, так извозился?»

«Я, — отвечает Микола, — мужику подсоблял воз из грязи вытаскивать...»

«Ладно, — похвалил его Бог да и Касьяна спрашиват. — А ты почто чистый?»

Вы же на пару ходили...»

«Я, Господи, боялся ризу испачкать»

«Дак это же Я был — тот мужик...»

Перепугался Касьян, забожился:

«Кабы знатё, дак я бы непременно подсобил»

А Господь ему растолмачил:

«Я — во всяком, верующем в Меня, и кто любит ближнего, тот любит Меня...»

Словом, не глянулся Боженьке Касьян, и порешил о ту пору быть Касьяну именинником раз в четыре года, а Миколу Чудотворцу за его доброту — два раза на году. Вот пошто мы и празднуем Миколу Зимнего и Миколу Вешнего. А Касьян Немилостивый — именинник раз в четыре года, 29 февраля. Тяжелый это год, високосный, сказать: и на скотину мор, и народец, бывало, подкосить. Но святой Касьян-то здесь, конечно, не при чем — святой, он и есть святой, молитвенник по грехам нашим, не он карает да милует — Господь Бог. Темь деревенская наплела с три короба и все лесом, выдумала своего Касьяна, прости Господи. Своего... а заправдошний, тот, паря, святой. Да, святой, преподобный...»

Если русские, избрав из сонма святых, особо возлюбили Николая Угодника и воспели в легендах, как первого после Бога святого заступника, то крещенные инородцы по простоте душевной и вовсе почитали святого Николу «вторым русским богом».

Славный сибирский народовед Фирс Болонев писал: «Инородцы Сибири — эвенки, буряты, якуты, принявшие крещение, будучи связаны в основном с русским крестьянством, также из христианских святых особенно отличали Николу-угодника. Так, в Забайкалье было записано такое предание: «М.А. Лукьянова (...) из с. Фомичева рассказывала: «Один бурят тонул в Чикое и обратился: «Святитель Христов, русский Никола, вынеси меня». И он вынес. И еще троих стариков из нашей деревни спас — лодка перевернулась, а они с Божьей помощью спаслись».

На Николу Зимнего (19 декабря) — во всех русских храмах величавый, величальный молебен, а тем паче в Никольских; и в сей же день поселяне справляли никольщину — застолья родственников, соседей с пивом, брагой из зерна нового урожая, с закусками в складчину. Крестьяне говаривали: «Для кума Никольщина бражку варит, для кумы пирожок печет; на Никольщину зови друга, зови врага — оба друзья будут; Никольскую брагу пьют, а за Никольское похмелье бьют (наказывали тех, кто гулял после Никольщины)». С днем святого Николая Угодника (Зимнего) связано изрядно крестьянских примет; вот лишь избранные:

Никола Зимний лошадь на двор загонит, а Никола Вешний (22 мая) откормит;

Какой день в Николу Зимнего, такой и в Николу Вешнего;

Перед Николой иней — овсы будут щедрей; иней на Николу — к хлебороду;

Что Михаил Архангел закует, то Никола раскует — оттепели.

С еще большим торжеством праздновали крестьяне день Николы Вешнего (22

мая): в иных российских уездах сей праздник считался *съезжим*, — к сельскому храму *съезжались* крестьяне из ближних деревень, и после величавого молебна, посвященного Николаю Чудотворцу, совершались крестные ходы к рекам и озерам, где совершалось водосвятие, и на хлебные поля. Рекруту, уходящему на службу ратную, вешали на шею медный образок с изображением. О сем дне крестьяне так рассуждали:

Два Николы: один с травой, другой с зимой;

До Николы крепись, хоть разопрись, с Николы живи, не тужи;

Сена достает у дурня до Юрья (6 мая по н. ст.), у разумного — до Николы;

Святой Юрий запасает коров (начинает пасти), Никола — коней;

В Николин день выгоняют лошадей на починки, на пашиницу, на ночной подножный корм;

Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на Николин день травой;

Велика милость Божия, коли в Николин день дождик польет;

В Николу лягушка квачет — овес скачет;

До святого Николы не сей гречки, не стриги овечки.

* * *

Илья пророк (IX в. до Рождества Христова; память: 2 (20) июля)... Неисповедимыми путями российский мужик в череде святых выделил и возлюбил пророка Илию, поселил его в русской земле, одарил русским нравом; но если русское простолюдь любило Николая Чудотворца эдакой ласковой, *безстрашной* любовью, яко выходца из пахотных крестьян, то любовь к Илие пророку была преисполнена благодатного Божиего страха. «...Таков по воззрениям народа Илья-пророк, олицетворяющий собой праведный Гнев Божий. Повсюду на Руси он именуется «грозным» и повсюду день, посвященный его памяти (...), считается одним из самых опасных. Во многих местах крестьяне даже постятся всю ильинскую неделю, чтобы предотвратить гнев пророка и спасти от его стрел поля, свои села и скотину». (С. Максимов).

Да, в крестьянском воображении Илия пророк — самый суровый христианский святой: *Сердитый, Грозный, Громовник, Громобой, Громовержец* ...на Ильин день случались *грозы* с раскатами *грома*... но суровость пророка была, словно суровость отца в благочестивой, домостройной семье, который строг, но справедлив и за которым домочадцы, как за каменной стеной.

Крестьяне полагали: *Млечный путь — Божия дорога, по которой Бог и святой Илия ездят на колеснице, везомой огненными конями*... «На огненной колеснице могучий седой с грозными очами разъезжает из конца в конец по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвездной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших Закон Божий сынов человеческих. (...) Даже сам сатана трепещет перед грозным Ильей и, застигнутый пророком в облаках, пускается на хитрости, чтобы избежать могучих ударов. «Я в христианский дом влечу и сожгу его», — грозит сатана. А Илья гремит ему в ответ: «Я не пощажу дома, поражу тебя». И ударяет в ту пору своим жезлом с такой силой, что трещат небесные своды и огненным дождем рассыпаются каменные стрелы. «Я в скотину влечу, я в человека войду и погублю их, я в церковь Божию влечу и сожгу ее», — снова грозит сатана. Но Илья неумолим: «Я и церкви святой не пощажу, но сокрошу тебя», — гремит он опять, и все небо опоясывает огненной лентой, убивая скотину, людей, разбивая в щепки столетние

деревья и сжигая св. храмы. (...) Народ представляет себе Илью не только как вестника Небесного гнева, но и как благодетеля человеческого рода, дарующего земле изобилие плодов и прогоняющего нечистую силу, эту виновницу человеческих несчастий и болезней. По народному поверию, для нечистой силы страшен не только сам Илья, но даже дождь, который проливается в его день, имеет великую силу: ильинским дождем умываются от вражьих наветов, от напусков и чар». (С. Максимов).

На Ильин день грех робить — Илья убьет молонней; «один хресьянин робил в Илью. Случилась гроза. Мужик кинулся под лотку. Ударила громова стрела и убила мужика». Или — был, мол, случай, что за работу одного мужика появилась ворона с горящей веткой в клюве, стала перелетать с зарода на зарод и сожгла сено у многих односельчан. Так наказывает Илья пророк за непочтительное отношение к себе». (А. Макаренко).

«Гром гремит, говорят, — Илья едет на колеснице, запряженной быком и львом (в иных толкованиях, на тройке белых коней, — А.Б.). Он преследует сатану: где тот спрячется, — туда и «громова стрела падат». (...) «Лешему надо было к спеху шубу; днем он не поспел сшить, сел шитца ночью под сосну, когда Илья гремел. Молонья блеснет, — лешак продернет иголку в шубу, да проворчит: «што, молнишка, не часто светишь!» Илья на это осерчал, пустил в черта Громову стрелу, — деревину расщепило на кусочки, а лешак увернулся и убег с шубой (село Кежемское, Восточная Сибирь. — А.Б.). Варианты этого сказания встречаются также в России». (А. Макаренко).

В поэтическом воображении русского крестьянина Илья-громовержец, как покровитель грома и молнии, небесных вод, вытеснивший славянского идола Перуна, иногда сближался причудливым образом и с былинным богатырем Ильей Муромцем, о чем свидетельствуют некоторые легенды, записанные от крестьян. Известны ильинские присловия:

Илья Муромец по небу на шести жеребцах ездит (гром);

Молния сверкает — святой Илья вынимает шапку;

Гром гремит — Илья гонится за чертями и, догнав, ударяет их шапкою, в то же время св. Георгий низвергает с неба стрелы.

«Илья-пророк, наследовавший в народе древнего Перуна, почитается покровителем земледелия и сельского довольства. (...) Одна из отличительных черт его поклонения у всех народов — посвящение ему горных вершин как земной его обители. Храмы и места его обоготворения большею частью помещались на высоких горах или холмах, обросших густыми дубравами, и как символ растительной жизни природы ему же посвящается вечно зеленеющий дуб». (Д. Шеннинг).

Русская Православная Церковь с особой святостью чтит любимого в народе святого, и во имя пророка Илии была освящена первая церковь, воздвигнутая в Киеве еще при князе Игоре; и святая княгиня Ольга после Крещения построила храм пророка Илии в своем родном селе Выбуты.

Про день памяти пророка Илии крестьяне толковали:

До Ильи поп дождя не намолит, а после Ильи баба фартуком нагонит;

Илья-пророк разъезжает по небу на огненной колеснице и расплескивает святую воду;

До Ильина дня дожди — закрома, а после Ильина дня — из закрома;

Петр и Павел на час убавил, Илья пророк — два уволок (короче световой день);

Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, а Илья пророк три приволок (длиннее ночь);

*До Ильи мужик купается, а с Ильей с рекой прощается;
На Ильин день олень копыто обмочил: вода холодна¹⁶;
До Ильина дня в сене пуд меду, после Ильина пуд навозу¹⁷;
То и веселье Ильинским ребятам, что новый хлеб;
Завязать Илье бороду (окончив жатву, завязывали последний сноп и оставля-
ли его в поле);*

*Пророк Илья лето кончает, жито зажинает;
Пророк Илья куда ни махнет, всюду жито растет;
К Ильину дню хоть кнутом прехлысни, да заборони.
Илья — последняя девичья гульня (далее страда);
Придет Илья, навалит гнилья (мух, комаров), а придет Первый Спас, не будет
комаров у нас.*

*После Ильина дня в поле сива коня не увидишь — вот до чего темны ночи...
Много на ильинской неделе молодыми жнеями пелось обрядовых песен, про-
званных жнивными:*

*Мы в поле были,
Венки развили,
Венки развили
И жито глядели.
Зароди, Боже,
Жито густое,
Жито густое,
Колосистое,
Колосистое,
Ядренистое!
А Святой Илья
По межам ходит
Да житишко родит,
— Твое житишко
На пивушко,
Дочек отдавать,
Сынов женить,
Сынов женить
И пиво варить.*

(Смоленщина).

В эпоху пророка Илии жил и пророк Елисей, с именем которого у меня вышел потешный случай... Спустя четверть века после выхода в свет «Русского месяцеслова», и я стал доводить книгу до русского ума и православного духа, а прежде добавил краткие жития святых, кои упустил в первом издании. Дошел до двадцатого июля по старому стилю — *Ильин день, Илья Грозный, Илья Сердитый, Илья Громовник, Громовержец, Громобой* — читаю краткое житие пророка Илии и вдруг обнаруживаю потешную опечатку, кою читатель сходу выудит, прочтя строку: «За свою горячую ревность о Славе Божией пророк Илия был взят на Небо живым в огненной колеснице, свидетелем чего был пророк Енисей, которого святой Илия и помазал на пророчество по воле Божией...».

¹⁶«В Пошехонском в Ярославской губ. (...) так объясняют причину охлаждения речных вод: «Илья-пророк ездит на конях по небу, и от быстрого бега одна из лошадей теряет подкову, которая падает в воду, и вода сразу холодеет». (С. Максимов).

¹⁷«К Ильину дню стараются скошенное сено высушить и убрать в стоги. Здесь, де, говорят поселяне, сладкая яства в цветах для скотинки». (И. Сахаров).

Пророк Предтеча и Креститель Господень Иоанн... В честь сего святого Русская Православная Церковь учредила семь¹⁸ праздников на году, но мы поведем речь лишь о Рождестве Иоанна Крестителя (7 июля); и сей праздничный день по обрядовой насыщенности превосходит иные народно-православные праздники, о чем можно судить и по именам сего дня: Иванов день, Иван Купала, Купальник, Иван Травник, Иван Цветной, Праздник росы.

Рождество честного славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна — величавый праздник, напоминающий всякой христианской душе, что крестилась душа в Божией купели, как и Господь Бог в безгрешном земном житие от Иоанна Крестителя. «...Крестившись, Иисус тотчас вышел из воды, — и се, отверзлись Ему небеса, и увидел [Иоанн] Духа Божия, Который сходил, как голубь, и ниспускался на Него. И се, глас с небес глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение». (Мф. 3: 16-17)

Русские крестьяне уже давно запаматовали о древнеславянском идоле Купале, а посему и купальские обряды уже напрямую связывали со святым Иоанном Крестителем; и даже когда в обрядовом действе, в купальских песнях и поминался Иван Купала, то уже в сознании православного крестьянина за этим именем подразумевался опять же Иоанн Креститель. Да великорусы, в отличие от белорусов и малорусов, редко поминали Купалу; обряды же купания, обливания водой жили лишь в напомирование о том, что Иоанн Предтеча крестил и самого Господа нашего Иисуса Христа в вольных водах. И воду в сей праздник крестьяне почитали за святую воду... Хотя в христианской религиозной этике вода обретает очистительную силу лишь после ее освящения крестом и молитвой; а посему Иоанн Креститель, вытеснивший из русского мистицизма языческого идола Купалу, погружал крещаемых иудеев в освященные воды Иордана.

Иванову дню в крестьянском календаре обрядово созвучно предшествовал день Аграфены-купальницы (Агриппины-мученицы); и день почитался за бабий: мужние жены и девицы не стирали белья — грех великий; обливались, купались, умывались утренней росой, катаясь нагими по росным травам во красу и здравие. За Аграфеной зорево являлся Иванов день...

Из славянского изначалья, из глубокой русской древности пришли и выжили до минувшего столетия обряды Купалы: **купальские огни** — ночные костры, песни, пляски, хороводы, перепрыгивание через огонь и крапивные кусты, паренье в бане; **купание** — в росе, потом в реках или озерах; **дерево Морена** — пляски вокруг дерева, погружение его в воду; **девичьи обряды; зарывание трав** — сбор целебных, чарующих трав и поиски волшебного, светоносного цветка папоротника, с помощью которого отыскиваются клады; **обереги от нечистой силы** — особо от ведьм, что, по суевериям, летают на Лысую гору для шабаша.

Огненные и водяные обряды в древности свершались для очищения души и плоти от скверны; купание и обливание водой — еще и как обряд вымаливания дождя в засуху, чтобы земля была плодородной, а жены и девки красны и чадородливы. Но давно сии языческие обряды утратили мистический смысл и обратились в таинственную и причудливую, веселую игру, а простодушные крестьяне, что в будни трудятся от темна и до темна, любили в праздники потешиться, повеселить-

¹⁸6 октября — зачатие, 7 июля — рождество, 11 сентября — усекновение главы, 20 января — Собор Иоанна Крестителя в связи с праздником Крещения Господня, 9 марта — первое и второе обретение его главы, 7 июня — третье обретение его главы, 25 октября — праздник перенесения его правой руки с Мальты в Гатчину.

ся. Иные народоведы-старинари выражали сомнение, что в славянском язычестве был идол Купала и праздник в честь сего истукана; Сергей Максимов полагал, что «...купальские праздники совершались во времена язычества в честь свадьбы «бога» солнца (*Ярилы*. — *А.Б.*), супругой которого являлась светоносная Заря-зарница, красная девица... Купальские игрища и праздник совершались в честь солнечной свадьбы, одним из актов которой было купание солнца в водах. Считалось, что на Ивана Купалу все творческие силы земли и солнца в самом зените». (*С. Максимов*).

Купальские обряды в древности вершили холостые парни и девки — купались в реках и озерах, скакали через ночные костры, искали приворотные травы, завивали хороводы и пели девичьи *купальские* песни...

*Ивановская ночь мала, невелика,
Невелика, мала, и я-то не спала.
Я-то не спала, Петра ключи брала,
Зорю размыкала, росу отпускала.
Роса медовая, трава шелковая.
Перед Петром пятым днем
Разгулялся Юрьев конь,
Разбил камень копытом.
В этом орехе ядро есть,
Так у девок правда есть.*

(Записано в сибирском селе Бородинка от Л.Т. Лазаревич, 1897 г. р.,
Я.С. Никитиной, 1861 г. р.).

* * *

Великомученик Георгий Победоносец (+ 303 (304) от Рождества Христова; дни памяти: **9 декабря, 6 мая, 16 ноября, 23 ноября**) — любимый святой русского народа, *обрусевший*, величаемый *Егорием Храбрым, Юрием Зимним*, коему посвящена уйма храмов, монастырей, церковных приделов, и — даже город Юрьев. И любовь к сему святому освящала в русской душе державные, имперские чувства, недаром образ Георгия Победоносца красовался в российском гербе, и не случайно Герб Московского царства — Егорий Храбрый на белом коне, копьем поражающий зеленого дракона, что являлось образом язычества.

Русский князь Ярослав Мудрый (1019–1054), во святом Крещении Георгий, в честь своего Ангела-хранителя **великомученика Георгия**, повелел выстроить храм пред вратами Святой Софии. 9 декабря храм был освящен святителем Иларионом, митрополитом Киевским, и установлено ежегодное празднование в честь этого события.

В русском народе за крещенные века сложились долгие свитки дивных легенд и преданий, календарно-обрядовых песен, посвященных Георгию *Победоносцу*, что *по бедам носится* на белоснежном коне, пособляя бедолагам, что под знаменем Михаила Архангела, атамана Небесного воинства, со святыми Николой Чудотворцем, Ильей пророком, Сергием Радонежским — в числе покровителей, защитников Земли Русской. В древних сказаниях и былинах обрусевший Егорий Храбрый воспевается как искоренитель вражеского басурманства и оборонитель Святой Руси.

*Во святой земле, православной,
Нарождается желанное дитище*

*У той ли премудрыя Софии;
И нарекает она по имени
Свое то детище Георгий,
По прозванью Храброй.
(...)
«Соизволь, родима матушка,
Осударыня, премудрая София,
Ехать мне ко земле светло-Русской
Утверждать веры христианские».
И дает ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая София,
Свое благословение великое.
(...)
Примает он,
Георгий Храброй,
Ту землю светло-Русскую
Под свой велик покров,
Утверждает веру крещеную
По всей земле светло-Русской.*

Изрядно народных легенд посвящено «Чуду Георгия о змие», где Егорий Храбрый воспевается как атаман христианского воинства, повергающий семиглавого змия — языческое многобожество. А в Забайкалье было записано с уст сказителей предание о Егории Храбром: «Где-то у озера жил змей. Он поедал девушек. И вот выпала доля идти одной девушке к змею... Но в это время туда подъехал Егорий с копьем на коне. Змей стал лизать копыта его коня, и Егорий его заколол копьем. Вот и носится по бедам Егорий Храбрый — отсюда и «победоносец». Он и от волков скот оберегал». (Ф. Болонев).

В русских легендах иногда замысловато сплетался образ святого Георгия с князем Георгием Владимировичем, храброй смертью павшим от татарской стрелы на реке Сити, который положил начало заселению Севера, укрепил города Владимир, Нижний, два Юрьева, которого любили в народе. В старину пелось о князе Георгии Владимировиче: «Егория, света, храбра, у которого по локоть руки в красной замше, по колено ноги в чистом серебре, а во лбу-то солнце, во тылу месяц, по косицам звезды переходящие».

Георгия Победоносца, христианского воителя и православного покровителя лошадей, равно и былинных богатырей Киевских и Новгородских, особо чтили казаки. Казачьи старики говаривали: *На Егория Храброго коням отдых, конский праздник, нельзя одевать узду, запрягать в телегу; На Егория (покровителя коней) лошадь «крестом» кормят, испечённым в Крещение Господне.*

Будучи победителем страшного Змея ...образ язычества... Егорий-змееборец в крестьянском мире также считался и повелителем змей, и молитвой ко святому Егорию мужики и бабы оберегали от ползучих гадов (полозов) и себя, и животину.

Крестьяне-христиане чествовали **Егория Зимнего** (9 декабря) и **Егория Вешнего** (6 мая); и по сему поводу поминали: *На году два Егория: один холодный, другой — голодный.*

О Егории Зимнем мужики толковали:

Егория с мостом, Никола с гвоздем;

С Егория медведь засыпает в берлоге, а волки пасутся возле деревенских заворок;

Егория зимний — хранитель скота, повелитель волков, ибо о ту пору рыскают волки, ища добычу, и надо молиться от волчьей напасти Егорию Храброму;

Что у волка в зубах, тот при Егорьевых дарах — хоть и заслонишься от волков молитвой Егорию Храброму, но в сей день святой и волкам подсобляет находить добычу, поскольку их повелитель.

О Егории Зимнем былинщики пели старину:

*Въехал Егория в леса дремучи,
Встретились Егорию волки прискучи,
Где волк, где два:
«Собирайтесь вы, волки!
Будьте вы мои собаки,
Готовьтесь для страшных драки...»*

С Юрия Холодного (Егория Зимнего) вершились хозяйские сделки, шел найм работников, делались расчеты, мужики при этом рассуждали: *Слово с Юрия холодного до Юрия теплого; Мужик болит и сохнет по Юрьев день.*

День Егория Летнего обрядово богаче, нежели день Егория Вешнего... Крестьяне считали, что Егорию Храброму даны ключи от неба и земли, и он отпирает небо, давая волю солнцу и звездам силу. В народе также полагали, что Егорий-вешний отпирает росу.

*Юрий, вставай рано — отмыкай землю,
Выпускай росу на теплое лето,
На буйное жито —
На ядренистое, на колосистое.*

На Егория Вешнего девицы умывались утренней росой или катались по росной траве, чтобы стать пригожими, как утренняя зорька, чистыми, как юрьева роса; парни же купались в росе с надеждой быть сильными и здоровыми, как юрьева роса. А приметливые старики говорили:

*Юрия росу отпустил;
Юрьева роса от сглаза, от семи недугов;
Гони животину на Юрьеву росу;
На Юрия роса — не надо коням и овса — сытна, целительна росная трава;
На Егория роса — будут добрые проса.*

Святой Георгий у русских крестьян — покровитель пастухов и домашнего скота, отчего святого звали и Егорья-скотопас. «В этот праздник по весне в некоторых местностях закликали весну, так как этот день был сроком хозяйственных условий и временем выгона скота. О Егорьевом дне жила приговорка: «В поле стадо гонять и Егорья окликать». Есть и такое Егорьево окликание:

*Мы вокруг поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш храбрый,
Макарий преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,*

*От медведя лютого,
От зверя лукавого!*

(М. Забылин).

На Егория ребяташки ходили по дворам, окликали Егория и выпрашивали гостинцы, обычно вареные яйца. В «Русском земледельческом календаре», составленном А.Ф. Некрыловой, есть *окликание* Егория, записанное в наши дни от Клавдии Александровны Сафоновой из Костромской области: «Перед тем как выгнать скотину на пастбище, ребяташки, подростки обычно ходили по домам с барабанками, шергунцами, трензелем, бубном и пели песню, так называемую «Батюшка Егорий». За это им подавали так называемую мзду: кто яичек, кто денег, кто гостинцев, кто чего. Вставали примерно в два часа ночи и вот будили всю окрестность пением. Пели они:

*Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали,
В поле ходили,
Кресты становили,
Кресты становили,
Егорья вопили:
— Батюшка Егорий,
Макарий, батька храбрый,
Спаси нашу скотинку,
Всю животинку,
В поле и за полем,
В лесу и за лесом.
Волку, медведю,
Всякому зверю —
Пень да колода,
На рамень дорога.
Тетушка Анфисья,
Скорее пробудися,
В кичку нарядися,
Пониже окрутися,
Подай нам по яичку,
Подай по-другому.
Первое яичко —
Егорию на свечку,
Другое яичко —
Нам за труды
За егорьевские.
Мы ходили, хлопотали,
Трое лаптей изодрали,
В кучку покидали,
В бочаг покидали,
Чтобы наши не узнали,
Чтобы нас не заругали!*

Дальше следовало подаяние. Если подавали хорошо, то, значит, ребята благодарили:

*Спасибо тебе, тетка,
На хорошем подаянье!*

*Дай тебе Бог
Подольше пожить,
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Денег мешок,
Да белья коробок,
Двадцать телушек,
Все годовушек,
Десять быков,
Все годовиков,
Все полугодовиков!*

Но бывали случаи, когда ребятам ничего не подавали. Тогда ребята пели неприятную поговорку:

*Неспасибо тебе, тетка,
На плохом подаянье!
Дай тебе Бог
Подольше пожить
Да побольше нажить —
Вшей да мышей,
Тараканов из ушей.*

На день Егория (Юрия) Вешнего старики примечали:
*Юрий на порог весну приволок;
Егория землю отмыкает;
Егорий Храбрый зиме враг лютый;
Промеж гор лежит бугор, пришел Егор, унес бугор (снег);
Святой Георгий красную весну на Красную горку начинает, пророк Илья лето
кончает, жито зачинает;
Егорий из-под спуда зелену травку выгоняет;
Егорий с теплом, а Никола с кормом;
Егорий с полувозом, а Никола с целым возом;
На Руси два Егорья: холодный да голодный, а везде Божья благодать;
На Егория выезжает и ленивая соха;
Ранний сев ярового с Егория, поздний — с Еремея;
Коли на Егорьев день лист в полушку, на Ильин день клади хлеб в кадушку
(можно ожидать урожай раннего сева уже на Ильин день);
На Егория мороз — под кустом овес;
Сена достает: у дурня до Юрья, а у разумного до Николы;
Святой Юрий коров запасает, а Никола коней (коровы могут пастись уже с
Юрия, кони — с Николы).*

* * *

Славные и всехвальные первоверховные апостолы Петр и Павел (+ 67; память 12 июля) — этот день в народе именовали *Петры и Павлы, Петров день, Петровки*. В сей день завершается Апостольский (*Петровский*) пост — *петровки-голодовки*, как их прозвали в народе, или *голодный пост*, который начинается через неделю после праздника Святой Пятидесятницы и продолжается до 12 июля. На Петра и Павла народ православный разговлялся; в старину Петров день называли: *Петрова говейно*. А «петровский пост в крестьянской среде соблюдает-

ся во всей строгости церковного устава, а день «заговин» считается праздничным днем» (С. Максимов).

В Петров день — дневные и ночные веселые гуляния. «Иностранцы... удивляются, что русские в течение года держат жен и дочерей взаперти, редко отпуская даже к родным в гости или в церковь, в Петров день позволяют им гулять, качаться на качелях, водить хороводы и пользоваться другими забавами. (...) В Саратовской губернии, накануне Петрова дня провожают весну. Мужчины и женщины рядятся разного рода шутами и привязывают несколько телег одну к другой гусем, катаются на них из конца в конец селения и заключают праздник хороводами. В Симбирской и Пензенской губерниях это бывает в заговение Петровского поста. В Тверской губернии, с первого воскресенья после дня св. Петра и Павла, начинаются ночные гульбища, называемые Петровками, которые продолжаются до Первого Спаса». (М. Забылин).

«В с. Архангельском (*Забайкалье*. — А.Б.), по сообщению А.К. Рассохиной, «разнаряженные» девки собирались на межу к реке Чикюю. Восьмерку (карагоды) водили. К этому дню стряпали пирожки, драчены, резали поросенка, приводили ребят чаевать. В Петров день, бывало, красно на протоке. Все гуляют. Кукушке разрешено куковать с Николы вешнего по Прокопьев день, то есть после Петрова дня она кукует всего восемь дней». (Ф. Болонев). В некоторых деревнях и селах варили на Петра и Павла канун (обрядовое пиво, квас), красили вареные яйца, как на Пасху Христову, в желтый цвет, и все эти напитки-наедки уносили в рощи, к вольным водам, где и было гуляние.

Святые апостолы Петр и Павел почитались крестьянами как покровители рыболовства и рыбаков; более того, среди приморских, приозерных, приречных поселян апостол Петр прозывался рыболовом, ибо из рыбаков и вышел и сподобился от Господа Бога своего Учителя улавливать в духовные сети людские души для их спасения. «Рыбаки молились ап. Петру, который был сам по занятию рыбаком и был призван к апостольскому служению в то самое время, когда занимался рыбной ловлей. От народного внимания не ускользнуло и то обстоятельство, что Сам Христос благословил занятие Петра, и, как замечает Евангелист, после этого благословения апостол поймал так много рыбы, что от их тяжести едва не разорвались сети. Сама Церковь считает уместной молитву св. апостолу Петру, как покровителю рыбного промысла. Так, например, в Требнике Петра Могилы есть чин на освящение новых сетей, и здесь, между прочим, читаем: «Сам Владыко Всесильный и предлежащие сети благословити и в ловитве Твоим Божественным благословением множеством рыб на пищу Твоим рабам всегда исполни, молитвами Преблагословенныя Владычица наша Богородицы и св. славных и всехвальных апостол Петра, Фомы, Нафаила, Иоанна, и прочих рыбам ловцев бывших». (М. Козлов).

«Молитвенное обращение к обоим апостолам (*Петру и Павлу*. — А.Б.) забыто народом в России, но сохранилось зато в Сибири. (...) На Ангаре, где развито рыболовство, считается обязательным в праздничную «еству» (пищу) вводить рыбу, предпочтительно свежеизготовленную. (...) Еда «шербы» (ухи) за столом сопровождается почтительным «пригласьем», читаемым громко одним из старших членов семьи: «Петры-Павлы! садитесь хлеба-соли кушать: вам каша, нам чаша; вам рыбка, нам шерба (*похлебка*. — А.Б.)». (А. Макаренко). «Рыбаки ему молятся (*Петру*. — А.Б.), служат молебны, а в некоторых местах устанавливают даже обычай ежегодно, в день 29 июня, собирать «Петру-рыболову» на мирскую свечу, которая и становится в храме перед его образом». (С. Максимов).

Но хоть и с молитвой Христовой приступал ранешний рыбак к лову, а и, суеверный, водяного хозяйнушку забыть не мог. «Удачи рыболовов также находятся во власти водяных. Старики до сих пор держатся двух главных правил: навязывают себе на шейный крест траву Петров крест (заячий горошек), чтобы не «изурочилось», т. е. не явился бы злой дух и не испортил всякого дела, и из первого улова часть его или первую рыбу кидают обратно в воду как дань и жертву. Идучи на ловлю, бывалый рыбак никогда не ответит на вопрос встречного, что он идет ловить рыбу, так как водяной любит секреты и уважает тех людей, которые умеют хранить тайны. Некоторые старики-рыболовы доводят свои угождения водяному хозяину до того, что бросают ему щепотки табаку («на тебе, водяной, табаку; дай мне рыбку») и с той же целью подкуривают снасть богородской травой». (С. Максимов).

Одним из самых старинных обрядов на Петров день можно считать обряд, когда наши крестьяне выходят караулить солнце, смотреть, как оно будет играть на утренней заре. «Это верование, известное исландцам, сохранилось только в Тульской губернии. Поселяне всех возрастов собираются на пригорки, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начинает восходить солнце, все испускают радостные клики. Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то возойдет вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами — голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ни чьи глаза не стерпят». (И. Сахаров).

Когда играет солнышко, девушки голосисто выводили солнечные заклички:

*Ой, Ладо! Ой, Ладо! на кургане
Соловей гнездо завивает.
А иволга развивает.
Хоть ты вей, не вей, соловей!
Не быть твоему гнезду совитому,
Не быть твоим деткам вывожатым,
Не летать им по дубравам,
Не клевать им яровой пшеницы!
Ой, Ладо! Ой, Ладо!*

Пели девушки о сем, поскольку с игрой солнца на Петров день связывали свои любовные надежды, веру в то, что придет счастье и Божий венец покроет их головы.

Про Петровки крестьяне толковали:

С Петрова дня — красное лето, зелен покос, зарница хлеб зарит;

На Петров день и солнышко играет;

Женское лето по Петров день (потом забот вдвое — покос);

С Петрова дня и барашка в лоб (разговение после поста);

*Первый Спас час припас, Петр и Павел два прибавил, Илья Пророк три при-
волок (удлинение ночи);*

Петр-Павел час убавил, Илья Пророк — два уволок (короче день);

Придет Петрок — отщипнет листок, придет Илья — отщипнет два;

Строй косы и серпы к Петрову дню, так будешь мужик;

Петровки холодные — год голодный;

Если за неделю до Петрова дня помочит — с хлебом будешь;

*На св. Петра один дождь — урожай не дурной, два дождя — хороший, три —
богатый;*

*Цветы и овощи пересаживай и подсаживай до Петров-Павлов, позже —
беспрокло;*

До Петрова взорать, до Ильина заборонить, до Спаса засеять (озимые)...

«*Святая мученица Параскева, нареченная Пятницей* (+III век; память 10 ноября), жила в Икони (...). Всем сердцем возлюбила юная Параскева чистоту и высокую нравственность девственной жизни и дала обет безбрачия. Она захотела посвятить свою жизнь Богу и просвещению язычников светом веры Христовой. На этом праведном пути суждено было Параскеве, носившей в имени своем память о дне великих Страстей Иисусовых, приобщиться и в своей жизни к Страстям Христовым через телесные муки». (*Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя*).

Наряду с вышеупомянутыми святыми возлюбили русские крестьяне и Параскеву-пятницу, по народному обычаю вообразив ее целомудренной деревенской девой, облачив ее имя поэтическими мифами. В легендах о святой деве слышался лишь некий нравственный отзвук ее жития...

Неисповедимыми путями Господними простой русский народ, христолюбивый и человеколюбивый, наделил святую Параскеву Пятницу и особым церковным почитанием ...ей посвящены храмы, иконы... и трогательной народной любовью — с ее именем связаны многие народные обряды, поэтические легенды, ей посвящено немало источников.

Святая Параскева-Пятница, *орусев*, стала покровительницей полей и скота, а в избранных уездах, волостях и покровительницей вод, целебных источников; а посему в день ее памяти крестьяне приносили в храмы для освящения плоды земные; молились о сохранении скота от падежа. Иконы, часовни в честь святой мученицы Параскевы ставились у источников, воды которого охранял святой и чистый дух праведницы. Святую Параскеву величали *бабьей святой*, заступницей честных жен, что незримо промышляет повоем, — принимает новорожденных чад; святая Параскева-Пятница почитается также как охранительница семейного благополучия и счастья, как целительница от самых тяжких душевных и телесных недугов.

Русское простолюдые от умиленной любви к святой Параскеве, от природной тяги к побывальщине сложило изрядно удивительных, назидательных легенд, связанных с мученицей, святой целомудренностью своей восхитившей крестьянок. Согласно причудливой легенде, деревенская дева шла в пустынный скит, дабы обрести ангельский чин, но по дороге на деву напал сладострастник, чтобы принудить ко греху. Но коль Параскева люто противилась, то насильник убил ее и закопал в землю; долго ли, коротко ли, а из колен убиенной выросли три липы, прозванные Исколена.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, о святой так говорится: «Жители ближней деревни стали почитать их, срубили возле лип часовенку, где установили образ святой Параскевы-Пятницы. По народным преданиям выходило, что вроде это и была сама мученица Параскева. Три липы, прозванные Исколена, стали народной святыней. (...) В народном почитании святой Параскевы-Пятницы мы слышим некоторые отзвуки языческого природоодухотворения, как и вольное легендарное толкование реального образа святой мученицы Параскевы, нареченной Пятницей, — в этом выразилось печальное и грешное, причудливое переплетение истинной веры в Бога с многочисленными суевериями, вынесенными из славянского язычества и не изжитыми за много веков после святого крещения.(...) К мифической Исколене ...к деревьям, сросшимся или раздвоенным, растроеным... приходили деревенские девицы и с молитвой просили

духовных сил на целомудрие, просили и прощения за уже совершенный грех. Через такие диковинные деревья, посвященные святой Параскеве, прозываемые в народе еще и разлуками, проносили детей, прося святую Пятницу об исцелении чад.

«Бысть некогда в пошехонском пределе, при реках Ияре и Уломе, церковь св. пророка Илии, и тамо растяще древо, зовомое рябиною. Прихождаху же священники из близлежащих весей и приносяху образ святой Параскевы, нареченной Пятницы, молебные пения совершающе. Людие же для получения здравия сквозь оное дерево пронимаху дети своя, иные же, совершенного возраста и сами пролазаху и получаху исцеления». *Из жития Андриана Пошехонского, чудотворца (1550).*

* * *

Календарное уничтожение святых... Завершая главу, посвященную русскому месяцеслову, где мифологически воплотились и библейские события, и жития святых, грех не покаяться: крестьяне, будучи более набожными в сравнении с дворянами и разночинцами, тем не менее, **тяжко прегрешали**, когда по безграмотности иных христианских святых, не соотнося с подлинным житием, сближали с мирской жизнью; и, переложив их имена на просторусский языковой лад, ввели сии святые имена в природно-хозяйственный, крестьянский месяцеслов. Православный церковный календарь, содержащий жития святых, на русском языке изложенных по руководству Четых-Миней святителя Димитрия Ростовского, изобилует памятями священномучеников и священномучениц, мучеников и мучениц, страстотерпцев, пострадавших за Христа, имена коих, хотя изредка, но все же использовались в крестьянском месяцеслове для обозначения времени года, страды, погоды и даже ветхих языческих поверий, отчего святые имена заземлялись, огрублялись и духовно уничтожались.

Скажем, христианская **мученица Дария** (+ 283; *день памяти 1 апреля*), в святой череде первохристиан принявшая мученический венец за Христа от древнеафинских язычников, в крестьянском календаре «величалась» *Дарьей-грязнопролубницей, Дарьей-засори пролуби*, а бывало, мужики и похлеще «величали»... Припекало вешнее солнышко, возле коровьих пролубей подтаивал лед, а в проталинах застаивалась навозная жижа; и 1 апреля по деревенской приваде народ от мала до велика выходил на лед убирать возле пролубей навоз и вывозить его, дабы при таянии льда навоз не ушел в воду, поганя реку или озеро. По сей причине мученица Дарья в деревенской среде и обратилась в *Дарью-грязнопролубницу*; но дурнее сего, когда безбожники ернически дразнили ее — *Дарья-вралья*, ибо по дурацкому обычаю в сей день врали друг другу: *первый апрель никому не верь*; а в прошлом веке обыватели, одержимые бесом ерничества и шутовства, сей *завиральный* день прозвали Днем смеха.

А день памяти **святого Трофима** (+ 276; *память 2 октября*), мученически погибшего от римских язычников, в народном месяцеслове именовался *Трофим*, и деревенские парни и девчата в сей день устраивали Трофимовские вечерки и на буйных посиделках выбирали женихов и невест. Насколько строги были родители в обычные дни ...вспомним суровый русский домострой, когда детей, а дочерей особо, держали в ежовых рукавицах... настолько снисходительно смотрели на веселья молодых в избранные дни, когда шел выбор невест и женихов, хотя, конечно, за свершенный грех могли и сурово покарать без долгого суда. Трофимовские вечерки еще в прошлом веке проходили весело, порой и с буйными играми, близкими к древнерусским языческим обрядам. Подобные обрядовые игры допускали

даже поцелуи между девицей и парнем, избравшими друг друга; и даже песни на вечерах звались поцелуйными.

А в день **священномученика Никиты** (+ ок. 372; память 28 сентября), в народе прозванного *гусарем, гусятником*, по деревням и селам вершились лихие обряды, а перво-наперво, жестокие гусиные сражения, а меж тем, «покровитель» гусей, святой Никита принял великомученический венец от язычников готфов, не отрекшись от Христа, не принеся богомерзкую жертву идолам.

Священномученик Иерофей, епископ Афинский (+I; память 17), был обращен ко Христу вместе с Дионисием Ареопагитиком апостолом Павлом. По преданию, святой Иерофей был при погребении Пресвятой Богородицы, а позже принял мученический венец за Христа Бога. Скончался мученической смертью. А суеверные крестьяне считали, что на Ерофея лешие *дурят в лесу* — кричат лихоматом, хохочут, хлопают в ладоши, ломают деревья, гоняют зверье, а потом проваливаются сквозь землю и спят в недрах до вешней оттепели. «Во весь день ветер воет по лесам, птицы не смеют прилетать к деревьям. Об мужике и говорить нечего: ни за что из доброй воли не пойдет в лес. Леший не свой брат — переломает все косточки не хуже медведя». (И. Сахаров.)

Так же обошлось простолюдь с именами иных святых, коих по святцам, да на свой природно-крестьянский лад, вольно и грубовато именовали в народном месяцеслове. Так **мученица Акилина** (+ ок. 284-305; память 26 июня) в крестьянском календаре — Акулина-задери хвосты и побегай в кусты (*о ту пору крупный рогатый скот одолевала комары, пауты и мошка*). А про **великомученицу Варвару** (+ 305-311; память 17 декабря) и **преподобного Саввы Освященного** (+V век; память 18 декабря) так говаривали: Саввы-Варвары — ночи урвали, кур воровали, под печку клали (*в дни памяти сих святых трещали морозы, особо по ночам, и крестьяне заносили кур в избу, усаживали под печку*).

Повторю, редкие святые столь грубо именовались в крестьянском месяцеслове, чаще звучало либо имя святого (*скажем, Амвросий, Евстрат, Модест, Анисья, Маланья, Петры и Павлы...*), либо имя святого с добавлением покровительства, времени года, страды: Наум-грамотник, Никола Зимний (*Летний*), Анна Зачатье, Зиновий-синичник, Спиридон-солнорот, Анастасия-узорешительница, Григорий-летоуказатель, Федосей-весновой, Татьяна Крещенская, Петр-полукорм, Антон-перезимник. Афанасий-ломонос...; а чаще именовалось — *чей день*: Иванов, Петров, Селиверстов, Макарьев, Васильев...

Кроме уничтожения неких святых имен простолюдь, случалось, толковало о мучениках, страстотерпцах, исповедниках, преподобных не по житиям их, а что в дурную голову взбредет, что на грешную душу падет, что явится в причудливом, порой и грубом воображении. Подобному уничтожению в крестьянском календаре подвергся среди прочих и преподобный Кассиан (Иоанн Кассиан) Римлянин (+435; память 13 марта), о чем упоминается в главе про Николая Угодника.

Разумеется, верили легенде про Касьяна Немилостивого лишь несведущие в житиях святых, тяжело прегрешающие крестьяне, что и говаривали о грешно измышленном, легендарном Касьяне, прозванном *немилостивый, завистливый, злопамятный, коварный*: «...Касьян на что взглянет, то и вянет; на лес взглянет — лес мрет», ибо день его памяти бывает лишь раз в четыре года, и это обычно тяжелый, високосный год. «О Кассиане идет суеверное сказание, что «...он поставлен на стражу ада, и Господь отпускает его на отдых в четвертый год; тогда 12 Апостолов вместо его становятся на страже». (И. Снегирев.)

А преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (435), ничего общего не имеющий

с Касьяном из народных легенд, — великий любомудр, будучи иеромонахом, написал более десятка богодухновенных книг и заслужил похвалу преподобного Иоанна Лествичника (*память 30 марта*): «...Великий Кассиан рассуждает превосходно и возвышенно...»

И сей святой в крестьянском календаре — Касьян-немилостивый, что в легендах унижительно сравнивался с Николой Угодником, которого любил и любит русский крещенный люд.

Уничажительно используя в природно-хозяйственном календаре имена святых, уничтожая и огрубляя их в легендах, крестьяне тяжело прегрешали, за что и осуждали их православные боголюбцы и богомолы. Не читавшие Святого Писания, Четых Миней по безграмотности, хотя и слышавшие на божественных литургиях, сельские жители относились к христианским святым с коленопреклонной, молитвенной любовью, но в обыденной жизни, забывая о их душеспасительном промысле, по-свойски сближали святых с крестьянской жизнью, обыденной и праздничной. Прости, Господи, как прощаешь чад скудоумных...

Отзвуки былого язычества

«Кошцы и блудословия любят более книг...» К сожалению, иные русские... а тем паче, русскоязычные... высоколобые толкователи народной этики не вникали в потаенный мистицизм обрядовых действ, довольствуясь их внешним описанием, а посему и вольно воображали, ложно выражали народные обряды и обычаи: либо, почти не замечая христианских мотивов, толковали обряды по древнеславянской, давно забытой, языческой символической, либо осуждали религиозные начала в крестьянской обрядности... дикость и темнота... при сем смешивая в богопротивную смесь христианскую веру и языческие суеверия, отдавая предпочтение лишь рациональным, материалистическим началам крестьянского быта.

Будучи сельским уроженцем, полвека с любовью и дивлением изучая крестьянский мир, я не захваливал крестьян, я ведал и силу, и слабость сего сословия. А слабость — веками не изжитые после Крещения Руси суеверия, корнями уходящие в языческую темь: хотя и не обожествление, но одухотворение матери-сырой земли, неба, природных стихий, мифической *нечистой, неведомой силы*.

К сему языческие обычаи, обряды, что творились и в святые дни, порождали пьяный разгул, плотское буйство, дикое любострастие: вспомним рождественские святки с хмельным колядованием и гаданием, вспомним пьяную и обжорную масленицу, а потом и — блудные вечера в ночь на Ивана Купалу. Грешнее сего, языческие суеверия, бывало, порочно сплетались с христианским календарем... Иоанн Креститель — Иван Купала... что сурово порицалось православным духовенством. Ибо в водопоклонении, огнепоклонении, травоволховании, гадании, что творились в календарные крестьянские праздники, всё богопротивно, всё от *эллинского беснования*.

Святые отцы поучали: «...Если есть (суеверия) у язычников, это несколько не удивительно. А когда поклоняющиеся кресту, приобщающиеся неизреченных таинств и достигшие мудрости держатся языческих обычаев, это достойно слез. Суеверия — смешное и забавное внушение сатаны, впрочем только не смеху, но и геенне подвергающее обольщающихся». *Святитель Иоанн Златоуст (44: 121, 122)*. «Суеверие в мирских людях сопротивляется вере в Промысл Божий». *Преподоб-*

ный Иоанн Лествичник (57: 193). «Суеверие наступает, когда оскудевает и исчезает вера». Святитель Тихон Задонский (104: 2058).

Повторю ранее молвленное: в народных обрядах пестрым и тугим клубком свивалось христианское и языческое, отчего даже знатоки крестьянского мира терялись в суждениях, смутно чуяли границы богоугодного и богопротивного.

Вспомним *рождественские святки*... Умудренные в мирских книгах толкуют: де, святки древнего славянского происхождения, и бытовали в Древней Руси и до крещения; а праздновались в честь идола Святовита, идолослужение которому совпадало с поворотом солнца с зимы на лето, что сулило победу Святовита над нечистой силой, — *света над тьмой, лета над зимой*.

Живет суждение, что *свиатки* — души предков, а посему, как и повелось издревле, поминали в этот день на Руси усопших предков кутьей, блинами, оладьями. Кутья, как уже поминалось раньше, — старинное ритуальное, принятое и Православной Церковью, русское блюдо: вареные зерна пшеницы, сухая черемуха, хлебное сусло, заготовленное для рождественского пива. Блин (в древности) — знак солнца, а заодно — и благополучия, богатства и сытости. Оладья — возможно, пошло от словосочетания «О, Лада!», что символически связывалось с именем покровительницы весны Ладой; Лада же на Руси некрещеной, как Лель и Макошь, покровительствовала чадородию жен и плодородию земли.

Крестьяне после Крещения Руси запаматовали о Святовите и свиатках, и осознали, что святки, — святые дни от Рождества Христова и до Крещения Христова; но в святочных обрядах все же слышались отголоски славянской древности, зрелось смешение христианского и языческого, ибо зачинались святки с *христославления*, а завершались *колядованием*. И кого же славил миряне: Коляду или Христа?

По мнению Николая Карамзина, идол Коляда у древних славян, яко древнегреческий Вахх, — покровитель пиршеств, кои по языческой вольности обращались в буйные *вахханалии*. Дерзаю предположить, что понятие слова Коляда могло быть связано со значением слова ляд — черт; в народе говорят: на кой ляд нужно!.. Подобным образом толкуется у этнографа Александра Афанасьева бранное слово (*б*)лядь — баба ляда, то есть чертова баба. А посему *колядование*, чествование Коляды, связано с лядом, — бесом окаянным, и, разумеется, в святые дни для православных грешно после христославения еще и колядовать.

Славление Коляды — идолослужение, смертный грех языческого беснования, что осудил Стоглавый Собор (1551): «Мужи, и жены, и дети в домех и по улицам обходя, и по водам глумы творят всякими игры и всякими скомрашства, и песньми сатанинскими, и пляснями, и гусльми, и иными многими видами, и скаредными образованиями, еще же и пьянством. Подобна же сему творят во днех и в навечерии Рождества Христова, и в навечерии Василия Великого, и в навечерии Богоявления» (глава 92. Ответ о игрищах еллинскаго бесования).

Иные суеверные обряды, что шальные детские игры, — и смех, и грех... Скажем, во время святочного христославения, если сельский батюшка заходил в избу, то суеверные домочадцы старались усадить его на лавку, предварительно застеленную холстом или рядом. Сие творилось простодушными крестьянами для того, чтобы плодились куры-наседки и пчелиные рои, которые и покрывают тем куском холста или рядом, на котором сидел священник. Также на Рождество Христово суеверные крестьяне опутывали ноги столу, чтобы скот не бегал, не терялся. А то случалось и такое: перед тем как батюшке-христославу выходить из избы, хозяйка дома незаметно берет его за рясу и молит Бога о сокровенном, и, говорят, сбывается... по вере.

Буйно веселилась молодежь в селах и деревнях, да и в городах, предместьях и посадах, кои в ранешнюю пору мало чем отличались от сел, а православные мужики и бабы, а уж тем паче старики да старухи, сурово осуждали святочные игрища, и особливо, гадания.

А на преподобного Герасима Иорданского (*V* век; *память 17 марта*), в простолудье прозванного Грачевником, мужики и бабы выживали из дома кикимору: «*Ах ты гой еси, кикимора домовая, выходи из горюнина дома скорее!*» В день памяти равноапостольских царей Константина и Елены (*IV* век; *память 3 мая*), которые у крестьян величались *Константин и Олёна, Леносей Длинные льны*, свершался смешной обряд: бабы совали в мешок с семенами льна печеные яйца, и мужик при посадке старался их подбросить повыше, чтобы вырос высокий лен; либо при посеве льна баба раздевалась донага, чтобы лен, сокрушенно глядя на ее наготу-босоту, подумал, что она бедная, и щедро уродился.

А в Крещенский сочельник, «когда садятся за стол, то старший садится на пороге в разодранном полушубке и шапке и вкочет, чтобы квочки садились хорошо и цыплята были хохлатые и чубатые». (*«Круглый год»*).

Изрядно потешных суеверий было связано с мельниками, про коих шатались слухи: мол, грешат волхованием, и матерый мельник мог с ветряка *запрячи ветер*, — овладеть ветром и пустить его на крылья мельницы. Чтобы возбудить утихийший ветер, мельник забирался на верх мельницы и бросал горстями муку на воздух — на *увей ветер*.

Корневая причина великих трагедий на Руси — неизжитое в русской душе языческое понимание воли, как вседозволенности, что обретала зримо зловещие черты во время праздничных гуляний... Умиляясь, восхищаясь природной красотой, дивным слиянием в праздничных обрядах слова, пения, музыки и танца, христиане угнетались духом, когда зрели и *бесовщину* в старинных праздниках, — безумное *веселье до потери стыда*, когда любители игрищ и забав еще и похвалялись: мол, так на Масленице веселись, так *бесились!*..

Масленая неделя для православных христиан — седмица, когда крещенная душа готовится к очистительному состраданию Иисусу Христу, когда плоть, после мясоеда отказавшись от употребления мяса, вкушая лишь молочное и растительное, готовится к Великому посту, но, к сожалению, у русского простолудья Масленица — пир на весь мир и безумное веселье. На Масленицу и эдакое творилось: *Выпил пива да тестя в рыло, а приевши пироги, тешу в кулаки*.

Народовед Михаил Забылин приводит слова иностранного писателя, который, будучи очевидцем, так описывает Масленицу XVII века: «Масленица потому так названа, что русским в течение этой недели позволяется вкушать коровье масло, ибо они во время поста вместо коровьего употребляют конопляное в кушанье. Масленица начинается за восемь дней до Великого поста. В то самое время, когда бы всякий с сердечным раскаянием должен был готовиться к созерцанию страданий Христовых, в то время сии заблудшие люди предают душу дьяволу. Во всю Масленицу день и ночь продолжают обжорство, пьянство, разврат, игра и убийство (вероятно, кулачные бои), так что ужасно слышать о том всякому христианину. В то время пекут пирожки, калачи и тому подобное в масле и на яйцах. Зазывают к себе гостей и упиваются медом, вином и водкою до упаду и бесчувственности. Все время ничего больше не слышно, как того-то убили, того-то бросили в воду. В бытность мою у русских на этой неделе убитых нашлось более ста человек. Нынешний патриарх (описание Масленицы принадлежало к 1698 году) давно уж хотел уничтожить этот бесовский праздник, но не успел». (*М. Забылин.*)

Очевидно, некий иностранный писатель, заурядный, хладнокровный католик, чуждый русскому творческому духу, вычернил старинное гуляние, словно ворота дегтем ... в масляной неделе изрядно и красивых природных обрядов... но все же нет дыма без огня, — и в песенной, разгульной Масленице, как и в иных народных праздниках, выразилась русская душа, гораздая на божественные взлеты и оглушительные падения. А «масленица — любимый праздник у крестьян, когда вся православная Русь, от мала до велика, веселится до упаду, и когда широкая русская натура любит развернуться вовсю». (С. Максимов.)

С языческим буйством, плещущим через край, словно яро забродившая хмельная брага, с той же губительной лихостью и свирепой похотью поселяне справляли **Иванов день**, а вернее Иванову ночь, в плотском помрачении забывая, что в сей день крещенные не истукану Купале честь воздают, но славят Рождество Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Помянем исповедально, как на духу: увы, до нынешних лет в русском простолудье выжили поминаемые выше обряды водопоклонения, травоволхования, огнепоклонения на Иванов день, что шло от эллинского беснования и было противно православному человеку.

О малорусских обрядах на Ивана Купалу осудительно писал в «Синописе» Иннокентий (Гизель), архимандрит Киево-Печерской лавры, ректор Киево-Братской коллегии: «Пятый идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху, и ему прелестию бесовскою омрачении благодарения и жертвы в начале жнив приношаху. Того же Купало бога, истинны беса, и доселе по неким странам российским еще память держится; наипаче же в навечерии Рождества св. Иоанна Крестителя, собравшися ввечеру юноши мужеска, девическа и женска пола соплетают себе венцы от зелия некоего и возлагают на главу и опоясуются ими. Еще на том бесовском игралище кладут и огонь, и окрест его емшися за руце нечестиво ходят и скачут и песни поют, скверного Купала часто повторяюще и чрез огонь прескачуще, самих себя тому же бесу Купале в жертву приносят». (*Киев, 1674*):

О беснованиях крестьян в Иванов день с праведным гневом, болью сердечной и жалостью к падшим писал в XIV веке игумен Памфил в послании псковскому наместнику:

«Егда приходит великий праздник день Рождества Предтечева, исходят огньницы, мужие и жены чаровицы по лугам, и по болотам, и в пустыни, и в дубровы, ищущи смертные отравы и приветрочрева, от травного зелия на пагубу человеком и скотом; тут же и дивы и корения копают на потворение мужем своим. Сия вся творят действием диаволим в день Предтечев с приговоры сатанинскими. Егда бо придет самый праздник Рождество Предтечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возматется, и в селах возбесятся в бубны, и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девкам и главами киванием и устнами их неприязнен кличь, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляния и ногами их скакание и топтание; что же бысть во градах и в селех».

Языческие мотивы равно вплелись в обычаи, обряды Рождественской Святой седмицы и Пасхальной Светлой седмицы... Во вторник после Пасхи Христовой свершался обряд купалище: прямо в избе и даже в постели обливают водой тех, кто проспал заутреню. Обряд *омовения* — *купалище* — выжило из древнерусских языческих времен, как заклинание царицы-воды на плодородие матери-сырой-земли, на чадородие жен, на омоложение старых.

Духовные и светские власти пытались запретить обряды, калечащие православного человека не токмо духовно, но даже и телесно. Сурово воспрещался об-

ряд обливания водой на Иванов день и на Святой седмице. Иван Сахаров по сему поводу пишет: «Во вторник Святой недели утром народ исправляет купалище. Молодые и старики обливают водой всех тех, которые просыпают заутреню. В указе правительственного Синода 1721 г., апреля 17, находим строгое запрещение сего обычая: «В Российском государстве как в городах, так и в селех происходит от невежд некоторое непотребство, а именно, во всю Светлую седмицу Пасхи, ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водою и в реках и прудах купают; и хотя простой народ делает себе будто за забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здравью, но и животу человеческому тшета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют, или разбивают, а сонных и хмельных внезапно обливанием ума лишают».

Смешение в народных обрядах христианского и языческого творилось и на *Радунницу*, когда, хмельно поминая усопших предков, от слез и воплей вдруг переходили к демонскому беснованию: к ярому веселью с песнями и плясками. Недаром в Стоглаве — свод церковно-православных уложений — осудительно нарекалось о родительских днях: «В троицкую субботу по селам и погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся на гробах с великим кричанием, и егда учнут скоморохи в гудцы и трегудцы играти, они же от плача преставши, начнут скакати и плясати и в ладони бити и песни сотонинские пета, а на тех же жальниках обманщики и мошенники».

Сказания, плясания, дланями плясканья на гробах — во утеху бесу, но богопротивны и вопли о покойнике, ибо крещенный, крепкий в вере, ведал, что покойник, если каялся во грехах, а тем паче, жил благочестиво, обрел вечное блаженство. Усопший христианин ждет не стенаний, а молитв о его душе грешной, дабы облегчить его адские страдания, а может, и вымолить душу из преисподней.

Откровенным братанием, сговором с нечистой силой были языческие обряды и на *седьмой неделе по Пасхе*, называемой *семицкая, русальская*, и начиналось беснование от Семика или Ярилина дня и завершалось на Рождество Иоанна Предтечи (*Иванов день, Иван Купала*). И обряды сии творились даже *в согласии и совместно с ведьмами*. Академик Борис Рыбаков говорил: «Русалии в древней Руси были кульминационной точкой народных языческих празднеств. (...) По повериям, на древних ритуальных городищах вроде Лысой горы под Киевом русалии справляли слетавшиеся сюда ведьмы». А начиналась русальская неделя с чествования идола Ярилы, о чем поминает Иван Сахаров: «Известные наши старинари, М.Н. Макаров и И.М. Снегирев, об ярилинских игрищах выводили свои заключения. Г. Макаров говорит: «**Ярило, кажется, был древний праздник наших вакханалий, буйств, пьянства, великого разврата...** (Выделено мной. — А.Б.) Суздальский летописец в числе своих идолов его же называет Яруном» (*Предания, к. I, стр. 45*). (...) В 1771 году преосвященный Тихон I уничтожил это игрище. Слово, произнесенное им для уничтожения сего обряда, увековечило память святителя».

В книге «Золотая цепь» (*XV век*) сурово осуждались *русалии* — языческие обряды на Семик: «Се же суть злая и скверная дела: плясанье, сопели, гусли, пискове, игранья неподобные, русалия. (...) Егда играют русалия, ли скомороси... или како сборище идольских игр — ты же в (тот) час пребуди дома. (...) Сопели и гусли, песни неприязньски, плясания, плескания — собирают около себя студные бесы. Проклят всяк, иже кто оставит Церковь Божию и последует русалиям. (...) Мнози неглас на игры паче текут, неж в церкви; кошуны и блудословия любят более книг».

Против *бесовских кобей* ...так говаривали в старину... то бишь, против обожествления природы, чернокнижного травоволхования, огневолхования, водоволхования, суеверных обычаев, обрядов, против плотского, языческого буйства в праздники, восставали благочестивые христиане, карались беснования церковной и царской властью. Свидетельством сему челобитные и поучения святых отцов, помянутые выше, а также и средневековые нравоучительные повести.

В рукописном Паисиевом сборнике XV века звучит откровенная скорбь по поводу того, что простолюдые русское, хотя и крещенное, облаченное во Христа, вяло заботясь о спасении души для вечной жизни, столь охотно предается пагубным, бесовским потехам и утехам: «Слабо живут, не слушая божественных словес; но если плясцы или гудцы или какой иной игрец позовет на игрище или на какое сборище идольское, то все туда идут с радостью — а во веки мучимы будут — и весь тот день проводят на позорищах. А идти в церковь и чешемся, протягаемся, дремлем и говорим: то дождь, то студено или иное что, и все то кажется нам препятствием. А на позорищах нет ни покрова, ни затишья, и ветер шумит и въялица, но все сносим, радуясь, и позоры делаем на пагубу душам. А в церкви и покров и заветрие дивное, а не хотят идти на поучение, ленятся».

Трезвенные крестьяне испокон веку, высмеивая пьянство и зюзю подзаборного, говаривали:

Нонесь гуляшки да лонясь гуляшки — пойдешь без рубашки.

Тишь, поди рыбу ловить! Да брюхо болить. Тишь, пойдём водку пить. Бабёнка, подай шубенку.

Хоть церковь и близко, да ходить склизко; а кабак далеко, но идти легко.

Благодарный князь Владимир возгласил: «На Руси есть веселие быти, не может без него быти», но святой апостол Павел в «Послании к ефесянам» поучал христиан: «И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом», (Еф.5:18)

Церковные, как и народные, порицания праведны, и благодаря многовековому сражению Православия с темными суевериями, языческие беснования стали уходить из народных праздников; а если и случались, то сопровождались слезным покаянием, ибо разум и душа русского крестьянина обрели Христа Спасителя.

* * *

Народно-обрядовое уничтожение язычества... Плечом к плечу с православным духовенством, царской властью и миряне сражались с *бесовскими кобями* — языческими отзвуками в народных обрядах, что выразилось в сознательных или бессознательных насмешках над язычеством. Скажем, в средневековой Руси чествование Костромы было обрядово созвучно с гуляниями в честь солнечного Ярилы — *божества ярой вегетативной силы*, недаром в некоторых этнографических источниках праздник или обряд величались: Ярило Кострома — вроде, имя и фамилия древнерусского идола. И если в языческой древности то были обряды в честь человека, солнца и неба, в честь природы, растительной и животной, что летом наливались плодоносящей силой, то спустя века после Святого Крещения обряд сей обратился в ернические похороны Костромы (*Ярилы Костромы*).

Былой обряд *языческого идолопоклонничества* в сатирическом, фарсовом виде выглядел так: девицу Кострому клали на доску или лавку; другие девицы смехом оплакивали ее — выли, голосили, причитали; но вдруг похоронная причет всплескивалась лихим хороводом с песнями и плясками. Хотя чаще, парни

и девки выносили уродливую соломенную куклу Кострому, обряженную в рваное платье, либо соломенное чучело, перетянутое веревками, и с ерническими воплями, с кривлянием, вихлянием волокли на берег реки. Здесь красны девицы и добры молодцы делились на две ватаги: одна, окружив Ярилу Кострому, неистово и потешно кланялась чучелу, другая сторона нападала внезапно на первую для похищения Костромы. Обе стороны вступали в борьбу. Как скоро захватывали чучело, то тотчас срывали с него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали в воду со смехом. Первая сторона с отчаяния производила заунывный вой, другие закрывались руками, как бы оплакивая погибель Костромы. (...) Описатель сего обряда (*Северн. Пчела*, 1842, № 267) полагает, что сей обряд сохранился от древности, со времен Владимира, когда русская земля была крещена, что муромцы погребением Костромы выражали Перуна, утопленного в Днепре, в насмешку киевским язычникам, и что похоронная песня Костромы оканчивалась припевом: «Выдыбай, Боже»¹⁹...». (*И. Сахаров*.)

Подобное вытворяли крестьяне и с древнерусским идолом Купалой на Рождество Иоанна Предтечи: «Накануне Иванова дня делают из соломы идола Купала (...). Тогда же срубают дерево (...). Дерево это называется Мареной; под ним ставят наряженную куклу (Куполу) (...) На другой день куклу и Марену приносят к реке, срывают с них украшения и бросают ту и другую в воду...» (*А. Афанасьев*)

Уничижали крестьяне языческих идолов, когда в святочных обрядах потешались над Колядой, когда сжигали чучело Масленицы в масленную седмицу. Впрочем, увы, не повсеместно в помянутых выше обрядах откровенно звучал смысл избавления от языческих суеверий в народном сознании; иногда сии обряды связывались у крестьян-земледельцев, скотоводов с переменами в солнечном календаре, от которых зависели и полеводство и животноводство.

* * *

Заигрывания с нечистой силой... Русское простолюдые, аки чадо малое, любило поиграть, а посему языческие обряды обратились в затейливые, по-детски веселые, природные игры; но если в прошлом веке уже напрочь забылись мистические смыслы обрядов, связанных с Колядой, Ярилой, Костромой, то выжили бесчисленные языческие суеверия, когда грешники откровенно заигрывали с нечистой силой.

Вероятно, легенды о домовых, леших, водяных и прочей нежити народились в дремучем язычестве, но после святого крещения русичи вообразили их бесами, кои могут в разной среде принимать разнообразные виды. Крестьяне о сем так рассуждали: «Когда Господь Бог при сотворении мира сбросил на землю всю непокорную и злую небесную силу, которая, возгордись, и подняла мятеж против своего Создателя, на людские жилища тоже попадали нечистые духи» (*С. Максимов*). Духи, упавшие в избы и подворья, были прозваны крестьянами: доможилы, банники, гуменники, дворовые, хозяйнушки; а нечисть, что пала в леса, стала прозываться лешими, лешаками; в реках и озерах завелись водяные, в полях — полевые, в болотах — кикиморы.

Иное народное представление о происхождении мифической нежити привел Михаил Забылин в книге «Сказания русского народа»: **«Происхождение домашних»** (записано в Воронежской губернии). Бог при столпотворении Вавилонском

¹⁹«Выплывай, Боже...»

наказал народ, дерзнувший проникнуть в тайну Его величия, смешением языков; а главным из них, лишив образа и подобия своего, определил на вечные времена сторожить воды, леса и горы и пр. Кто в момент наказания находился в доме, сделался домовым, в горах — горным духом, в лесу — лесовиком. Поверие прибавляет, что несмотря на силу греха, раскаяние может обратить их в первобытное состояние, поэтому народ видит в этих бестелесных существах падших людей и придает им человеческие формы и свойства».

Крестьяне обычно откармливались от нечистой силы крестом и молитвой, а иные суеверы убажали нежить. Скажем, в день памяти преподобного Никиты Исповедника (824; *память 16 апреля*), художники рыбаки задабривали водяного, который якобы просыпался от зимней спячки и начинал шалить — колоть лед, волновать воду, гонять рыбёху. Рыбаки ради убажания угощали водяного: лили в воду масло, потчевали табачком и даже жертвовали негодную старую лошадь, которую перед тем откармливали жмыхом конопляным, а то и хлебом.

Но большего заигрывания с нежитью, чем игры с домовым, и вообразить трудно; иные суеверы любили домовых, словно кошек и собак, и звали их ласково: *домовушечко, доможил, доброхот, хозяин, хозяйнушко, дедушко, кормилец, жировик, лизун, карнаухий*. В иных крестьянских семьях сего доможила даже кормили наравне с прочими домочадцами.

Если домовуха шибко расшутился, суеверные крестьяне с любовным приветом потчуют его пирогами или творят кудесы. «Поселяне наши для смирения домового после ужина оставляют на загнетке горшок каши, обкладывая его вокруг горячими угольями. Будто ровно в полночь домовый выходит из-под печки и ужинает. С той поры он целый год бывает смирен и услужлив» (*И. Сахаров*). А для сотворения кудес, чтобы унять доможила, иные суеверы, соблазненные нечестивцами, приглашали колдуна.

«Колдуны и знахари, обольщающие поселян, уверили простодушных, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать в смирении, то нужно ставить на ночь гостинцы. Поселяне, для смирения домового, после ужина оставляют на загнетке горшок каши, обкладывая его вокруг горячими угольями». (*И. Сахаров*)

В крестьянских повериях о нежити усадебной крылось изрядно грешного, но и смешного: скажем, суеверы думали, что дворовый хозяйнушко ежедневно пересчитывает домашний скот и птицу, и если замечает убыль, то шибко сердится, бушует, отчего волнуется в стойлах дворовая животина и куры с кудахтаньем мечутся по насестам. А посему, когда резали куриц на суп с лапшой, то головы оставляли в курятнике, привязав их к насесту. Дворовый пересчитает кур по головам и не заметит убыли. Так же обводили дворового вокруг пальца, когда крепили на частоколах и тынах скотские черепа; впрочем, конскими черепами суеверы еще и отпугивали внешнюю нежить.

Выше говорилось об уничтожении в крестьянском месяцеслове неких святых, и в сей главе вспомним, что подвергся уничтожению и преподобный Ефрем Сирин (ок. 373-379; *память 10 февраля*), — знаменитый богослов и великий учитель покаяния, которого крестьяне прозвали *запечник, прибаутник, сверчковый заступник*, и в день его святой памяти убажали домовых бесов. Также подвергся крестьянскому уничтожению и святой мученик Агафоник (ок. 305-311; *память 4 сентября*), коего крестьяне обозвали Агафон-огуменник, и по их грешному воображению в сей день леший выходит из тайги на поля и гумны *потешиться соломокой*: раскидывает снопы, перебрасывает их с гумна на гумно или развязывает снопы. Мужики ночью стерегут снопы от потехи лешего. Иван Сахаров описывает, с

какой детской простотой, что иногда хуже воровства, вершили мужики потешный обряд: «Поселяне, собираясь в ночную, надевают тулуп наыворот, голову обвязывают полотенцем, для обороны берут кочергу. Приходя на гумно, они кочергой обводят круг и садятся в него. (...) Леший тогда не смеет подойти к полю и гумну».

Случалось, в дни, когда бушует, лютует нечистая сила, крестьяне обращались к сельским попам, и те по доброте являлись на подмогу. В мифологических сказках, подготовленных фольклористом Валерием Зиновьевым, приводится случай, когда от лешего оборонял усадьбу сельский батюшка. «...Старуха к попу. Тот давай молебен служить, икону подымать. Потом сделал святу воду и избу ту окропил».

Вот так же, бывало, поселяне звали священника в Иванов день; и приходилось батюшке в день святого Иоанна Предтечи читать молитвы у каждого столба в крестьянском подворье, где, решили хозяева, шалят дворовые, домовые, банники, гуменники, — порождение языческих суеверий.

Крестьяне верили, что нежить ярится перед великими православными торжествами, а посему от волхвиток, колдунов, ведьм спасались крестами-оберегами, кои малевали смолой, углем или мелом на окнах и дверях изб, амбаров, бань, скотских стаек. При сем творили православные молитвы, шептали *Боговы слова*, отчего и трудно было усмотреть в сих обычаях грань между истинной Христовой верой и древними суевериями.

По крестьянским поверьям в ночь на Великий четверг шалит нечистая сила, от которой спасались опять же крестами, какие чертили свечой, негасимо доставленной из церкви, при сем читали молитвы. Но хозяевам казалось, что молитвы и крестов мало для одоления нежити, а посему вершили и потешные обряды...

«...Девушка до солнца садилась на помело, распускала волосы и в одной рубаше, без пояса, объезжала дом с постройками. Подъехав к окну, обращалась к матери: «Тетка Анна, скотина дома?» — «Дома!» Благословляла. И так три раза. Это чтобы скотина была здорова и от дому не отказывалась». (*Записано в Костромской обл.*)

«В глухой новгородчине это гадание обставляется несколько иначе: бабы открывают печную трубу и, набравши в подол овса, взбираются на крышу и кричат в трубу: «Коровы-то дома?» Кто-нибудь из семейных подает им из избы успокоительный ответ, и бабы уговаривают: «Так-то вот, коровушки, в лесу не спите, домой ходите». Затем, уйдя во двор, скармливают овёс скотине» (*С. Максимов*).

«...Если в избе развелось много тараканов, то баба берет помело и клюку между ног и в одной рубаше объезжает три раза свой дом, приговаривая: «Гребу и мету лишних тараканов и посылаю их за богатством» (*Записано в Вологодской губ. во второй половине XIX века*).

«...На кочергу садится хозяин и объезжает трижды вокруг избы и поля. При этом он говорит: «Крот, крот, не ходи в мой огород, в день чистого четверга тебе в ... кочерга!» (*Записано в Калининской обл.*)

— «...Ходят в лес кричать, для того чтобы не было хищных зверей. Кричат: «Волки, медведи — из слуха вон! Зайцы, лисы — к нам в огород!» При этом стучат в сковороды, звонят в коровьи колокольчики и тому подобное». (*Записано в Вологодской губ. во второй половине XIX века*).

Суеверные крестьяне даже сор не метут на двор или на улицу, а мечут в печь, когда затопят ее, потому что по сору, как по следу, знахарь (колдун) может наслать порчу.

Ворожба и колдовство — продажа души дьяволу... Толкуя о крестьянских обрядах и обычаях, грех забывать о великом богохульстве, когда в святочные, крещенские, ивановские, покровские церковные обряды, яко зловеший отзвук язычества, вплетались *гадания*. Бесам жряху... Для православных — на всё воля Божия, и нельзя гадать о своей судьбе, а уж тем паче, у самого беса визнавать, — ведь, случалось, что гадали, снимая нательный крестик, чтобы не спугнуть анчутку беспятого.

Известный сибирский фольклорист Валерий Зиновьев вкупе со студентами собрал по Прибайкалью столь быличек и бывальщин, связанных с гаданием, что собрался толстый том, изданный по советским временам сказочным тиражом. И в сем сборнике изрядно сказов о ворожбе и гадании...

Бродит молва, что слово и понятие *гадание* восходит к древнееврейской идолице счастья *Гаде*; но прочие народоведы полагали, что слово *гадать* родилось от санскритского *Гад* — исследователь или от слова *Гадам* — испытывать. Не случайно и ползучую тварь змею, мудрую и коварную, смертельно опасную, прозвали *гадом*.

Гадали на вещах; гадали при помощи оклички прохожих и подслушивания; гадали на курицах, лошадях; гадали у ворот и при помощи брошенного башмака; гадали на перекрестках дорог, в овинах; при помощи лучин, зеркала, ключа, священной книги, коровьей шерсти и тому подобное. При гадании, именуемом «окличка прохожих и проезжих», в иных деревнях окликали с блином на голове, в чем, опять же, видимо, бессознательно выразилась древняя символика, поскольку блин — символ солнца, благополучия. (*Подробно у М. Забылина в книге «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»*).

Деревенская молодежь, лишь четыре зимних месяца знающая продох от крестьянских земляных трудов, веселилась на посиделках, вечерках, на игрищах, где шло сватовство, игрались свадьбы. Девки, верующие во Христа, но по немочи впадающие в языческие суеверия, увы, грешили, тешили беса: ворожили, гадали на жениха в бане, на росстани дорог, в овинах, в чистом поле, у ночных прорубей, а также говаривали в печную трубу присухи: *Суженый-ряженный, приди ко мне наряженный, ночь ночевать, волосы причесать, по мостику гулять*.

При гадании на жениха «курицу или петуха пускают в середине круга, составленного из колец и перстней, принадлежащих разным девушкам. Чье кольцо, перстень или серьгу клонет птица, та выйдет замуж в течение года. Но выйти замуж вообще не трудно, каково быть замужем? — задается вопросом каждая девица. В этом случае девушка-гадательница применяет (...) воду, уголь, хлеб и кольца. Затем пускает курицу. Если курица или петух станет пить воду, то муж будет пьяница. Если будет есть хлеб, то муж будет достаточный, когда же примется за уголь, то муж будет бедняк, или, как говорится, прогорит; золотое кольцо — богач, серебряное — достаточный, медное — скудный по труду, иногда волокита. В Сибири (...) впускают на середину комнаты курицу с петухом, пускают по полу и замечают: если петух гордо расхаживает и щиплет курицу, то муж будет сердитый; но если курица будет храбриться, то это знак того, что жена будет одерживать верх над мужем». (*М. Забылин*).

Молили и гадали о женихах и невестах на святого Андрея Первозванного и мученицу Екатерину; готовились к большим святочным гаданиям. Особо, как выше речено, грешили ворожкой девицы, потом слезно раскаиваясь на церковных исповедях, истово замаливая грех.

На святого Андрея Первозванного — веселый сельский праздник; девки и парни, помолвившись святому Андрею, надеются во сне увидеть жениха или невесту; ложась спать, парень кладет в головы что-то из наряда своей зазнобушки ... поясок ли, пуговку... с приговоркой: «Андреюшко, батюшко! Покажи невесту!» Так же просят и девицы жениха...

Часто случалось, что девичьи гадания деревенские парни поднимали на смех и всячески подшучивали над гадальщицами. «Один раз стали наши девки гадать, пошли в овчарух, обвязали овечек поясами, да и ушли в хату. А ребята поразвязали овец, наловили собак, обвязали их поясами, да и пустили в овчарух. Пришли наутро девки — глядь, а вместо овец собаки... И что же вы думаете — закончила рассказчица свое повествование — повышли те девки замуж, и у всех до единой собачья жизнь была» (С. Максимов).

В исторической повести «Не родит сокола сова» (Москва, Вече, 2011, 2018) я описал деревенские гадания...

«...С ворожбой в деревне беда: гадала накануне Рождества Христова Малаша, нынешняя молодуха Краснобаевых, кинула сапог через ворота ...не подвернулся под руку легонький чирок... и тем сапогом прямо в будущего тестя Калистрата Краснобаева и угодила. Долго потом отец Малашин винился перед Калистратом, а через год ...неисповедимы пути... породнились. А то был случай: пошли девки овцам в темноте ленточки вязать ...на Крещение Господне ворожили... а парни, напялив вывернутые шубы, среди овец затаились. Шалый паренек и притиснул девку, когда сунулась ленточку вязать, та с перепуга заревела лихоматом, потом едва отвадились, к старцу в монастырь возили, чтобы изгнал из души испуг. Вот и нынче... Сняли девки кресты, развязали пояса и, не благословясь, помянув немытика, потянулись впотьмах к бане, где, приотворив дверь и поочередно сунув в проем голый срам, испуганно шептали: «Суженый-ряженный, погладь меня...» Ждали: ежели мохнатой лапой баннушко огладит — фартовый выпадет жених, зажиточный; голой ладонью — голь перекатная; совсем не тронет — до Покрова в девках страдать. Фисиных подружек луканька банный огладил ласково, мохнато, а фискин срам так тиснул голой клешней, что та аж взвизгнула от боли... после чего в банной темени парни заржали, что жеребцы нелегчанные. Порадовали девки беса, сомустившего художников на богопротивное... судьба лишь в руке Божией... а заодно и потешили охальников...».

Русская церковная и царская власть испокон православного века сурово и праведно порицала гадания, ибо в гаданиях вершилось дело богопротивное — бесовские коби, поскольку великий грех загадывать о своей судьбе — на все воля Божия! — тем паче, вверяя свое будущее прорицателям от врага рода человеческого, то бишь демона; гадания не случайно творились без креста, без пояса и не благославясь, помянув немытика (такое гадание у гадальщиков и считалось самым верным). И не следует путать гадания с пророчествами христианских святых и всех, кого коснулась благодать Божия.

Безбожно согрешая, гадали и на великие православные праздники, кощунствуя, гадали о женихах, невестах и в дни памяти христианских святых, что принимали мученические венцы от языческих гадальщиков: скажем, в дни памяти святого Андрея Первозванного, мученицы Екатерины, мученика Агафоника и прочих, убиенных кровавыми идолослужителями.

Православная молодежь, конечно, сознавала греховность колядования, гадания, но не могла удержаться от искушения, ставя земное благо — замужество,

женитьбу, — выше Небесного. Но уж на Крещение Господне (на Водокреши) с раскаянием, со слезной Христовой молитвой смывали грехи святой водой. Толпами входили в дымящийся крест, вырубленный в отмелях ледяной реки, и, смертно страшась Божьего наказания за святочные грехи, в слезах и молитвах покаявшись, окунались с головой. И верили, что выдержат крещенский зарок на всю оставшуюся жизнь...

* * *

Прямой сговор с дьяволом — чернокнижье, куда входят *кудесничество, чародейство, знахарство, ворожба*; и согласие с дьяволом выражается в том, что смерд, посвятивший себя чернокнижью, давал перед тем устное, а то и письменное, своей кровью, согласие об отречении от Бога и продаже дьяволу своей души. А художники крестьяне, что при горестях бежали не в храм Божий, а к чернокнижнику, брали на душу смертный грех, поскольку негласно отрекались от Бога и вверяли душу князю тьмы и смерти. Тяжкий грех — вера в слепую судьбу, ибо на всё воля Божия: «В руку Твоею, Господи, жребии мои» (Пс.30:16)

Иван Сахаров, широко и основательно изучивший русское чернокнижье, писал: «Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижников, отрекались от Бога, родных и добра. (...) В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали: кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли: волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников».

Если, как уже поминалось, из обыденных и праздничных обрядов русского простолюдья ушло мистическое поклонение древним идолам — *Роду, Макоши, Дажьбогу, Перуну, Ладе, Леле...* — то суеверия, связанные с чернокнижеством, выжили и до нынешних времен. Фольклористы и этнографы записали тома мифологических сказов от крестьян, кои, тяжко согрешая, якшались с чернокнижеством — *кудесничеством, чародейством, знахарством, ворожбой*.

В сохранившемся народном предании времён русского царя Ивана Грозного читаем: «Когда царём в Москве был Иоанн Васильевич Грозный, то на русской земле расплодилось всякой нечисти и безбожия многое множество. Долго горевал благочестивый Царь о гибели народа христианского и задумал, наконец, извести нечистых людей на этом свете, чтобы меньше было зла, уничтожить колдунов и ведьм. Разослал он гонцов по царству с грамотами, чтобы не таили православные и выслали спешно к Москве, где есть ведьмы и переметчицы, по этому царскому наказу навезли со всех сторон старых баб и рассадили их по крепостям со строгим караулом, чтобы не ушли. Тогда Царь отдал приказ, чтобы всех привели на площадь. Собрались они в большом числе, стали в кучку, друг на дружку переглядываются и улыбаются. Вышел сам Царь на площадь и велел обложить всех ведьм соломой. Когда навезли соломы и обложили кругом, он приказал запалить со всех сторон, чтобы уничтожить всякое колдовство на Руси на своих глазах. Охватило пламя ведьм, и они подняли визг, крик и мяуканье. Поднялся густой чёрный столб дыма, и полетели из него сороки одна за другою — видимо-невидимо... Значит все ведьмы-переметчицы обернулись в сорок и улетели и обманули Царя в глаза. Разгневался тогда Грозный Царь и послал им вслед проклятие: «Чтоб вам, — говорит, — отныне и довеку оставаться сороками». Так все они теперь и лета-

ют сороками, питаются мясом и сырыми яйцами. До сих пор они боятся царского проклятия пуще острого ножа. Поэтому ни одна сорока не долетает до Москвы ближе 60 вёрст в округе».

Эх, ныне воцарился бы на Руси правоверный царь Иван Грозный да покарал бы исчадь ада — колдунов, чародеев, прохиндеев-знахарей, ворожей, экстрасенсов, чревовещателей, ложных прорицателей, заполнивших Русь, вещающих обывателям с «голубого экрана», с клубных подмостков, театральных сцен. О сих уловителях и губителях душ рече святитель Иоанн Златоуст: «Как торговцы невольниками, предлагая малым детям пирожки, сладкие фрукты и тому подобное, часто уловляют их такими приманками и лишают свободы и даже самой жизни, так точно и чародеи, обещая вылечить болезнь, лишают человека спасения души». *Святитель Иоанн Златоуст (46: 576).*

Старинные русские гадания украшались цветистой речью, а нынешние суеверы тупо трут нос бронзовому коту, рога — железной корове, а в далекой итальянской Вероне — бронзовую грудь Джульетты, дабы пособила в сердечных делах; а веронцы гадают, что бы терли бродяги у Ромео, если бы статуя самоубийцы красовалась рядом с его возлюбленной.

«Не любопытствуй о будущем, но с пользой располагай настоящим. Ибо какая тебе выгода предвосхитить веление? Если будущее принесет тебе нечто доброе, то оно придет, хотя ты и не знал заранее. А если оно скорбно, зачем до срока томиться скорбью? Хочешь ли удостовериться в будущем? Исполни предписанное Евангельским Законом и ожидай наслаждения благами». (*Святитель Василий Великий (5:259).*)

Завершая главу, вновь напомним, что в прошлом веке народные праздники и крестьянские обряды вершились без религиозной языческой мистики; да и сами обряды выжили до нынешнего века от извечного крестьянского природолюбия, от консервативной традиционности, от пристрастия к милой русской старине и природным играм-увеселениям. А уж былым истуканам, болванам, идолам Роду, Макоши, Ладе, Леле, Перуну, Дажьбогу, Сварогу, Купале, Яриле, Велесу давным-давно никто не верит и не поклоняется, а всякое *новое язычество* — извечное духовное шатание и шараханье безбожной интеллигенции, искажающей народные воззрения, вовлекающей язычество в псевдонародные мистические учения.

Уже в позапрошлом веке знаменитый писатель-этнограф Иван Сахаров скорбел по сему поводу: «Затейливые наши старины всячески стараются увеличить нашу мифологию своими вымышленными мечтами. Отсюда происходят все выдумки, отсюда появилось и погребение Лады. Мало того, что смешивают без всякого основания мифологию с демонологией, символику с простыми обычаями, они еще под видом ученых исследований прибегают к небывалым открытиям и наводят на наших предков позорную тень многобожия».

* * *

Приметы верные и суеверные... Из углубленного постижения природы крестьяне выработали безчисленные приметы — мудрые, узорно выраженные в пословицах и поговорках. О приметах в народе говорили:

Старики примечали и нам верить наказали: без примет ходу нет; кто не верит примете, нет тому житья на свете;

Как примета скажет, так и жито в закроме ляжет;

Заприметишь, и сам сыт будешь, и внуки-правнуки по миру не пойдут.

Приметы, случалось, имели попутный иносказательный смысл, и таким образом мудрость природной жизни умудряла и человеческую обыденную жизнь. Старинари выделяли приметы верные, исходящие из многовековых наблюдений за Вселенной, и приметы суеверные, ветхие и новоявленные.

Александр Афанасьев, собравший тома русских народных сказок, великий знаток древнеславянской и древнерусской мифологии, писал о приметах: «...Приметы распадаются на два разряда: а) во-первых, приметы, выведенные из действительных наблюдений. По самому характеру первоначального быта, пастушеско-земледельческого, человек всецело отдавался матери-природе, от которой зависело все его благосостояние, все средства его жизни. Понятно, с каким усиленным вниманием должен был он следить за ее разнообразными явлениями (...). Результаты своих наблюдений, своей впечатлительности выразил в тех кратких изречениях, которые так незаметно переходят в пословицы и так легко удерживаются памятью. (...) Приведем несколько примеров: *если в то время, когда пахут землю, поднимается пыль и садится на плечи пахаря, то надо ожидать урожайного года*, т. е. земля рыхла и зерну будет привольно в мягком ложе. (...) *Луна бледна к дождю, светла — к хорошей погоде, красновата — к ветру* (...). б) Но, сверх того, есть множество примет суеверных, в основании которых лежит не опыт, а мифическое представление, так как в глазах язычника, под влиянием старинных метафорических выражений, все получает особый, сокровенный смысл. Древнейшее язычество состояло в обожествлении природы, и первые познания о ней человека были вместе с его религией».

Далее Александр Афанасьев приводит избранные суеверные приметы, коих тьма-тьмущая:

Не к добру, коли встал с левой ноги, встретил бабу с пустыми ведрами, коли невеста перед свадьбой, когда моется в бане, бьет головешки кочергой;

Темные святки — молочные коровы; светлые — ноские куры;

На святого Малахия хлев метелками обмахивай (против нечистой силы); Звезды яркие — народятся белы яркие (овцы);

Вихрь — ведьмы с ведьмаками свадьбу справляют; Если черт свадьбу справляет (вихрь), надо бросить в вихрь нож — увидишь кровь и беды избежишь;

Конский череп чертей отгоняет;

Кто на Грачевника в новые лапти обуется, у того весь день будет шея скрипеть...

На Рождество Христово баба на сносях лапти плетет — родится кривой, шьет — родится слепой...

В списках XVI и XVII веков известно поучение «О книгах истинных и ложных», где перечислялись и осуждались многочисленные суеверные приметы, от коих наш народ и по сей день не избавился: «Сонник, волховик — волхвующе птицами и зверьми, еже есть се: стенотреск, ухозвон, вранограй, курошит (т. е. крик воронов и пение петухов), окомиг, огонь бучит, пес выет, мышеписк, мышь порты изгрызет, жаба вокочет (воркочет), квогчет, мышца подражат, сон страшен, слепца стряцет (встретит), изгорит нечто, огонь пищит, искра из огня (прянет), кошка мявкает, падет человек, свеча угаснет, конь ржет, вол на вол (вскочит)...»

Демоническая сила подобных примет в том, что и благочестивый христианин, вроде и чующий, где вера, где суеверие, и тот, бывало, затомится печальным

предчувствием, коли черная кошка перебежит дорогу. А простодушные крестьяне, пуще того, говаривали: мол, *рыжая корова, бредущая вечером впереди стада, предвещает ясную погоду на следующий день, а черная — ненастье*. Так же полагали, что *до года нельзя ребенка кормить рыбой — иначе долго не начнет говорить, ибо рыба нема*.

Святитель Василий Великий по сему поводу толковал: «Многим из христиан (суеверие) кажется делом безвредным — склонять к нему слух, собирать приметы, слушать истолкователей примет. Чихнул кто-нибудь на слове говорят: и это имеет значение. Кого-нибудь сзади назвали по имени, нога поскользнулась при выходе, зацепилась одежда — все это помеха. И люди весьма серьезные, ожидающие Судию с небес, легко впадают в этот вредный порок. Но слушай: отвержен народ, предавшийся этому. Это враг издевается над человеком: если показалась кошка, выглянула собака или утром встретился человек, хотя самый благорасположенный, но с поврежденным правым глазом или бедром, — он отскочит, отвернется, зажмурит глаза. Что бедственней такой жизни — все подозревать, во всем видеть препятствие, когда все должно возводить душу к Богу? (*Святитель Василий Великий (5: 90, 91)*).

Русские в славянском мире

Помню, ознакомился с речами круглого стола, посвященного славянству, и, смекалистый, смекнул, что беседа сосредоточилась и обострилась, когда речь зашла о язычестве и христианстве древних славян, и особо русичей. Профессор З. выразил чисто культурологический взгляд на историю славянства, исключив православный аспект, с чем мне, православному славянину, трудно согласиться. Совершенно чуждо мне космополитическое, атеистическое отношение к славянству, выраженное в речи П., от которой дохнуло зловещим богоборчеством, словно из геенны огненной, где плач и скрежет зубов... Белорус Р. подивил великорусов глубоким и любовным знанием языческих обычаев и обрядов белых русов, кои, как и малые русы, даже в большей степени сохранили древнерусскость, нежели великие русы. Но меня огорчало и раньше, и ныне огорчает то, что белорусский этнограф в публичных, устных и печатных беседах навязчиво продвигает в народ языческую мистику, чем вольно ли, невольно противостоит православному христианству, а значит и Христу Богу, а значит, тоже впадает в богоборчество. Ярко и любознательно, с отзвуками былинной краснопевности, пишет о славянстве С., — словно вещий боян на киевских горах, возложив персты на гусли, с любовью поет о славянском природолюбии. Лишь смутно, невнятно, о каком Творце идет речь, потому что Иисус Христос не поминается, ибо если говорится не о Христе, воплощенном в неразлитой и неслиянной Святой Троице (Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух), — то значит говорится о князе тьмы, что кощунственно поименован «Творцом». Мои взгляды по отношению к славянству полностью совпадают со взглядами Т., кои выражены в его слове, где русский националист-монархист доказал уготовленность славян, некогда поклонявшихся природе, ко святому крещению и облачению во Христа Бога.

В молодые лета азартно постигал я древнерусские языческие обычаи и обряды, созвучные восточнославянским, и сочинял очерки, касаемые обрядовости

старославян, но осмыслял, описывал славянство и природу с Христовой точки зрения, запечатленной в Святом Писании, и, восхищаясь обрядовой, песенной поэзией древних славян, языческую магию вначале, будучи атеистом, отвергал, потом воспринимал яко бесовщину. Коли Бог, словно пастырь овчий, ведет грешные, но покаянные души к спасению для Вечного и Блаженного Царства Небесного, то языческие жрецы, а ныне воспеватели мистического язычества, — *бесам жряху*, то есть, бесам поклоняются и народ искушают бесовской прелестью, ибо языческие жрецы, языческие проповедники — слепцы, ведущие слепых в преисподнюю, на вечные муки. Духовно воинственное отношение к язычеству выражено в Библии устами ветхозаветных пророков, потом устами Сына Божия и устами апостолов, а в Священном Предании и устами святых, в земле славянской просиявших.

О русском и общеславянском язычестве изрядно толковали святые отцы Церкви, а ныне — богословы, а посему я, не богослов, не вступаю в споры с выше помянутыми толкователями славянства, кои, преклоняясь перед язычеством или атеистически отрицая христианско-мистические основы мира, вольно ли, невольно, восстают против Христа Бога, против православного христианства. Господь им судия, а я предлагаю читателям лишь данный очерк, где и выразились мои взгляды на старославянское, старорусское язычество в его столкновении с православным христианством. Впрочем, говоря мои взгляды, я не обольщаюсь по поводу своего духа и разума, ибо вольно ли, невольно ли повторил реченное православными мыслителями канувших веков.

По поводу взаимоотношений славянских держав с Царством Русским думаю с грустью и надеждой... Русские государевы мужи, избранные Богом, и горние любомудры мечтали о искреннем братстве славянских народов, и, скажем, освободитель славян, русский полководец Михаил Скобелев воображал: «Я рисую себе в будущем вольный союз славянских племен. Полнейшая автономия у каждого, одно только общее — войска, монета и таможенная система. В остальном — живи, как хочешь и управляйся внутри себя, как можешь...»

Федор Достоевский предполагал лишь духовное единение славян: «...Славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России — началом, которое может быть даже и не строго политическим. И, наконец, (...) славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, европейскому человечеству и цивилизации его свое новое здоровое и еще неслышанное миром слово».

Но и великий полководец, и великий писатель вскоре с печалью погребли блажь славянского единения...

Михаил Скобелев: «Племена и народы не знают платонической любви... Католичество широко разольется... Оно захватит все и всех, и в первом спорном вопросе славяне южные пойдут против северных, и будет эта братоубийственная война торжеством всякой немецкой челяди...»

Федор Достоевский: **«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! (здесь и далее выделено мной. — А.Б.) И пусть**

не возражают мне, не оспаривают, не кричат на меня, что я преувеличиваю и что я ненавистник славян! Я, напротив, очень люблю славян... Начнут же они, по освобождении, свою новую жизнь, повторяю, именно с того, что выпросят себе у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе, и хоть в концерте европейских держав будет и Россия, но они именно в защиту от России это и сделают. *(Столь это похоже на послевоенных и нынешних славян, исключая сербов и белорусов. — А.Б.)* Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, «имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени». Может быть, целое столетие, или еще более, они будут беспрерывно трепетать за свою свободу и бояться властолюбия России; они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против неё... **Особенно приятно будет для освобожденных [русскими] славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации.**

России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма прежде, чем постигнуть хоть что-нибудь в своем славянском значении и в своем особом славянском призвании в среде человечества. Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать.

Разумеется, в минуту какой-нибудь серьезной беды они все непременно обратятся к России за помощью. Как ни будут они ненавистничать, сплетничать и клеветать на нас Европе, заигрывая с нею и уверяя ее в любви, **но чувствовать-то они всегда будут инстинктивно (конечно, в минуту беды, а не раньше), что Европа естественный враг их единству, была им и всегда останется,** а что если они существуют на свете, то, конечно, потому, что стоит огромный магнит — Россия, которая, неодолимо притягивая их всех к себе, тем сдерживает их целость и единство. **России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразумлять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае.** *(Ф.М. Достоевский, ПСС в 30-ти томах, ПУБЛИЦИСТИКА И ПИСЬМА тома XVIII-XXX, ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ ноябрь 1877, Том 26, глава II, параграф III, издательство «НАУКА» Ленинград 1984.)*

Пророческие думы Федора Достоевского обрели скорбное воплощение, когда не токмо западные славяне, но и малорусы (*украинцы* — русские, живущие у края России), что даже *более русские*, нежели великорусы, и те, соблазненные *погаными латинянами*, подняли пятау на Россию. Ладно, коли пожаром вспыхнул бы украинский национализм, а то ведь скинулись американцы с европейцами и купили продажную украинскую *владу*, чтобы лет за пятнадцать-двадцать взрастить

поколения малорусов, не токмо не чующих братского родства с великорусами, но и люто ненавидящих своих единокровных единоверцев. Говорил же Гитлер, исчадь ада, что «...мы тогда победим Россию, когда белорусы и украинцы поверят, что они не русские».

Но я верю, что Червонная Русь очнется от бесовских чар, и, словно евангельский блудный сын к отцу, вернется к Святой Руси, где по ней тоскуют родичи, где ее с братской искренней любовью встретят Белая Русь и Великая Русь.

Эпилог

Приобщение Руси к христианству было великим и душеспасительным Промыслом Божиим; к сему Русская Православная Церковь стала прочным остовом, на коем надежно держалась идеологическая, культурная, хозяйственная жизнь России. Валентин Распутин по этому поводу писал: *«Это можно было сравнить с тем, что, имея землю, Русь получила небо, а славянин, имея тело, получил душу»*.

Но запредельно сложен, запредельно противоречив русский характер, в коем мучительно, нередко для души разрушительно уживались исступленная вера и дикий разгул, слезное покаяние и свирепый грех. Церковь и кабак... Я бы даже сказал, что русский характер и русским, особо скудоверным, подчас непостижим; они и сами-то не могут понять свою душу, и порой не ведают, что ожидать от себя завтра. Это особо выразилось в русской народной жизни, когда лукавый искушал православные души языческой *вольницей*, и нация, словно стадо свиней, в коих вошли бесы, с диким воплем летела в пропасть.

А виною великих российских смут, кровавых восстаний, коли взглянуть на лихолетья православно, — не истребленное в русских душах языческое понимание воли, созвучной *воле* дикого зверя. Как уже говорилось в предыдущих главах, христианское понятие воли — духовное: вольность от земных похотей и плотских страстей, а в язычестве понятие *воли* — плотское: свобода для жизни во грехах и пороках. Разумеется, лишь святые пожизненным постничеством, молитвенным подвигом достигали духовной *воли*, но и православные христиане жили в устремлении к *воле* Христа ради, жили в борьбе с языческим наваждением. Русские крестьяне особо чували, что жить следует не по *своей воле* ...*своя воля страшнее неволи*... но по воле Божией, а посему крестьяне с жалостью осуждали *своевольных* людей.

История духовного, культурного, хозяйственного развития русского крестьянства не завершилась в начале двадцатого века, но резко осеклась; мировая сатанократия, опираясь на правящее российское сословие, обезбоженное, прозападное, чуждое простолудью, веками расшатывала древо русской народно-православной государственности, веками искушала народ *языческой волей*, из чего и народилась кровавая российская смута. Господь попустил за языческие грехи, и Россия вверглась в братоубийственную сечу; да и Отечественную войну Господь попустил за богоотступничество и богоборчество; и *вольнлюбцы* без Бога и царя в голове сокрушили отчий дом — Святую Русь с ее государственной симфонией — Православие, Самодержавие, Народность. Великий русский мыслитель Иван Ильин писал: *«Сущность катастрофы духовна. Это есть кризис русской религиозности»*.

Кризис чести и совести. Кризис русского национального сознания. Кризис русской семьи. Великий и глубокий кризис всей русской истории».

Некое время простолюдые верило в новоявленных идолов-большевиков, посуливших народу волю, а с волей крестьянам землю, рабочим заводы и фабрики; но, увы, народ жестоко и коварно был обманут: взяв полную, защищенную подневольными штыками, злобную власть, жрецы языческой революции, словно древние иудеи и греко-римские язычники, с безумными, сладострастными воплями напали на православных христиан, — с дьявольским святотатством порушенные храмы, умученные иереи, архиереи, миряне — что и выразило религиозно-мистический (*сатанинский, богоборческий*) характер революции. И тогда даже искушенные *языческой волей*, но не утратившие земной совести, очнулись, ужаснулись, узрев под горделивыми личинами жрецов революции бесовские хари²⁰ с кривыми рогами, увидев, что из-под долгополых кожаных пальто видны бесовские копыта. Но запоздало пробуждение: богоборцы-большевики загнали *вольнлюбивое* простолюдые в такую неволю, перед которой смеркло и крепостное право, что рабским ярмом два века сжимало крестьянские выи. И, лишенные Бога, остались *вольнлюбивые* души с пустотой, кою заполняли скудным хлебом, диким зрелищем и *воспетым* грехом.

Но и красная российская власть вышла духовно неоднородной; с уходом троцкистско-ленинских большевиков, кои люто ненавидели русский православный люд, с приходом властелина Сталина, обрусевшего душой, что яро боролся с безпамятством и безродством, случилась попытка возрождения исторической, православно-самодержавной Российской Империи. Но, увы, попытка не увенчалась успехом: Сталин ушел или его *ушли* недобитые троцкистско-ленинские космополиты, и вновь на Руси воцарился богоборец.

Говоря о духовном падении народа в начале XX века, которое привело к поражению России, мы имеем в виду падшее дворянство и смутную интеллигенцию; духовенство же и крестьянство стали жертвой безбожной власти, полонившей Русь. Революция, словно зверь, пожирает своих сынов: либеральные дворяне, революционные разночинцы потом тоже пострадали от антихристовой власти, но, как в народе говорят, за что боролись, на то и напоролись. Грехопадение обезбоженных *россиян*, впавших в богоборчество, породило сонм праведников, что не изменили Вере, Царю и Отечеству.

Завершая очерковое повествование, вынужден с грустью повторить слова, сказанные Иваном Сахаровым, знаменитым русским старинарём, глубинным знатоком календарных обычаев, обрядов и примет: «Старина, старина! Как была ты мила нашим предкам, и как мы, их потомки, успели скоро променять тебя на заморские причуды!»

Спасение русского народа, возрождение Святой Руси случится лишь тогда, когда народ не из традиции лишь, а по велению измученной души, жаждущей праведности, вернется в лоно Русской Православной Церкви; когда народ возродит древнюю народную монархию, подвластную Церкви, одухотворенную и окормленную любовью к Вышнему и ближнему, к русской земле.

²⁰Личины, хари — ярко раскрашенные святочные маски, изображающие нечистую силу.

Список использованной литературы

- Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865.
- Байбородин А. Яко богиню землю нареки. М., 1991 г.
- Белов В. Лад. М., 1989.
- БИБЛИЯ. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 1991.
- Болонев Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (старообрядцев). Вторая половина XIX — начало XX в. в. Новосибирск, 1978.
- Болонев Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII-XX в.в. Новосибирск, 1994.
- Бурцев А. Народный календарь примет, обычаев и поверий на Святой Руси. СПб., 1911.
- Виноградов Г. Материалы для народного календаря русского старожилого населения Сибири. Иркутск, 1925.
- Громыко М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.
- Даль В. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Ермолов А. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 2 — Народная агрономия; Т. 3 — Животный мир; Т. 4 — Народное погововеденье. М., 1905.
- ЖИТИЯ СВЯТЫХ, на русском языке изложенные по руководству Четьи-Минеи св. Димитрия Ростовского. М., 1908.
- Журнал Московской Патриархии. М., 1978-1990.
- Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- Зиновьев В. Русские сказки Забайкалья. Иркутск, 1980.
- Зиновьев В. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири. Иркутск, 1987.
- Карамзин Н. История Государства Российского. С.-Петербург, 1842.
- Калинский И. Церковно-народный месяцеслов на Руси. СПб., 1877.
- Козлов М. О покровителях Земли Русской. Литературный Иркутск. Иркутск, 1990.
- Козлов М. Назад к Перуну? (Заметки о язычестве древнем и современном). «Литературный Иркутск». Иркутск, 1991.
- Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993.
- Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. Новосибирск, 1981.
- Круглый год. М., 1989.
- Круглов Ю. Русские обрядовые песни. М., 1989.
- Лирические песни. М., 1990.
- Александр Лопухин. Библейская история Ветхого и Нового Заветов. М. Альфа-книга. 2016.
- Макаренко А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. СПб., 1913. Т.36.
- Максимов С. Крестная сила. Собр. соч. в 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 17, с. 3-238.
- Максимов С. Нечистая сила. Неведомая сила. Собр. соч. в 20-ти томах. СПб., 1912. Т. 18.
- МЕСЯЦЕСЛОВ. Настольная книга священнослужителя. Издание Московской Патриархии. М., 1979.
- Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. Альманах библиофила. Выпуск 26. М., 1989.

Распутин В. Россия: дни и времена. Иркутск, 1993.

Россия древняя и вечная. Сост. А. Байбородин. Иркутск, 1993.

Русские народные сказители. М., 1989.

Русская свадьба. М., 1985.

Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. М., 1978.

Сахаров И. Сказание русского народа. Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885.

Святой Николай, мирликийский чудотворец. Его жизнь и чудеса. С.-Петербург, 1906.

Снегирев И. Русские в своих пословицах. М., 1832.

Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. — В университетской типографии, 1837. — 264 с.

Селиванов В. Год русского земледельца. Владимир, 1902.

Степанов Н. Народные праздники на Святой Руси. СПб., 1899.

Февраль 1992 года, осень-зима 2011 года, осень-зима 2018 года.